

АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ФӘННӘР АКАДЕМИЯСЕ

Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ

Научный журнал

ИЗ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

2024. Том 14, № 4

Казань

Academic Journal

FROM HISTORY AND CULTURE
OF PEOPLES OF THE MIDDLE VOLGA REGION

2024, vol. 14, no. 4

Kazan

Издание основано в 2011 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Государственное научное бюджетное учреждение
«Академия наук Республики Татарстан»
(420111, ул. Баумана, 20, Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77-87862 от 22 июля 2024 г.

Выходит 4 раза в год

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420111, ул. Батурина, 7, Казань,
Республика Татарстан, Российская Федерация
Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
Тел./факс +7(843) 292 84 82 (приемная), +7(843) 292 19 15

ТИПОГРАФИЯ:

Издательство Академии наук Республики Татарстан
(420111, ул. Баумана, 20, Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация)

<https://iknsp-journal.ru>

E-mail: istkazan@mail.ru

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=52839

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons "Attribution"
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

© ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», 2024

© «Из истории и культуры народов Среднего Поволжья», 2024

The journal was founded in 2011

FOUNDER AND PUBLISHER:

State Institution "Tatarstan Academy of Sciences"
(20, Bauman Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation)

The journal is registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)
ПИ № ФС 77-87862 from Yuly 22, 2024

Published four times a year

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

7, Baturin Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Tel./Fax +7(843) 292 84 82 (reception), +7(843) 292 19 15

PRESS:

Publishing House of the Tatarstan Academy of Sciences
(20, Bauman Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation)

<https://iknsp-journal.ru>
E-mail: istkazan@mail.ru

The journal is included in the Russian Science Citation Index Database
https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=52839

All the materials of the journal are available under
the Creative Commons License "Attribution" 4.0 International (CC BY 4.0)

© State Institution "Tatarstan Academy of Sciences", 2024

© "From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region", 2024

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: **Исхаков Радик Равильевич**, д.и.н., заведующий отделом истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Научный редактор выпуска: **Абдуллин Халим Миннуллович**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь выпуска: **Файзрахманов Ильшат Завдатович**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов: **Шарафиев Эмиль Илхамутдинович**, к.и.н., младший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор: **Багаутдинова Халида Зиннатовна**, научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Минниханов Рифкат Нургалиевич, д.тех.н., президент Академии наук Республики Татарстан, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Салихов Радик Римович, д.и.н., директор, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, академик АН РТ, председатель редакционной коллегии (Казань, Российская Федерация)

Загидуллин Ильдус Котдусович, д.и.н., доцент, старший научный сотрудник, Центр исламоведческих исследований АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Иванов Ананий Герасимович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Российская Федерация)

Самигулов Гаяз Хамитович, к.и.н., старший научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Российская Федерация)

Николаев Геннадий Алексеевич, к.и.н. (Чебоксары, Российская Федерация)

Иштван Вашари, Dr. Sci. (история), профессор отделения тюркских и центрально-азиатских исследований факультета гуманитарных наук,

Университет им. Лоранда Этвёша, член-корреспондент Венгерской Академии наук (Будапешт, Венгрия)

Михаэль Кемпер, Dr. Sci. (история), профессор сектора Европейских исследований факультета гуманитарных наук, Университет Амстердама (Амстердам, Голландия)

Марискин Олег Иванович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой экономической истории и информационных технологий Историко-социологического института, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (Саранск, Российская Федерация)

Кабытов Петр Серафимович, д.и.н., заведующий кафедрой российской истории Социально-гуманитарного института, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева (Самара, Российская Федерация)

Пол Верт, Ph.D. (история), профессор кафедры истории, Университет Невады (Лас Вегас, США)

Таймасов Леонид Александрович, д.и.н., профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории историко-географического факультета, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (Чебоксары, Российская Федерация)

Фахрутдинов Раиль Равилович, д.и.н., заведующий кафедрой исторического и обществоведческого образования, врио директора Института международных отношений, Казанский федеральный университет (Казань, Российская Федерация)

EDITORIAL OFFICE

Chief editor: **Radik R. Iskhakov**, Dr. Sci. (history), Head of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Scientific editor of the issue: **Khalim M. Abdullin**, Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Executive secretary of the issue: **Ilshat Z. Faizrakhmanov**, Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

English texts' editor: **Emil I. Sharafiev**, Cand. Sci. (history), Junior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Technical editor: **Khalida Z. Bagautdinova**, Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Rifkat N. Minnikhanov, Dr. Sci. (technical sciences), President of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Radik R. Salikhov, Dr. Sci. (history), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences, Chairman of the Editorial Board (Kazan, Russian Federation)

Ildus K. Zagidullin, Dr. Sci. (history), Associate Professor, Senior Researcher of the Center for Islamic Studies, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Ananiy G. Ivanov, Dr. Sci. (history), Professor, Head of the Department of Russian History, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Gayaz Kh. Samigulov, Cand. Sci. (history), Senior Researcher, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation)

Gennadiy A. Nikolaev, Cand. Sci. (history) (Cheboksary, Russian Federation)

István Vásáry, Dr. Sci. (history), Professor of the Department of Turkic and Central Asian Studies, Faculty of Humanities, Eötvös Loránd University, Corresponding Member of the Hungarian Academy of Sciences (Budapest, Hungary)

Michael Kemper, Dr. Sci. (history), Professor of the Sector for European Studies, Faculty of Humanities, University of Amsterdam (Amsterdam, Netherlands)

Oleg I. Mariskin, Dr. Sci. (history), Professor, Head of the Department of Economic History and Information Technology, Historical and Sociological Institute, Ogarev National Research Mordovian State University (Saransk, Russian Federation)

Petr S. Kabytov, Dr. Sci. (history), Head of the Department of Russian History, Social and Humanitarian Institute, Korolev Samara National Research University (Samara, Russian Federation)

Paul W. Werth, Ph.D. (history), Professor of the Department of History, University of Nevada (Las Vegas, USA)

Leonid A. Taimasov, Dr. Sci. (history), Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Regional History of the Faculty of History and Geography, Ulyanov Chuvash State University (Cheboksary, Russian Federation)

Rail R. Fakhrutdinov, Dr. Sci. (history), Head of the Department of Historical and Social Science Education, Acting Director of the Institute of International Relations, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Абдуллин Х.М. Предисловие к номеру: публикация материалов Всероссийской научной конференции «Татары на службе Отечеству» (27 сентября 2024 г., Казань)	10
---	----

Статьи

Акчурин М.М. Отражение событий Смутного времени начала XVII века в преданиях о предках Каюма Насыри	14
Торопицын И.В. Астраханские юртовские татары и события Смоленской войны 1632–1634 гг.	24
Ногманов А.И. Мурзы и служилые татары в Русско-польской войне 1654–1667 гг.	39
Шарафиев Э.И. Послужные списки тептярских казачьих полков как исторический источник	50
Дубовиков А.М. Участие уральских (яицких) казаков в присоединении Средней Азии к России	64
Горин А.А. Ислам в порядке несения службы военнослужащих мусульман в уставах, законах и указах Российской империи первой половины XIX в.	83
Аминов Р.Р. Мурзы Кульмаметьевы в составе Сибирского Татарского казачьего полка (1822–1849 гг.)	91
Насеров Ш.А. Татары-моряки в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг.	107
Хамидуллин С.Р. Нугман Кушаев. Военный ахун на службе Российской империи	120
Габдрафикова Л.Р. Исторические предпосылки возникновения понятия «сестра милосердия» в татарском языке	126
Ахтямова А.В. Освещение деятельности отделений Уфимской губернии Временного мусульманского комитета по оказанию помощи воинам и их семьям на страницах дореволюционных татарских газет	139
Абдуллина Р.Х. Индерцы – участники Первой мировой войны	157

Публикация источника

Исхаков Р.Р., Владимиров О.О. Новые материалы по истории рода каринских (арских) князей Давлетьяровых XVI–XVIII вв.	164
--	-----

Новые книги, рецензии

Ногманов А.И. Рецензия на книгу: История Казанского адмиралтейства в документах и материалах (сост., автор предисловия, примечаний, научно-справочного аппарата И.З. Файзрахманов; Казань, 2023)	177
---	-----

Научная жизнь

Гаухман М.В. Счастливый историк с музейным прошлым: к 65-летию Михаила Игоревича Роднова	183
--	-----

CONTENTS

Abdullin Kh.M. Preface to the issue: publication of materials from the All-Russian scientific conference “Tatars in the Service of the Fatherland” (September 27, 2024, Kazan)	10
---	----

Articles

Akchurin M.M. Reflection of the events of the Time of Troubles of the early 17th century in the legends about the ancestors of Kayum Nasyri	14
Toropitsyn I.V. Astrakhan Yurt Tatars and the events of the Smolensk War of 1632–1634	24
Nogmanov A.I. Murzas and Service Tatars in the Russian-Polish War of 1654–1667	39
Sharafiev E.I. Service records of the Teptyar Cossack regiments as a historical source	50
Dubovikov A.M. Participation of Ural (Yaik) Cossacks in annexation of Central Asia to Russia	64
Gorin A.A. Islam in the order of service of Muslim military personnel in the charters, laws and decrees of the Russian Empire in the first half of the 19th century	83
Aminov R.R. Murzas Kulmametyevs as part of the Siberian Tatar Cossack Regiment (1822–1849)	91
Naserov Sh.A. Tatar sailors in the Crimean (Eastern) War of 1853–1856	107
Khamidullin S.R. Nugman Kushaev. Military akhun in the service of the Russian Empire	120
Gabdrifikova L.R. Historical prerequisites of the "Sister of Mercy" concept in Tatar language	126
Akhtyamova A.V. Coverage of the activities of the Ufa province branches of Temporary Muslim Committee for assistance to soldiers and their families on the pages of pre-revolutionary Tatar newspapers	139
Abdullina R.Kh. Inderka residents – participants of the World War I	157

Publication of the source

Iskhakov R.R., Vladimirov O.O. New materials on the history of the Karinsk (Arsk) princes Davletyarovs family of the 16th – 18th centuries	164
--	-----

New books, reviews

Nogmanov A.I. Book review: History of the Kazan Admiralty in documents and materials (Compiler, Author of the preface, notes, scientific reference apparatus I.Z. Faizrakhmanov; Kazan, 2023)	177
--	-----

Scientific life

Gaukhman M.V. A happy historian with a museum past: on the 65th anniversary of Mikhail Igorevich Rodnov	183
---	-----

УДК 929

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-4.10-13

Предисловие к номеру: публикация материалов
Всероссийской научной конференции «Татары на службе
Отечеству» (27 сентября 2024 г., Казань)

Х.М. Абдуллин

*Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

В предисловии представлен обзор прошедшей в Казани 27 сентября 2024 г. Всероссийской научной конференции «Татары на службе Отечеству», а также краткое описание каждой статьи, вошедшей в 4-й номер журнала «Из истории и культуры народов Среднего Поволжья» за 2024 г.

Ключевые слова: Всероссийская научная конференция, «Татары на службе Отечеству», материалы конференции, научные статьи, научная рецензия

Для цитирования: Абдуллин Х.М. Предисловие к номеру: публикация материалов Всероссийской научной конференции «Татары на службе Отечеству» (27 сентября 2024 г., Казань) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №4. С.10–13. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.10-13>

В четвертом номере журнала «Из истории и культуры народов Среднего Поволжья» за 2024 г. публикуются материалы Всероссийской научной конференции «Татары на службе Отечеству», прошедшей в Казани 27 сентября 2024 г. Конференция состоялась в рамках государственной программы РТ «Реализация государственной национальной политики в Республике Татарстан» и была приурочена к целому ряду значимых событий в военной истории России, отмечаемых в 2024 году: 210-летие завершения Заграничных походов русской армии, 150-летие введения всеобщей воинской повинности по Манифесту от 1 (13) января 1874 г., 120-летие начала Русско-японской войны, 110-летие начала Первой мировой войны.

Участие в работе научного форума приняли исследователи из Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга, Казани, Астрахани, Тольятти, Набережных Челнов, Пензенской области. Наибольшую заинтересованность среди исследователей вызвала тематика Первой мировой войны, однако программа мероприятия включала и доклады по широкому кругу вопросов, прежде всего охватывающих период XVII–XIX вв.

В журнал включены статьи участников конференции по следующим научным проблемам. В статье М.М. Акчурина рассмотрены предания о Габдераззаке, предке известного татарского ученого и просветителя Каюма Насыри (1825–1902). Предания были записаны самим Каюмом Насыри

со слов жителей д. Верхние Ширданы. По мнению автора, анализ сообщений из этих преданий позволяет сделать заключение, что в них, действительно, могли отражаться некоторые события разных периодов Смутного времени, происходившие в начале XVII в. в Московском государстве. *И.В. Торопыцын* обратился к проблеме участия астраханских юртовских татар в Смоленской войне 1632–1634 гг. Автор анализирует мобилизационный потенциал тюркского служилого населения Нижнего Поволжья, особенности его привлечения к участию в войне против Польши. В центре исследования оказываются подготовка к Литовскому походу 1632 г. и его осуществление под началом воевод И.Кондырева и С.Матвеева. Статья *А.И. Ногманова* посвящена участию служилых мурз и татар в Русско-польской войне 1654–1667 гг. Данное исследование является первой попыткой анализа этой проблемы в отечественной историографии. Опираясь преимущественно на документы Разрядного приказа, опубликованные в «Актах Московского государства», автор определяет информативные возможности указанного корпуса источников.

Послужные списки тептярских казачьих полков XVIII–XIX вв. стали предметом исследования *И.Э. Шарифиева*. Эти документы впервые вводятся автором в научный оборот и имеют исключительную ценность, поскольку позволяют узнать новые факты касательно военной истории сословия тептярей. Историк из Тольятти *А.М. Дубовиков* проанализировал историю участия уральских (до 1775 г. – яицких) казаков в военных походах в Среднюю Азию и в кампаниях по ее завоеванию.

В нескольких статьях номера рассматривается военная история татарского народа в XIX столетии. В публикации *А.А. Горина* представлен обзор влияния мер по упорядочению вопросов исповедания ислама в вооруженных силах Российской империи первой половины XIX в. на решение военных и внешнеполитических проблем государства. В статье *Р.Р. Аминова* дан комплексный анализ воинской службы мурз Кульмаметьевых в составе Сибирского Татарского казачьего полка в 1822–1849 гг. Исследуется социальное положение офицерского состава казаков по данным Устава о сибирских городских казаках 1822 г. Автором вводятся в научный оборот сведения из формулярных списков чиновников Сибирского Татарского казачьего полка за 1844 и 1845 гг., что позволяет составить портрет среднестатистического офицера из числа татар-казаков Западной Сибири. Публикация *Ш.А. Насерова* посвящена роли татар-моряков в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг. *С.Р. Хамидуллин* рассмотрел жизнь и деятельность военного ахуна Ярмарочной мечети в Нижнем Новгороде Нугмана Кушаева в середине XIX в. Его служение было посвящено исполнению религиозных обрядов среди воинских чинов-мусульман Нижегородской губернии.

Следующий блок статей номера отсылает читателя к событиям, связанным с Первой мировой войной 1914–1918 гг. Публикация *Л.Р. Габдрафиковой* посвящена участию татарских женщин в сфере военной медици-

ны в начале XX в.: от отмеченной государственной наградой службы врача Р.Кутлюяровой-Сулеймановой во время Русско-японской войны до добровольцев и сестер милосердия Первой мировой войны (Х.Акчурина, Г.Ижбирдеева, М.Саинова, Г.Саинова, З.Тальковская и др.). Казанский историк *А.В. Ахтямова* обратилась к проблеме становления и развития отделений Временного мусульманского комитета по оказанию помощи воинам и их семьям в Уфимской губернии. Этот комитет являлся самой крупной официально разрешенной организацией российских мусульман периода Первой мировой войны.

В работе исследователя *Р.Х. Абдуллиной* рассмотрен вопрос участия жителей татарского села Индерка Сосновоборского района Пензенской области в Первой мировой войне. В публикации центральным является вопрос о судьбе участников войны, раскрывается их боевой и жизненный путь. Статья содержит краткие биографии ветеранов.

В разделе «Публикация источника» казанские историки *Р.Р. Исхаков* и *О.О. Владимиров* презентовали новые материалы по истории рода каринских (арских) князей Давлетьяровых (XVI–XVIII вв.). Данные материалы расширяют источниковую базу для исследования истории каринских татар, а также процессов их миграции в Приуралье и интеграции в социальную структуру населения Уфимского уезда в XVII в. Публикация может быть полезной при изучении социальных процессов, происходивших в Волго-Уральском регионе в XVI–XVIII вв., а также для исследований по генеалогии и краеведению.

В разделе «Новые книги, рецензии» представлена научная рецензия *А.И. Ногманова* на книгу «История Казанского адмиралтейства в документах и материалах» (составитель, автор предисловия, примечаний, научно-справочного аппарата *И.З. Файзрахманов*; Казань, 2023).

Статья уфимского историка *М.В. Гаухмана* посвящена 65-летию юбилею доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук – Михаила Игоревича Роднова.

Информация об авторе:

Абдуллин Халим Миннуллович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-0212-6953; ResearcherID: F-6652-2018; Scopus AuthorID: 56707127600; e-mail: xalimabd@mail.ru

Поступила 11.11.2024

Принята к публикации 25.11.2024

Preface to the issue: publication of materials from the All-Russian scientific conference "Tatars in the Service of the Fatherland" (September 27, 2024, Kazan)

Kh.M. Abdullin

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The preface provides an overview of the All-Russian Scientific Conference "Tatars in the Service of the Fatherland" held in Kazan on September 27, 2024, as well as a brief description of each article included in the 4th issue of the journal "From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region" for 2024.

Keywords: All-Russian scientific conference, "Tatars in the Service of the Fatherland", conference materials, scientific articles, scientific review

For citation: Abdullin Kh.M. Preface to the issue: publication of materials from the All-Russian scientific conference "Tatars in the Service of the Fatherland" (September 27, 2024, Kazan). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.4, pp.10–13. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.10-13>

About the author:

Abdullin Khalim Minnullovich – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-0212-6953; ResearcherID: F-6652-2018; Scopus AuthorID: 56707127600; e-mail: xalimabd@mail.ru

Received November 11, 2024

Accepted for publication November 25, 2024

СТАТЬИ

УДК 94(47).045

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-4.14-23

Отражение событий Смутного времени начала XVII века в преданиях о предках Каюма Насыри

М.М. Акчурин

Исследователь

Казань, Российская Федерация

В данной статье рассмотрены предания о Габдераззаке, предке известного татарского ученого и просветителя Каюма Насыри (1825–1902). Предания были записаны самим Каюмом Насыри со слов жителей д. Верхние Ширданы. Анализ сообщений из этих преданий позволяет сделать заключение, что в них, действительно, могли отражаться некоторые события разных периодов Смутного времени, происходившие в начале XVII в. в Московском государстве.

Ключевые слова: Каюм Насыри, Габдераззак-баба, Смутное время, Свияжский уезд, ясачные татары, Василий Шуйский, Лжедмитрий II, воевода Богдан Бельский

Для цитирования: Акчурин М.М. Отражение событий Смутного времени начала XVII века в преданиях о предках Каюма Насыри // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №4. С.14–23. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.14-23>

В своей работе «Материалы по археологии (О селениях Свияжского уезда)» Каюм Насыри собрал множество различных преданий по истории татарских деревень Свияжского уезда. В разделе, посвященном его родной деревне Верхние Ширданы (ныне с. Малые Ширданы Зеленодольского района РТ), одно из центральных мест занимают рассказы о Габдераззаке-баба (Габдераззаке-мулле). Каюм Насыри к каждому сообщению указал имена информаторов и тех, от кого они получили переданные сведения [14, с.189–196].

Согласно преданиям, Габдераззак, являвшийся предком Каюма Насыри по прямой мужской линии, был авторитетным и очень богатым человеком, заставшим времена правления русских царей Ивана Грозного (1533–1584 гг.), Федора Ивановича (1584–1598 гг.), а также период Смуты начала XVII в. В прежней публикации мы ссылались на эти предания для иллюстрации порядка сбора ясака в Свияжском уезде, где предположили,

что Габдераззак мог являться сотником в одной из внутренних сотен князь Аклычевой сотни [2, с.162]. В настоящей статье хотелось бы обратиться к тем кратким сообщениям, которые могут иметь отношение к определенным событиям Смутного времени.

Первая публикация данной работы Каюма Насыри была сделана Гали Рахимом уже спустя 24 года после его смерти – в 1926 г. [12, б.33–59]. Как оказалось, в русском переводе «Материалы по археологии (О селениях Свияжского уезда)», выполненном Р.Шагеевой [15, с.41–67], некоторые детали по сравнению с татарским текстом были опущены: в частности не указано имя информатора; не сказано, что на войну с Лжедмитрием Габдераззак отправил только двух сыновей. Поэтому для дальнейшего изучения была привлечена публикация на татарском языке [14, б.184–215]. Ниже приведем вызывающие интерес фрагменты:

«Хәсән баба үзенәң атасыннан ишетеп сөйләр икән: ...Бу Габдерәзакның ике углы бик гайяр кешеләр булып. Габдерәзак баба шул ике углын военный киёмнәр киендереп, шул заманда яңа патша ханлыкка утыргач, котлап, урыс ханына ат мендереп бәхеш кыйлган¹, ягъни атлары, кораллары, киёмнәре белән тәмам баштанаяк военный кеше итеп жибергән.

Бервакытны урыстан Богдан дигән жанарал Казанга киләсе булгач. Габдерәзакка әмер булып, урман эченнән юл ачтырганнар. Хәзердә Богдан юлы дигән исем шуннан калгандыр, Шырдан кырында. Аннан соң Габдерәзакның ул ике углы кайтып килмәгәннәр; Митри сугышында² һәлак булганнар. Урси бабадан риваять кыйлалар: ...Ахыр ул заманда урыс ханнары арасында да тынычсызлыklar күп булып, Габдерәзак мулланың дошманлык вә көнчелек кыйлучылары күбәеп, ахыр көннәрендә фәкыйрьлеккә төшөп дәүләте киткән. Шул сәбәпле тәзкирәләре³ бер дә калмагандыр. Бик фәкыйрьлектә вафат булгандыр» [14, б.191–193].

Приведем собственный перевод: «Хасан-баба, услышав от своего отца, передает следующее: ...два сына Габдераззак были очень храбрыми людьми. Габдераззак-баба, одев этих двух сыновей в военные одежды, в то время, когда на царство сел новый царь, и приветствуя [его] (“котлап” – поздравляя, одобряя, приветствуя), преподнес их в качестве подарка русскому царю, посадив верхом на коня – то есть отправил с его конями, оружием и одеждой [снарядив] полностью с ног до головы как военных людей. Однажды из Русского государства (“урыстан”) должен был приехать генерал по имени Богдан. Габдераззак получил приказ проложить дорогу через лес. Видимо, поэтому до наших дней на ширданском поле сохраняется название “дорога Богдана”. В последующем те два сына Габдераззак не вернулись, погибли на войне с Дмитрием (“Митри”). Предание

¹ Бәхеш кыйлган – бүләк жибергән [14, б.192].

² Сүз Ялган Дмитрий турында бара (комментарий, оставленный К.Насыри. – М.А.) [14, б.192].

³ Тәзкирәләре – истәлекләре [14, б.193].

от Урси-баба: ...В ту пору между русскими царями было много смуты (“тынычсызлыклар” – волнения, беспокойства), [поэтому] у Габдераззак-муллы появилось много врагов и завистников. [От них] он к концу жизни, впадая в нищету, потерял свое состояние. По этой причине от него ни одной памятной [вещи] не осталось. Умер в крайней нищете». Литературный перевод этих фрагментов, выполненный Р.Шагеевой, приведен в приложении (см. Приложение).

Далее, рассмотрим каждое из этих сообщений по отдельности.

Новый царь и отправка сыновей Габдераззак на войну с Лжедмитрием. Из преданий от Хасана-бабы видно, что после восшествия на престол нового русского царя Габдераззак снарядил и отправил к царю двух сыновей, которые, как потом сообщилось, погибли на войне с Лжедмитрием. Здесь можно задаться двумя вопросами. О каком царе идет речь? И в каких сражениях могли погибнуть отправленные сыновья?

М.Гайнетдин во вступительной части под названием «Каюм Насыри: шәхес һәм ижат» («Каюм Насыри: личность и творчество». – *Перевод М.А.*) к четырехтомнику «Каюм Насыри. Сайланма әсәрләр» («Каюм Насыри. Избранные произведения») сделал предположение, что новым царем мог быть Борис Годунов («күрәсең, Борис Годунов» – «видимо, Борис Годунов». – *Перевод М.А.*) [13, б.6]. Эта версия выглядит вполне логичной, учитывая, что в данной работе Каюма Насыри предыдущие сообщения преданий, переданных от Сабита, сына Джамиля, были связаны с периодом правления царя Федора Ивановича [14, б.191], после смерти которого и стал царем Борис Годунов. К тому же для времени царствования Бориса Годунова значимым событием являлся поход Лжедмитрия I на Москву (1604–1605 гг.). Однако в опубликованной «Росписи русского войска, посланного против самозванца в 1604 году» ни из Свияжского уезда, ни даже из Казанского уезда или других соседних уездов воинские отряды не зафиксированы [20, с.366–428]. Но во время Смутного времени был еще один новый царь – это Василий Шуйский, избранный на царство в 1606 г. Так вот, о присылке татар, в том числе и большого числа ясачных людей, из казанских городов к царю Василию Шуйскому говорится во множестве источников. Они прибыли в Москву для усиления царского войска в войне против отрядов И.Болотникова, засевшего в тот момент в Туле. Об этом можно прочитать, например, в записках очевидца, немецкого купца Георга Паерле, заставшего это войско в Москве: «Кто не видал своими глазами этого войска, тот не поверит, что за народ собрал Шуйский: оно состояло большею частью из Татар Казанских, которые не только не умели стрелять, но и ружья никогда в руки не брали. Видя такую армию, мы уверились, что великий князь имел дело не с простыми поселянами» [18, с.431; 17, с.219]. Возможно, давая такую характеристику, автор имел в виду, что татары не были привычны к огнестрельному виду оружия. Как мы знаем, основной формой ведения боя в целом для армии Московского государства вплоть до Смутного времени оставался «лучный бой» [11; 10, с.154].

Известный летописный источник, получивший название «Карамзинский хронограф», подтверждает, что в составе казанского войска, которым руководил воевода Петр Урусов, сын ногайского мурзы Янараслана Урусова [16, с.68], были люди из Свияжского уезда: «...да подле Коширскова ж полку по речке Тулке стояли Казанскова царства ис Казанских городов и пригородков мурзы, и татаровя, и чуваша, и черемиса многие люди, и Рамановские и Арзамаские князи и мурзы, и служивые татаровя, а воевода с татары был князь Петр Арасланович Урусов, а головы татарские были: у Казанских Матвей Юрьев сын Пушешников, у *Свияжеских* (выделено автором. – М.А.) Григорей Никитин сын Елагин, свияженин, с Чебаксарскими Тимофей Исаев сын Есипов, Свияженинов, у Кузмодемьянских татар Яков Иванов сын Мунехин, муромец, и Яков занемог, и на ево места велено быти Смирному Семенову сыну Мотовилову арзамасцу, а у Арзамаских мурз и у тотар в Каширском полку голова Федор Васильев сын Левашов» [19, с.147–148].

Эта информация отражена и в Разрядных книгах: «...поход царя и великого князя Василья Ивановича всеа Руси под Тулу весною. А з государем... в сторожевом полку... с Татары воеводы: князь Петр Орусланович Урусов да Семейка Григорьев сын Ододуров» [6, с.87].

«Карамзинский хронограф» также раскрывает предназначение казанского войска в этом походе: «И по повеленью царя Василья тотаром и черемисе велено Украинные и Северских городов уездов всяких людей воевать и в полон имать, и живот их грабить за их измену и за воровство, что они воровали, против Московскаго государства стояли и царя Васильевых людей побивали» [19, с.148].

Записи из дневника поляка В.Диаментовского, находившегося в плену в Ярославле, говорят о том, что дезертирство из войска Василия Шуйского приобретало массовый характер [7, с.171, 383 (прим. 206)]. Разрядные книги свидетельствуют о побеге Петра Урусова [16, с.68; 7, с.254, 256]. По всей видимости, жители Свияжского уезда тоже покинули царское войско. И причиной этому в том числе стала невыплата жалованья, о чем подробнее будет сказано ниже.

Таким образом, более вероятно, что Габдераззак отправил своих сыновей в Москву в составе казанского войска, собранного для похода под Тулу в 1607 г. А значит, новым царем, упоминаемым в предании, мог быть Василий Шуйский. Сами сыновья, согласно преданиям, не вернулись, погибли.

Прибытие генерала (воеводы) Богдана. Предания продолжают повествование сообщением о получении задания для Габдераззак на прокладку дороги через ширданский лес для прибытия в Казань генерала по имени Богдан. И действительно, как только Василий Шуйский стал царем, он уже в 1606 г. отправил вторым воеводой в Казань Богдана Бельского [4, с.17; 6, с.84], племянника знаменитого Малюты Скуратова. Однако участь

Богдана Бельского оказалась печальной, он был убит в Казани в 1611 г. [4, с.23].

События 1608–1610 гг. Рассказы о Габдераззаке завершаются сообщением о наступившем периоде распрей между русскими царями. В тот момент появляются некие враги и завистники, из-за которых Габдераззак теряет все свое состояние. В дальнейших событиях Смуты, когда существовало два явных противоборствующих центра, можно выделить борьбу Василия Шуйского с самозванным царем Дмитрием (Лжедмитрий II), которого признала значительная часть населения Московского государства. Зимой 1608 г. войско сторонников Лжедмитрия II достигло пределов Свияжского уезда [9, с.153–159]. Помимо русских служилых людей в их рядах состояли служилые татары мецкерских уездов, мордва, бортники, а также «горная чюваша и черемиса» [3]. Как видим, значительную часть этого войска составляли представители местных народов правобережных уездов, а в числе лидеров также находилась татарская знать [9, с.153–159; 3]. По всей видимости, изначальной целью похода являлась Казань, но дальше Свияжского уезда продвинуться не удалось. Противостояли войску сторонников Лжедмитрия II отряды, отправленные казанскими воеводами. В период с декабря 1608 по 1609/10 гг. источниками зафиксированы множественные столкновения на территории Свияжского уезда: под деревнями Едырчеево (возможно, Едигерево), Андреево, Савелово, Бурундуки, Мурлатов (возможно, Нурлаты) [5, с.212–240; 9, с.153–159]. Но судя по сохранившимся сообщениям, далеко не все жители Свияжского уезда примкнули к этому движению. Известно, что город Свияжск восставшим взять не удалось, во время длительной осады в нем укрывались и татары [4, с.22]. Присутствие многочисленных военных отрядов в Свияжском уезде не могло не сказаться на местных жителях. Из челобитных, поданных в 1613 г. новоизбранному царю Михаилу Федоровичу, видно, что среди пострадавших и ограбленных оказались как служилые, так и ясачные татары. Ниже приведем примеры:

– челобитная от свияжского ясачного татарина Аика Аткеева: «Служю я тебе государю всякие твои царские службы и ясак плачу и в *осаде сидел* (здесь и далее выделено автором. – М.А.) и всякую нужю терпел... И пожаловал ты государь мне свои царские две грамоты судные, што меня *грабили...*»;

– челобитная от свияжских служилых татар Уразлея Енаева, Байтерека Ямбулатова, Бикчуры Байчурина: «Служим, государь, мы холопы твои тебе государю всякие твои царские службы зимние и летние 25 лет и в *Свияском в осаде сидели* (здесь и далее выделено автором. – М.А.) и всякую нужду терпели и города от воров берегли и с ворами бились, и *домишка наши воры разорили*» [21, с.88].

Можно сделать предположение, что именно во время этих событий имущество Габдераззака также подверглось разорению, что в итоге привело его к обнищанию.

Стоит сказать об еще одном крупном восстании, вспыхнувшем осенью 1615 г. под руководством казанского служилого татарина Еналея Ен-маметева, которое частично затронуло Свияжский уезд [2, с.169–171]. Однако оно происходило уже во время правления Михаила Романова, а значит, не сопровождалось распрями между русскими царями, о чем повествовало предание. И очаги этого восстания зафиксированы вдали от места жительства Габдераззак – в деревнях князь Ишеевой и князь Бекбулатовой сотен [2, с.169–171]. Поэтому вряд ли в представленном предании говорилось о восстании 1615 г.

Ясачные татары на военной службе. Согласно преданиям, Габдераззак был очень богатым, но судя по тому, что его потомки числились в ясачном сословии, он и сам должен был принадлежать к этому сословию, являясь при этом сотником [2, с.163]. Еще уставная грамота 1574 г. для Верхней Сундырской и Ишлейской волостей соседнего Чебоксарского уезда предписывала сотникам обеспечивать явку из ясачных людей на дальнюю военную службу «с трех дворов по человеку» [8, с.132, 135]. В.Д. Дмитриев отметил, что грамота была адресована всей Казанской земле, состоявшей тогда из трех уездов: Казанского, Свияжского и Чебоксарского [8, с.131]. А значит, недешевое военное снаряжение целиком ложилось на плечи самих ясачных людей. Видимо, в соответствии с этими правилами, в 1607 г. Габдераззак снарядил двух своих сыновей лошадьми, оружием и другой военной амуницией и отправил в Москву в войско Василия Шуйского для похода под Тулу. За участие в военных походах полагалось жалованье. Судя по всему, за поход 1607 г. жителям Свияжского уезда жалованье не было выплачено, что стало вероятной причиной их ухода по домам. Это предположение следует из грамоты Василия Шуйского от 12 апреля 1609 г.: «... в Свияжской князем и мурзам и татаром жаловальным и татаром и чуваше и черемисе ясачным... А мы вас за вашу службу и сверх службы по вашему челобитью во всем пожаловали *за достальную вашу службу, за которую вы о нашем жалованье указу не дождався съехали* (выделено автором. – М.А.), велели есмя пожаловати, и наше жалованье вам всем за достальную вашу службу готово» [1, №34, с.38].

Заключение. Нами был выполнен анализ на соответствие историческим источникам сообщений из преданий, сохранившихся среди местных жителей д. Верхние Ширданы Свияжского уезда. Можно заметить, при всей краткости они весьма достоверно воспроизводят исторические реалии начала XVII в. Среди событий Смуты в преданиях усматриваются: прибытие в Казань воеводы Богдана Бельского в 1606 г., участие свияжских татар в походе Василия Шуйского под Тулу в 1607 г., нахождение войск сторонников Лжедмитрия II в Свияжском уезде в 1608–1610 гг.

В заключение, хотелось бы отметить довольно редкое явление: события Смуты сохранились в народной памяти татар Свияжского уезда до конца XIX в. И видимо, имели для местных татар определенное значение.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перевод на русский язык фрагментов преданий из работы К.Насыри «Материалы по археологии (О селениях Свияжского уезда)»:

...Сыновья Абдуразяка славились своей доблестью и мужеством. Когда пришла пора, он справил им военную одежду, посадил на коней и отправил служить только что воссевшему на престол русскому царю. Иначе говоря, снарядил и вооружил их с ног до головы, пополнил ими царское войско. Когда в Казань должен был приехать некий генерал Богдан, Абдуразяку было приказано проложить в лесу дорогу. Сейчас она так и называется «дорогой Богдана». Что касается сыновей Абдуразяка, то они не вернулись, погибли на войне «Митри» (с Лжедмитрием). Со слов деда Урси передают...

...В то время, по-видимому, сильны были вражда и распри между русскими князьями, в результате которых и у Абдуразяка накопилось много завистников и врагов: под конец жизни он потерял богатство и умер в крайней нищете.

Ранее опубликовано: Насыри К. Избранные произведения. Перевод с татарского языка. Казань: Татарское кн. изд-во, 1977. С.49–50.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты времени правления царя Василия Шуйского. (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) / Собрал и редактировал А.М. Гневушев. М.: издание Имп. о-ва истории и древностей российских при Московском ун-те, 1918. 421 с.

2. Акчурина М.М., Владимиров О.О. О месте татарской аристократии в структуре управления Горной стороны (Свияжского уезда). Вторая половина XVI – начало XVII века // Золотоордынское обозрение. 2022. Т.10, №1. С.154–183. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-1.154-183>

3. Акчурина М.М., Ишеев М.Р. Татары Верхнего и Среднего Поволжья – участники смуты начала XVII века // Этнологические исследования в Татарстане / сост. и отв. ред. Г.Ф. Габдрахманова. Вып. IV. Казань: Институт истории АН РТ, 2010. С.42–64.

4. Амерханова Э.И. Участие служилого города Казани в событиях Смутного времени // Пятые Кремлевские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции Пятые Кремлевские чтения «Военная история России: мифы, факты и память» (Казань, 21–23 ноября 2012 г.). Казань: Фолиант, 2014. С.15–25.

5. Антонов А.В. К начальной истории нижегородского ополчения // Русский дипломатарий. Вып. 6. М.: Памятники исторической мысли, 2000. С.196–240.

6. Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время. (7113–7121 г.). М.: издание Имп. о-ва истории и древностей российских при Московском ун-те, 1907. [2], XXVIII, 311 с.

7. Восстание И. Болотникова. Документы и материалы. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. 455 с.

8. Димитриев В.Д. Документы по истории народов Среднего Поволжья XVI – начала XVII веков // Ученые записки ИЯЛИЭ Чувашии. Чебоксары, 1963. Вып. 22. С.106–136.

9. *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI – нач. XIX вв.). Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1986. 453 с.
10. *Козляков В.Н.* Служилые люди России XVI–XVII веков. М.: Квадрига, 2018. 544 с.
11. *Курбатов О.А.* Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» с середины XVI в. до середины XVII в. // Военная археология. Вып. 2. М.: Русская панорама, 2011. С.58–91.
12. *Насыри К.* Каюм Насыриның моңарчы басылмаган әсәрләре. Мәжмуга / төз.: Г. Рәхим. Казан: Татарстан дәүләт нәшрияты, 1926. 135 б.
13. *Насыри К.* Сайланма әсәрләр 4 томда, 1 том. Казан: Татар. кит. нәшр, 2003. 368 б.
14. *Насыри К.* Сайланма әсәрләр 4 томда, 3 том. Казан: Татар. кит. нәшр, 2005. 384 б.
15. *Насыри К.* Избранные произведения. Перевод с татарского языка. Казань: Татарское кн. изд-во, 1977. 256 с.
16. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948. 447 с.
17. Сказания современников о Димитрии Самозванце. Бер, Паерле, Маржерет и де-Ту. Ч. 1. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1859. XII, 463 с.
18. *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова 1606–1607. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1951. 588 с.
19. *Смирнов И.И.* Краткий очерк истории восстания Болотникова. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1953. 153 с.
20. *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М.: РГГУ, 2004. 506 с.
21. Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1915 г., Кн. 4 (255). М.: Синодальная типография, 1915. 862 с.

Информация об авторе:

Акчурин Максум Маратович – кандидат исторических наук, исследователь (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0000-2942-9773; e-mail: m-akchurin@yandex.ru

Поступила 01.10.2024

Принята к публикации 05.11.2024

Reflection of the events of the Time of Troubles of the early 17th century in the legends about the ancestors of Kayum Nasyri

M.M. Akchurin

Researcher

Kazan, Russian Federation

This article examines the legends about Gabderazzak, the ancestor of the famous Tatar scholar and educator Kayum Nasyri (1825–1902). The legends were written down by Kayum Nasyri himself from the words of the residents of the village of Verkhnie Shirdany. An analysis of the messages from these legends allows us to conclude that

they could indeed reflect some events of different periods of the Time of Troubles that took place in the early 17th century in the Muscovite state.

Keywords: Kayum Nasyri, Gabderazzak-baba, Time of Troubles, Sviyazhsky district, yasak Tatars, Vasily Shuisky, False Dmitry II, voivode Bogdan Belsky

For citation: Akchurin M.M. Reflection of the events of the Time of Troubles of the early 17th century in the legends about the ancestors of Kayum Nasyri. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.4, pp.14–23. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.14-23> (In Russian)

REFERENCES

1. *Acts of the reign of Tsar Vasily Shuysky. (May 19, 1606 – July 17, 1610)*. Ed. by A.M. Gnevushev. Moscow: Imperial Society of History and Antiquities of Russia at Moscow University Publ., 1918. 421 p. (In Russian)
2. Akchurin M.M., Vladimirov O.O. On the place of the Tatar aristocracy in the governing structure of the Mountainous Region (Sviyazhsky district). Second half of the 16th – early 17th century. *Golden Horde Review*. 2022, vol.10, no.1, pp.154–183. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-1.154-183> (In Russian)
3. Akchurin M.M., Isheev M.R. Tatars of the Upper and Middle Volga region - participants in the troubles of the early 17th century. *Ethnological studies in Tatarstan*. Vol.4. Compiled and ed. by G.F. Gabdrakhmanova. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2010. Pp.42–64. (In Russian)
4. Amerkhanova E.I. Participation of the service city of Kazan in the events of the Time of Troubles. *Fifth Kremlin Readings: materials of the All-Russian scientific and practical conference Fifth Kremlin Readings "Military history of Russia: myths, facts and memory"* (Kazan, November 21–23, 2012). Kazan: Foliant Publ., 2014. Pp.15–25. (In Russian)
5. Antonov A.V. On the initial history of the Nizhny Novgorod militia. *Russian Diplomatarium*. Vol.6. Moscow: Monuments of historical thought Publ., 2000. Pp.196–240. (In Russian)
6. Belokurov S.A. *Military records of the Time of Troubles (7113–7121)*. Moscow: Imperial Society of History and Antiquities of Russia at Moscow University Publ., 1907. 311 p. (In Russian)
7. *I.Bolotnikov's uprising. Documents and materials*. Moscow: Socio-economic literature Publ., 1959. 455 p. (In Russian)
8. Dimitriev V.D. Documents on the history of the peoples of the Middle Volga region of the 16th – early 17th centuries. *Scientific Notes of the IYaLIE of Chuvashia*. Cheboksary, 1963. Vol.22. Pp.106–136. (In Russian)
9. Dimitriev V.D. *Chuvashia in the era of feudalism (16th - early 19th centuries)*. Cheboksary: Chuvash book Publ., 1986. 453 p. (In Russian)
10. Kozlyakov V.N. *Service people of Russia in the 16th–17th centuries*. Moscow: Kvadriga Publ., 2018. 544 p. (In Russian)
11. Kurbatov O.A. Essays on the development of tactics of the Russian cavalry "hundred service" from the middle of the 16th century to the middle of the 17th century. *Military archeology*. Vol.2. Moscow: Russian panorama Publ., 2011. Pp.58–91. (In Russian)

12. Nasyri K. *Previously unpublished works by Kayum Nasyri. Collection*. Kazan: Tatarstan Publ., 1926. 135 p. (In Tatar)
13. 14. Nasyri K. *Selected works: in 4 volumes*. Vol.1. Kazan: Tatar book Publ., 2003. 368 p. (In Tatar)
15. Nasyri K. *Selected works: in 4 volumes*. Vol.3. Kazan: Tatar book Publ., 2005. 384 p. (In Tatar)
16. Nasyri K. *Selected works. Translation from Tatar language*. Kazan: Tatar book Publ., 1977. 256 p. (In Russian)
16. Novoselsky A.A. *The struggle of the Moscow state with the Tatars in the first half of the 17th century*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1948. 447 p. (In Russian)
17. *Tales of contemporaries about Dmitry Pretender*. Ber, Paerle, Margeret and de Thou. Part 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1859. 463 p. (In Russian)
18. Smirnov I.I. *Bolotnikov's uprising 1606–1607*. Moscow: Political literature state Publ., 1951. 588 p. (In Russian)
19. Smirnov I.I. *A brief essay of the history of the Bolotnikov's uprising*. Moscow: Political literature state Publ., 1953. 153 p. (In Russian)
20. Stanislavskiy A.L. *Works on the history of the Sovereign Court in Russia of the 16th – 17th centuries*. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ., 2004. 506 p. (In Russian)
21. *Readings in the Society of History and Antiquities of Russia at Moscow University*. 1915, book 4 (255). Moscow: Synodal printing house Publ., 1915. 862 p. (In Russian)

About the author:

Akchurin Maksim Maratovich – Cand. Sci. (history), researcher (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0000-2942-9773; e-mail: m-akchurin@yandex.ru

Received October 1, 2024

Accepted for publication November 5, 2024

УДК 93(470.4)"16/17"

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-4.24-38

Астраханские юртовские татары и события Смоленской войны 1632–1634 гг.

И.В. Торопицын

*Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева
Астрахань, Российская Федерация*

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

В статье рассматривается участие астраханских юртовских татар в Смоленской войне 1632–1634 гг. Анализируется мобилизационный потенциал тюркского служилого населения Нижнего Поволжья, особенности его привлечения к участию в войне против Польши и других народов, вовлеченных поляками в набеги на русские пограничные земли. В центре исследования оказываются подготовка к Литовскому походу 1632 г. и его осуществление под началом воевод И.Кондырева и С.Матвеева, а также участие астраханских юртовских татар в походе против Малой Ногайской Орды (Казыева улуса) в 1633 г. под началом воевод В.Туренина и П.Волконского.

Ключевые слова: Астраханские юртовские татары, Смоленская война 1632–1634 гг., Польша, Малая Ногайская Орда

Для цитирования: Торопицын И.В. Астраханские юртовские татары и события Смоленской войны 1632–1634 гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №4. С.24–38. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.24-38>

В начале 1630-х гг. Московское государство предприняло попытку вооруженным путем вернуть земли, утраченные по Деулинскому перемирию. В историю нашей страны эти события вошли как Смоленская война. Данному конфликту между Московским государством и Польшей посвящено не мало работ, которые освещают как общий ход войны, так и ее отдельные кампании [10, с.32–35; 11; 13; 17; 19, с.152–159; 21, с.594–607].

В историографии отмечается, что подготовка к новой войне с Польшей началась еще до окончания перемирия с ней. Н.С. Голицын, в частности, обращает внимание на то, что уже в 1621 г. этот вопрос обсуждался на Земском соборе и его участники единодушно заявили о полной готовности к войне с Польшей [4, с.538]. Однако одного морального духа было мало. Необходимо было подготовить армию. «Правительство понимало малую пригодность поместного дворянского войска, – отмечается в историогра-

фии, – составлявшего в то время основу вооруженных сил Русского государства, для овладения такой первоклассной крепостью, какой был в то время Смоленск, и для борьбы с лучше обученными польско-литовскими войсками» [15, с.467]. С 1627 г. (по другим данным даже раньше) царское правительство стало закупать боевые припасы и оружие за границей, нанимать на службу иностранных солдат и офицеров. «Но подготовка вооруженных сил, точнее, попытка создания новых войск в виде полков нового строя, началась не ранее 1630 г., – отмечается в историографии, – когда были изданы первые распоряжения о формировании русских солдатских и драгунских полков» [4, с.539; 15, с.463, 467].

В литературе, посвященной Смоленской войне, основное внимание в контексте подготовки к новому противостоянию с Польшей отводится вопросу реформирования вооруженных сил Московского государства. На этот счет в научной среде сформировалась точка зрения, что они нуждались в реорганизации, так как уступали армиям европейских стран [4, с.545; 10, с.32; 19, с.152]. «Состояние вооруженных сил Московии отражало общую отсталость страны, – пишет А.Е Тарас. – В начале XVII века ее армия состояла, главным образом, из разномастно вооруженной и плохо обученной дворянской конницы, нескольких стрелецких полков, отрядов казаков и татар. Сражения эпохи Смуты показали, что все они в тактическом плане значительно уступали войскам Речи Посполитой и Швеции. Поэтому боярская дума пришла к мысли о том, что несмотря на плачевное состояние казны, следует набрать профессионалов-наемников за рубежом» [21, с.594].

Следует отметить, что вооруженные силы Московского государства нуждались не только в реформировании, но и в численном пополнении. Поэтому наряду с привлечением военных специалистов из стран Европы в Москве рассчитывали на многочисленные контингенты из числа народов Поволжья. Однако в историографии, посвященной Смоленской войне 1632–1634 гг., присутствует точка зрения, что московские власти старались не привлекать силы понизовых городов к участию в дальних военных кампаниях. «Далекие понизовые и особенно сибирские города, находившиеся в ведении Казанского приказа, имели очень значительное количество служилых людей (по итогу сметы 38248 чел.), – пишет Е. Сташевский, – но их нельзя было использовать (за небольшими исключениями) ни в целях наступления против Польши, ни в целях обороны против нея и Крымских татар, армия Казанского дворца имела другое специальное назначение...» [20, с.8].

Данное утверждение более чем спорно. Достаточно отметить, что татарские отряды с Нижнего Поволжья принимали активное участие в Ливонской войне второй половины XVI в., войнах с Польшей и Швецией начала XVII в. [22; 23; 24; 25]. Поэтому царские власти вполне обоснованно рассчитывали на них и в предстоящую военную кампанию. Об этом свидетельствует грамота астраханскому воеводе князю Д.М. Черкасскому и дьякам И.Столбникову и И.Грязеву, датированная октябрём 1630 г., в ко-

торой объявлялось о направлении И.Кондырева и С.Матвеева к ногайскому князю Канаю Тинбаеву с мурзами с призывом идти «на государеву службу на польского короля войною». Отдельная грамота была послана в Астрахань с призывом на службу юртовских татар. Они должны были идти на войну с Польшей вместе с ногайцами¹. О том, насколько серьезно царские власти относились к вопросу привлечения воинских контингентов с Нижнего Поволжья для войны с Польшей, свидетельствует факт заблаговременного направления в 1630 г. в город Елец грамоты с приказанием выделить проводников, которые бы «всякие степные места знали». Им надлежало ехать в Воронеж, куда должен был подойти из Астрахани воевода И.Кондырев «с ратными людьми» [12, с.55].

На призыв какого количества тюркских воинов рассчитывали царские власти? В марте 1630 г. из Астрахани был отправлен в поход на Северный Кавказ двухтысячный сводный отряд для оказания военной поддержки князю П.К. Черкасскому. В него вошли 500 стрельцов, 600 юртовских татар и 900 джетисанцев [9, с.129–131]. Согласно сметному списку 1631 г., в Астрахани, помимо детей дворянских и нескольких конных и пеших приказов стрельцов, имелись «с Канаем Князем Тинбаевым, да с Курмаш Мурзою Канмурзиным Едисановских Юртовских Мурз, которые кочуют под Астараханию в юртах, опричь Нагайских Мурз Болшово Нагаю, 17 ч., да табунных голов 6 ч., а с Мурзами Едисанов по смете з 900 ч., а с табунными головами Юртовских Татар з 2000 ч.». При этом в смете отмечалось: «а которые Нагайские Мурзы Болшово Нагаю кочуют не под Астараханию по кочевьям со всеми улусы, и сколько тех Мурз и с ними в улусех Ногайских Татар, про то неведомо; потому что в прошлых годах из Астрахани бояре и столники и воеводы и дияки о том ко Государю к Москве не посылали и сметных росписей Болшово Нагаю Мурзам и Татаром не присылали» [3, с.44].

В апреле 1631 г. И.Кондырев и С.Матвеев доложили в Москву, что переговоры с ногайскими мурзами на предмет их участия в предстоящей войне с Польшей, чтобы они выступили на нее «со многими тысячами своих людей». Мурзы откликнулись на призыв и заявили о готовности пойти «на польского и литовского короля землю», но заявили, что им без русских ратных людей «идти нельзя некоторыми делы»². В ответ в Астрахань была направлена царская грамота, в которой И.Кондыреву и С.Матвееву наказывалось «с ногайскими мурзами и с ногайскими ратными людьми и с едисаны и табунными головами с юртовскими татарами идти на свою государеву службу на польского и литовского короля землю войною». Вместе с ними из Астрахани приказано было направить 1000 конных стрельцов «с вогненным боем» во главе с головами и сотниками. Для

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.127. Оп.1. 1630 г. Д.2. Л.3.

² РГАДА. Ф.127. Оп.1. 1631 г. Д.2. Л.55.

похода всем тюркским войнам поручено было выдать в Астрахани припасы на два месяца, «да в запас указал послать им с Иваном и Сергеем вперед на третий месяц»³.

Судя по переписке царских властей со своими посланниками в Астрахань, в Москве рассчитывали призвать на войну с Польшей 40–50 тысяч ногайцев и других тюркских подданных⁴. Сложно судить, насколько оправданными были такие ожидания. Мурзы предоставили И.Кондыреву именную ведомость людей, которых они выставляли на войну. Из нее следовало, что «ратных людей с нурадыном будет с пять тысяч человек и больше». Бий Канай Тинбаев заявил, что «изготовит к походу в Польшу тысячу человек». Курмаш мурза Урусов также заявил И.Кондыреву, что сможет выставить на войну только одну тысячу человек.

И.Кондырев не преминул упрекнуть мурз в том, что у них намного больше людей, чем-то количество, которое они намерены выставить на войну. Бию, в частности, И.Кондырев указал, что у того имеется свыше 10 тысяч человек. На это Канай Тинбаев ответил, что калмыки отогнали у его людей лошадей и на войну «ехать им не на чем». Однако бий заверил царского посланника, что велит своим безлошадным людям продавать верблюдов и скотину и покупать для похода лошадей. Канай Тинбаев пообещал выслать на царскую службу всех, кого сможет, как только его люди будут готовы выступить в поход⁵.

При подготовке к походу у юртовцев возникали различные сложности. Например, юртовские татары из улуса Эль мурзы Байтерекова пожаловались на погром со стороны людей мурзы Янмамета и других мурз, которые угнали у них лошадей, коров и верблюдов, отобрали домашний скarb. И хотя астраханские воеводы после розыска возвратили им часть пограбленного, но другую часть имущества так пока и не сыскали⁶. Ногайский мурза Ян Иштереков тоже жаловался на юртовского табунного голову Енмамета Ромазанова, который у него «пансырь за дружбу отнял». Мурза очень ценил этот доспех, говоря, что он принадлежал бию («князю») Тинехмату (правителю Ногайской Орды в 1560–1570-х гг.) и стоил 500 рублей. Ян мурза предложил табунному голове за этот панцирь, имеваемый «Джолей» («Джолуй»), два других доспеха, вдобавок к которым коня-иноходца, кобылу с жеребенком и верблюда. Однако Енмамет Ромазанов предпочел оставить знаменитый панцирь себе. «И как, государь, ныне велено нам холопом твоим быть на твоей государевой службе в Литовском походе, – писал Ян мурза Иштереков, – я государь у него просил лошадей и он мне не дал и у меня, государь, с ним дружба не сошлась»⁷.

³ РГАДА. Ф.127. Оп.1. 1631 г. Д.2. Л.55.

⁴ Там же. Л.61.

⁵ Там же. Л.62–63.

⁶ Там же. Л.53.

⁷ РГАДА. Ф.127. Оп.1. 1632 г. Д.2. Л.58.

Бий Касай и нурадын Кельмаммет указывали в челобитной к царю, что «наперед сего года з два и з три и меньши едисанские и ногайские улусные люди, вышед из их улусов, живут в мочагах на Крымской стороне с юртовскими татарами, а нашей службы с ними мурзами и с юртовскими татарами не служат, откупаясь, живут с ызбылых». По их словам, астраханские воеводы посылали в нынешнем 1631 г. переписывать юртовских татар сына боярского Василия Киреева и «те их ногайские и едисанские татаровя у Василья откупались, в росписи с юртовскими татарами они не написаны». В связи с этим мурзы просили, чтобы к астраханским воеводам была послана грамота, по которой тех их улусных людей, которые от них отошли к юртовским татарам, приказано было им вернуть. Ногайские мурзы заявляли, что если им разрешат забрать своих улусных людей, которые укрылись среди юртовских татар, то они смогут направить на войну с поляками свыше 10 тысяч воинов⁸.

Комментируя усилия царских посланников по формированию в Нижнем Поволжье воинских контингентов для предстоящей войны с Польшей, А.А. Новосельский отмечает, что в 1631 г. И.Кондыреву удалось мобилизовать только 500 едисан (джетисанцев) вместо обещанных 2000 и 800 юртовских татар. «Ногаи, – пишет он, – отказались совсем от участия в походе. Мурзы, получив во время этих переговоров подарки, с легкостью, но совершенно безответственно, обещали выставить большое число вооруженных людей. Когда же дело доходило до выполнения данных обещаний, кн. Канай и другие мурзы ссылались на непослушание улусных людей и перекладывали на И.Кондырева самый сбор обещанных контингентов» [14, с.225].

Мобилизационная кампания 1631 г. показала, что в предстоящей войне царские власти фактически могли рассчитывать лишь на проживавших под Астраханью юртовских татар и джетисанцев. Представители Больших Ногаев (улусы Иштерековых, Урмаметевых и Тинмаметевых) не проявляли интереса к войне с поляками. Ценой больших усилий в 1632 г. И.Кондырев и С.Матвеев смогли заручиться обещанием от мурз и табунных голов отправить на войну с Польшей 4400 человек (2800 ногайцев, 1000 джетисанцев и 600 юртовских татар). Но, как указывает А.А. Новосельский, фактически из этого числа отправились в формирующуюся русскую армию только 2201 человек [14, с.225]. В их числе в начале июня 1632 г. в поход «на польского и литовского короля землю» выступили 29 ногайских и 18 джетисанских мурз со своими людьми, а также юртовские татары под началом своих мурз и табунных голов, вместе с которыми отправились 700 астраханских конных стрельцов⁹. Наличие стрельцов в этом походе должно было оберегать тюркских воинов от возможных нападений со стороны запорожцев («черкас») и донских казаков¹⁰.

⁸ РГАДА. Ф.127. Оп.1. 1631 г. Д.2. Л.66–67.

⁹ Там же. Л.99.

¹⁰ РГАДА. Ф.127. Оп.1. 1631 г. Д.2. Л.55.

План похода предусматривал движение по южным границам Московского государства, переход реки Дон южнее города Воронежа и движение к «литовским городам не заимую наших польских городов». Низовая рать должна была идти «смирно», не нанося обид подданным русского царя¹¹. Но по факту эти требования не соблюдались. По сведениям А.А. Новосельского, на пути от Хопра к Воронежу татары начали разбегаться. Более того, между разными группами сборного воинского контингента начались конфликты. «Уредясь полком, татары Урмаметевых мурз и едисаны напали на татар Иштерековых улусов, – пишет А.А. Новосельский, – их разогнали и отняли лошадей». Страдало от произвола проходящего отряда и местное население. Как отмечает А.А. Новосельский, миновав Воронеж, татары принялись отнимать у жителей деревень, мимо которых они проходили, лошадей и всякую скотину, что вызвало жалобы со стороны населения. В ответ татары оправдывались тем, что «бедны и голодны». В итоге из отряда тюркских воинов, вышедшего из Астрахани, до пограничного русского города Кропивны дошло всего 800 человек [14, с.225].

Архивные данные позволяют установить некоторых участников данного похода, достигших Крапивны. В их числе были юртовские мурзы Батыртерек Аллашев, Эль Акмурзин, Араслан Хозетаев, Кучук Алатуев, Дедлетказы Тохтаров. Вместе с ними в Кропивну прибыли ногайские мурзы Салтанаш Аксаккельмамбетов сын Тинмамбетов с сыном Кельмамбетом, Адиль Каракельмамбетов сын Урмаметев, Ян Иштереков и другие¹². Данный факт свидетельствует, что ногайские мурзы в итоге примирились и смогли вместе продолжить поход.

Тем временем в Москве продолжалась работа по подготовке к предстоящей войне. В царском наказе воеводам М.Б. Шеину и А.В. Измайлову, назначенным в поход на Смоленск, 9 августа 1632 г. указывалось, что наряду с другими служилыми людьми к ним в войско приказано было направиться «из Астрахани мурзам и Татаром Нагайским и юртовским мурзам, и Едисанским, и стрельцом» [1, с.294]. Сборным пунктом этого русского войска был объявлен город Можайск. Оттуда после смотра приказано было послать «под Дорогобуж и под Белую голов, а с ними дворян и детей боярских разных городов, и атаманов и казаков и новокрещенов и Татар, резвых людей, и велеть им притти к Дорогобужу изгоном, изыскав время, чтоб над Дорогобужем поиск учинить, и Дорогобуж изгоном взять, и языков добыть и стада отогнати...» [1, с.296].

Между тем формирование русского войска затянулось. В отписках воеводы М.Б. Шеина от 23 августа и 9 сентября отмечалось, что многие заявленные для службы «кратные всякие люди» из понизовых и украинских городов, с Дону, в том числе и из Астрахани, еще не прибыли на сбор [8, с.703]. По мере подхода подкреплений воеводы М.Б. Шеин и А.В. Измай-

¹¹ Там же. Л.85–86.

¹² РГАДА. Ф.127. Оп.1. 1632 г. Д.2. Л.1–2.

лов выступили в поход и добрались во главе основных сил до Дорогобужа только к концу октября 1632 г., а Смоленска достигли к началу декабря. Тем временем русские войска под началом воеводы князя С.В. Прозоровского взяли крепость Белую. Весьма интересно, что вторым воеводой Передового полка в период его формирования в Ржеве вместе с С.В. Прозоровским одно время был И.Г. Кондырев, который той же осенью заболел и был отозван к Москве [16, с.269].

В исследованиях по Смоленской войне о присутствии астраханских юртовских татар в русских войсках, как правило, не упоминается [20, с.8; 13, с.11–12]. Исключением является работа Б.А. Илюшина, который, анализируя «Перечневую роспись ратных людей под Смоленском 141 года» и другие документы, отмечает присутствие в армии, собранной для похода под Смоленск, юртовских татар. По наряду их должно было быть всего 20 человек, а по факту оказалось 16 (в числе не явившихся на службу числилось 4 человека) [8, с.703]. Почему в наряде были указаны всего 20 человек, учитывая, что из Астрахани выступило на войну свыше 2200 воинов? Почему среди тех, кто должен был войти в состав армии воевод М.Б. Шеина и А.В. Измайлова, не упомянуты в наряде ногайцы и джети-санцы, которых также призвали из Астрахани? Куда делись все остальные астраханские служилые люди? Ответов на эти вопросы нет. Но документы свидетельствуют, что в августе-сентябре 1632 г. по царскому указу ногайцы и юртовские татары, «которым велено идти на государеву службу в Литовский поход», были отозваны из города Кропивны в Москву.

Известно о приезде в столицу нескольких групп астраханских татар. Вместе с мурзами Б.Аллашевым, Э.Акмурзиным и А.Хозетаевым приехали 23 юртовца. Впоследствии с мурзой К.Алатуевым приехали 3 человека, с мурзой Д.Тохтаровым – еще 5 человек. Мурзы воспользовались приездом, чтобы подать челобитные о разных делах. Всем их людям было выдано по «сукну доброму» и по 2 рубля¹³. Приезды в Москву «от юртовских татар от войска» осуществляли и табунные головы, и рядовые юртовцы. Так, вместе с мурзами К.Алатуевым и Д.Тохтаровым с их людьми в Москву приехал юртовский табунный голова Кунак с 8 юртовцами¹⁴. Об этом также свидетельствует челобитная абыза астраханских юртовских татар Тарыбердея, который во главе 6 юртовцев приехал в Москву. Спустя месяц он обратился к царю с просьбой о дополнительном жалованье. Абыз писал в челобитной, что им был выдан «корм» на четыре недели, но они находятся в Москве уже пятую неделю и просил добавить жалованья еще на месяц, чтобы им не «помереть с голоду»¹⁵.

Если принять факт участия группы юртовских татар, оказавшихся в армии воевод М.Б. Шеина и А.В. Измайлова, в боях под Смоленском, где

¹³ РГАДА. Ф.127. Оп.1. 1632 г. Д.2. Л.1.

¹⁴ Там же. Л.21.

¹⁵ РГАДА. Ф.127. Оп.1. 1632 г. Д.2. Л.14.

они потеряли двух человек убитыми [8, с.707], то становится очевидным, что основной массе юртовских татар, несмотря на пройденный путь от Астрахани через Кропивну до Москвы, в сражениях с поляками в период Смоленской войны поучаствовать не довелось. Из Москвы астраханские татары и ногайцы, а также участвовавшие вместе с ними в Литовском походе стрельцы были отпущены назад в Астрахань.

В 1633 г. эти силы были использованы на другом театре военных действий, тесно связанном с основными событиями, развернувшимися вокруг Смоленска. Дело в том, что в период Смоленской войны поляки и литовцы активно провоцировали запорожских казаков и крымских татар к нападениям на русские земли [1, с.324; 2, с.7–8; 15, с.466; 21, с.597; 5, с.213]. Против них и был задуман ответный поход. Его предполагалось осуществить силами служилых людей понизовых городов и донского казачества. Поход стали готовить в апреле 1633 г. По царскому указу начальство над «ратными людьми» было поручено стольникам и воеводам князьям В.И. Туренину и П.Ф. Волконскому и письменным головам Ф.М. Мякинину и И.И. Толстому. Перед ними была поставлена задача «из Астрахани идти [Е. в Крым] воевать Казыева улусу» [6, с.325–326]. Воеводы должны были выступить с «ратными людьми с рускими и с юртовскими мурзами и тотары и едисаны». С Терка к ним должен был присоединиться князь Ш.С. Черкасский с местными служилыми людьми [7, с.377].

В царской грамоте, отправленной на Дон 15 апреля 1633 г., перечислялись причины, побудившие царские власти принять решение о походе на Казыев улус, и говорилось, что в нем примут участие воеводы князья В.И. Туренин и П.Ф. Волконский. Под их начало передавались ратные люди из Казани и других городов Поволжья, в том числе иноземцы (литовцы и немцы), живущие «на корму», а также терские служилые люди. Отдельно было указано, что в походе примут участие князь Канай Тинбаев, ногайские и джетисанские мурзы, а также табунные головы с юртовскими татарами и джетисанцами. Перед воеводами была поставлена задача разорить улусы малых ногайцев, «чтоб им неповадно было вперед воровать и на наши украины войною приходить, и государство наше пустошить». В случае если малые ногайцы к моменту нападения на них русских сил сами будут находиться в набеге на русские земли, то, по замыслу царского правительства, «тою-б войною из Московского государства их поворотить» [18, с.357–365].

Помимо воздействия на малых ногайцев, поход преследовал и другие цели. В частности, предполагалось повлиять на азовцев. «А будет которые азовские люди в войне в государеве земле, – говорилось в наказе воеводам В.И. Туренину и П.Ф. Волконскому, – и тех бы людей тем своим походом и войною из государевы земли из войны поворотити» [14, с.219]. При этом отрывок черновика другого наказа воеводам, который был выявлен А.А. Новосельским, предусматривал возможность похода и против запорожских казаков (черкас), совершивших нападение на «московскую ук-

раину». «Но воеводы могли взяться за выполнение этих задач лишь после достижения основной цели, – пишет А.А. Новосельский, – разорения Казыевского улуса» [14, с.219].

Не успев выступить в поход, войско лишилось одного из своих командиров. Этот эпизод нашел отражение в дворцовых разрядах: «И как были воеводы в Казыеве улусе, и князь Василья Туренина в той службе в походе не стало, на степи» [6, с.326]. Детали происшествия сообщает Карамзинский хронограф: князя В.И. Туренина «не нарошным делом убил из пищали казанец сын боярской Семен Гурьев, а стрелял по кабану» [7, с.377]. Несмотря на этот трагический случай, поход не был прерван. 3 августа на Можарском городище к русским служилым людям, в числе которых были 685 астраханских конных стрельцов и 570 служилых людей из других понизовых городов, прибыли 8250 ногайцев (включая джетисанцев) и юртовских татар. Позднее к войску присоединились 350 служилых людей из Терского городка и черкесов [14, с.219]. Как видим, в поход на малых ногайцев царским воеводам удалось привлечь вдвое больше турецких воинов, чем годом ранее против поляков. Всем его участникам, за редким, как потом выяснится, исключением, было выдано жалованье на три месяца, что предполагало скоротечный характер похода.

Среди участников этого похода были, в частности, юртовские мурзы Мурзабек Аллашев, Куват Хозягулов, Кучук Алатуев (Алатовов), ногайский мурза Адиль Каракельмаматов сын Урмаматов¹⁶. При этом мурзы К. Алатуев и А.К. Урмаматов, как следует из их челобитных, участвовали как в Литовском походе с И.Кондыревым в 1632 г., так и в походе на Казыев улус с П.Ф. Волконским в 1633 г.

По сведениям В.В. Трепавлова, малые ногайцы под началом бия Касима в этот период кочевали вместе с улусами мурзы Али Уракова и были готовы в любой момент сняться с места и уйти в Крым или в Кабарду. В.В. Трепавлов утверждает, что эти мурзы были в курсе военных приготовлений против них со стороны русских властей, так как получали донесения об этом от астраханских татар [26, с.305]. Данный факт не противоречит общей картине взаимоотношений между малыми ногайцами, равно как и крымцами с азовцами, и астраханскими юртовскими татарами, джетисанцами и большими ногайцами, бывшими в русском подданстве. Среди них вполне могли быть лица, которые поддерживали связь с подданными крымского хана.

От направленных на разведку были получены сведения, что улусы малых ногайцев сосредоточились недалеко от Азова [26, с.305]. Нападение войска князя П.Ф. Волконского на малых ногайцев произошло 20 августа в урочище Алача-Талача в бассейне реки Куба. В течение последующих че-

¹⁶ Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Архив СПбИИ РАН). Ф.178. Оп.1. Д.1255. Л.1–2; Д.1259. Л.1–2; Д.1260. Л.1–2; Д.5538. Л.1.

тырех дней русское войско двигалось вдоль этой реки, не подходя к городу Азову в направлении Черного моря, подвергая погрому все встречающиеся на пути ногайские улусы. «Татар побивали и забирали в полон, – пишет А.А. Новосельский, – русский полон освобождали, имущество, которое не могли забрать с собой, предавали огню». 27 августа на реке Челбаше отходившее русское войско подверглось нападению малых ногайцев, которое было им отбито. По итогам похода князь П.Волконский привел в Астрахань 878 русских пленников, освобожденных из казыевских улусов [14, с.219–220]. По сведениям В.В. Трепавлова, в плен к русскому войску попали около двух тысяч казыевцев, в том числе внуки и племянники бия Касима. Самого бия в момент нападения русского войска на его улусы не было, так как он заблаговременно покинул их стойбища [26, с.305].

Среди особо отличившихся участников похода на «государевых недругов и непослушников на казыевских мурз на Касая князя з братьею и на их улусы» был Адиль мурза Каракельмаматов сын Урмаматов. В челобитной царю, поданной по возвращении из похода в Астрахань, он отмечал: «И твоим государевым счастьем в Казыеве улусе на бою убил я, холоп твой, казыевского мурзу Кан мурзу Мамаева, а другого взял жива Навруза мурзу Алабердеева Касаева брата и привел в Асторохань»¹⁷.

Поход против Малой Ногайской Орды (Казыева улуса) сыграл важную роль в прекращении крымского вторжения в Московское государство. Узнав о погроме ногайских улусов, нураддын Мубарек-Гирей поспешил возвратиться домой, успев опустошить окрестности только Тулы, Серпухова, Венева и ряда других городов. Осенью того же года в Крыму начались русско-крымские переговоры, в ходе которых ханская сторона традиционно предъявила Москве целый ряд претензий, в том числе по поводу нападений на крымские улусы как донских казаков, так и царских подданных. В частности, ближний человек хана Маметш-ага говорил, что «астраханские татаровя воюют и многие стада отгоняют» у крымцев и призвал Москву «унять» донских казаков и астраханских татар. Русские послы, проявив дипломатические способности, смогли убедить крымские власти, что царские подданные никакого зла Крыму не чинят, что Москва готова к восстановлению дружественных отношений с Крымским ханством. В итоге послам удалось не только заключить мирный договор с Крымом, но и добиться обещания от хана Джанибек-Гирея оказать Москве помощь против Польши [2, с.19–22]. Однако на общий итог Смоленской войны ни поход из Астрахани против малых ногайцев, ни мирный договор, заключенный Москвой с Крымом, уже не оказали существенного влияния.

Таким образом, в период Смоленской войны 1632–1634 гг. астраханские юртовские татары, наряду с другими служилыми людьми Нижнего Поволжья, были привлечены царскими властями к участию в походах против поляков (Литовский поход) и Малой Ногайской Орды (Казыева

¹⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф.178. Оп.1. Д.1255. Л.1.

улуса), где смогли проявить себя в большей степени в боях с малыми ногайцами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Императорской академии наук. СПб., 1836. Т.III. 496, 26 с.
2. *Базилевич В.М.* Из истории московско-крымских отношений в первой половине XVII века. Посольство Т.Я. Анисимова и К. Акинфеева в Крым в 1633–1634 гг. Киев: Тип. 2-й артели, 1914. 23 с.
3. *Беляев И.* Сметный список 139 году // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 4. М.: Унив. тип., 1849. С.19–50.
4. *Голицын Н.С.* Русская военная история. Ч.2. От Иоанна III до Петра I. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1878. 692 с.
5. *Голобуцкий В.А.* Запорожское казачество. Киев: Государственное изд-во политической литературы УССР, 1957. 462 с.
6. Дворцовые разряды по высочайшему повелению изданные II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т.2 (с 1628 по 1645 г.). СПб.: в Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1851. 1662 стб.
7. Из хронографа, принадлежавшего историографу Карамзину. (Столяровский список. л.322–382, 643–658) // Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. Собрал и издал Андрей Попов. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1869. С.321–379.
8. *Илюшин Б.А.* Служилые татары в военных мероприятиях России в 1618–1634 гг. // Золотоордынское обозрение. 2022. Т.10. №3. С.693–714. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-3.693-714>
9. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т.1. М.: АН СССР, 1957. 478 с.
10. *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. II. Вып. 4–5. М.: Книга, 1991. 554 с.
11. *Купиши Д.* Последняя победа. Смоленская война 1632–1634 годов в истории Речи Посполитой // Родина. №9. М., 2013. С.36–40.
12. *Ляпин Д.А.* Южнорусское пограничье в 1640-х – 1650-х гг. // Вопросы истории. 2013. №3. С.53–64.
13. *Меньшиков Д.Н.* Боевая сила армии М.Б. Шеина в Смоленском походе 1632–1634 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2008. Вып. 4. Ч.1. С.10–16.
14. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века / отв. ред. член-корр. АН СССР С.В. Бахрушин. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР; Институт истории АН СССР, 1948. 448 с.
15. Очерки истории СССР. Т.6. Период феодализма. XVII в. / под ред. д.и.н. А.А. Новосельского, к.и.н. Н.В. Устюгова. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. 1032 с.
16. Полное собрание русских летописей. Т.34. М., 1978. 303 с.

17. *Ракитин А.С.* Северский поход 1632–1634 // Военно-исторический журнал. М., 2011. №9. С.63–68.
18. Русская историческая библиотека, издаваемая археографическою комиссией. Т.18: Донские дела / сост. В.Г. Дружинин. Кн. 1. СПб., 1898. 1081 с.
19. *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. V. История России с древнейших времен. Т.9–10. М.: Мысль, 1990. 718 с.
20. *Сташевский Е.* Смоленская война 1632–1634 гг. Организация и состояние Московской армии. Киев, 1919. 328 с.
21. *Тарас А.Е.* Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV–XVII вв. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2006. 800 с.
22. *Торопицын И.В.* Астраханские татары в первые годы после присоединения к Московскому государству // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей / под ред. А.А. Курапова, Е.И. Герасимиди, Р.А. Тарковой. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2015. Вып. VII. С.246–250.
23. *Торопицын И.В.* Участие астраханских юртовских татар в русско-польской войне 1609–1618 гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2016. №8. С.248–254.
24. *Торопицын И.В.* Низовая рать: астраханские стрельцы и юртовские татары в военных кампаниях России XVII – начала XVIII вв. // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VIII Токаревские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 17–18 мая 2019 г.) / отв. ред. к.и.н. А.Л. Бойко, д.ф.н. А.В. Яровой. Ростов-на-Дону: Изд-во «Альтаир», 2019. С.94–101.
25. *Торопицын И.В.* «С немецкими людьми билися», разбили их наголову и «топтали их на пятнадцать верстах». Астраханские служилые люди в борьбе со шведами в период Смутного времени на Руси // Военно-исторический журнал. 2022. №4. С.68–77.
26. Трепавлов В.В. Малая Ногайская Орда. Очерк истории // Тюркологический сборник 2003–2004: Тюркские народы в древности и средневековье / редкол.: С.Г. Кляшторный (пред.), Т.И. Султанов, В.В. Трепавлов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005. С.273–311.

Информация об авторе:

Торопицын Илья Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева (Астрахань, Российская Федерация); старший научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7542-3337; e-mail: itoropitsyn@mail.ru

Поступила 14.09.2024

Принята к публикации 28.10.2024

Astrakhan Yurt Tatars and the events of the Smolensk War of 1632–1634

I.V. Toropitsyn

*Tatishchev Astrakhan State University
Astrakhan, Russian Federation*

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article examines the participation of the Astrakhan Yurt Tatars in the Smolensk War of 1632–1634. The mobilization potential of the Turkic service population of the Lower Volga region, the features of its involvement in the war against Poland and other peoples involved in raids on the Russian border lands by the Poles are analyzed. The study focuses on the preparation for the Lithuanian campaign of 1632 and its implementation under the command of governors I. Kondyrev and S. Matveev, as well as the participation of the Astrakhan Yurt Tatars in the campaign against the Little Nogai Horde (Kazyev Ulus) in 1633 under the command of governor V. Turenin and P. Volkonsky.

Keywords: Astrakhan Yurt Tatars, Smolensk War of 1632–1634, Poland, Little Nogai Horde

For citation: Toropitsyn I.V. Astrakhan Yurt Tatars and the events of the Smolensk War of 1632–1634. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.4, pp.24–38. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.24-38> (In Russian)

REFERENCES

1. *Acts collected in libraries and archives of the Russian Empire by the archaeographic expedition of the Imperial Academy of Sciences*. St. Petersburg, 1836. Vol.3. 496 p. (In Russian)
2. Bazilevich V.M. *From the history of Moscow-Crimean relations in the first half of the 17th century. The Embassy of T.Ya. Anisimov and K. Akinfeev to the Crimea in 1633–1634*. Kiev: 2nd artel Publ., 1914. 23 p. (In Russian)
3. Belyaev I. Estimate list of 139. *Temporary of the Imperial Moscow Society of History and Russian Antiquities*. Vol.4. Moscow: University Publ., 1849. Pp.19–50. (In Russian)
4. Golitsyn N.G. *Russian military history*. Part 2. From John III to Peter I. St. Petersburg: Public benefit Publ., 1878. 692 p. (In Russian)
5. Golobutsky V.A. *Zaporozhian Cossacks*. Kyiv: State Publishing House of Political Literature of the Ukrainian SSR, 1957. 462 p. (In Russian)
6. *Palace ranks, by the highest order, issued by the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery*. Vol.2. From 1628 to 1645. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery Publ., 1851. 1662 columns. (In Russian)

7. From a chronograph that belonged to the historiographer Karamzin. (Stolyarovsky list. Pp.322–382, 643–658). *Collection of Slavic and Russian works and articles included in the chronographs of the Russian edition*. Collected and published by A. Popov. Moscow: A.I. Mamontov and Co. Publ., 1869. Pp.321–379. (In Russian)
8. Ilyushin B.A. Service Tatars in Russian military events in 1618–1634. *Golden Horde Review*. 2022, vol.10, no.3, pp.693–714. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-3.693-714> (In Russian)
9. *Kabardino-Russian relations in the 16th – 18th centuries*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1957. Vol.1. 478 p. (In Russian)
10. Kostomarov N.I. *Russian history in the biographies of its main figures*. Book 2. Vol.4–5. Moscow: Book Publ., 1991. 554 p. (In Russian)
11. Kupish D. Last victory. Smolensk War of 1632–1634 in the history of Polish-Lithuanian Commonwealth. *Rodina*. 2013, no.9, pp.36–40. (In Russian)
12. Lyapin D.A. South Russian borderland in the 1640s – 1650s. *Questions of history*. 2013, no.3, pp.53–64. (In Russian)
13. Menshikov D.N. The fighting strength of the army of M.B. Shein in the Smolensk campaign of 1632–1634. *Bulletin of St. Petersburg University*. Series 2. 2008, vol.4, no.1, pp.10–16. (In Russian)
14. Novoselsky A.A. *The struggle of the Moscow state with the Tatars in the first half of the 17th century*. Ed. by S.V. Bakhrushin. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1948. 448 p. (In Russian)
15. *Essays on the history of the USSR*. Vol.6. The period of feudalism. 17th century. Ed. by A.A. Novoselsky, N.V. Ustyugov. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1955. 1032 p. (In Russian)
16. *Complete collection of Russian chronicles*. Vol.34. Moscow, 1978. 303 p. (In Russian)
17. Rakitin A.S. Seversk campaign of 1632–1634. *Military history Journal*. 2011, no.9, pp.63–68. (In Russian)
18. *Russian Historical Library, published by the Archaeographic Commission*. Vol.18. Don affairs. Compiled by V.G. Druzhinin. Book 1. St. Petersburg, 1898. 1081 p. (In Russian)
19. Soloviev S.M. *Essays*. Book 5. History of Russia since Ancient Times. Vol.9–10. Moscow: Mysl Publ., 1990. 718 p. (In Russian)
20. Stashevsky E. *Smolensk War of 1632–1634. Organization and condition of the Moscow army*. Kyiv, 1919. 328 p. (In Russian)
21. Taras A.E. *Wars of Muscovite Rus' with the Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 15th – 17th centuries*. Moscow: AST Publ.; Minsk: Kharvest Publ., 2006. 800 p. (In Russian)
22. Toropitsyn I.V. Astrakhan Tatars in the first years after joining the Moscow state. *Astrakhan local history readings: collection of articles*. Ed. by A.A. Kurapova, E.I. Gerasimidi, R.A. Tarkova. Astrakhan: R.V. Sorokin Publ., 2015. Vol.7. Pp.246–250. (In Russian)
23. Toropitsyn I.V. Participation of the Astrakhan Yurt Tatars in the Russian-Polish War of 1609–1618. *Medieval Turkic-Tatar states*. Kazan, 2016. No.8, pp.248–254. (In Russian)
24. Toropitsyn I.V. The nizovaya army: Astrakhan Streltsy and Yurt Tatars in the military campaigns of Russia in the 17th – early 18th centuries. *War and military traditions in the cultures of the peoples of the South of Russia (8th Tokarev Readings): mate-*

rials of the All-Russian scientific and practical conference (Rostov-on-Don, May 17–18, 2019). Ed. by A.L. Boyko, A.V. Yarovoy. Rostov-on-Don: Altair Publ., 2019. Pp.94–101. (In Russian)

25. Toropitsyn I.V. "They fought with the German people", defeated them completely and "trampled them for fifteen miles". Astrakhan servicemen in the fight against the Swedes during the Time of Troubles in Rus'. *Military History Journal*. 2022, no.4, pp.68–77. (In Russian)

26. Trepavlov V.V. Small Nogai Horde. Essay on history. *Turkological collection of 2003–2004: Turkic peoples in ancient times and the Middle Ages*. Ed. by S.G. Klyashtorny, T.I. Sultanov, V.V. Trepavlov. Moscow: Eastern Literature Publ., 2005. Pp.273–311. (In Russian)

About the author:

Toropitsyn Ilya Vasilyevich – Cand. Sci. (history), Associate Professor of the Department of Russian History, Tatishchev Astrakhan State University (Astrakhan, Russian Federation); Senior Researcher of the Crimean Research Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7542-3337; e-mail: itoropitsyn@mail.ru

Received September 14, 2024

Accepted for publication October 28, 2024

УДК 94(470)(1654/1667)

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-4.39-49

Мурзы и служилые татары в Русско-польской войне 1654–1667 гг.

А.И. Ногманов

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

Статья посвящена участию мурз и служилых татар в Русско-польской войне 1654–1667 гг. Данное исследование является первой попыткой анализа этой проблемы в отечественной историографии. Опираясь преимущественно на документы Разрядного приказа, опубликованные в «Актах Московского государства», автор определяет информативные возможности указанного корпуса источников. В войне с Польшей участвовали татары из разных регионов центральной части России и Поволжья. Кроме поместного войска, они служили в полках «нового строя» (рейтарских, драгунских и солдатских), значение которых росло по мере развития военного конфликта. Установление данного факта является новым словом в историографии служилых татар, как и выяснение различных обстоятельств ратной службы.

Ключевые слова: Россия, XVII век, Русско-польская война 1654–1667 гг., мурзы и служилые татары, поместное войско, полки «нового строя»

Для цитирования: Ногманов А.И. Мурзы и служилые татары в Русско-польской войне 1654–1667 гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №4. С.39–49. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.39-49>

Русско-польская война 1654–1667 гг. за возвращение утраченных Россией в Смутное время территорий стоит особняком в военной истории нашего Отечества. По ней мало специальных работ. Причина этому видится в том, что данная военная кампания и не принесла особой славы русскому оружию. В ней обнаруживается много неудобных моментов, о которых отечественная историография предпочитала замалчивать. Например, «переменчивость» украинской казачьей верхушки, примыкавшей то к России, то к Речи Посполитой [4, с.198, 253–255, 288, 310–312, 319 и др.]. В какие-то периоды запорожские казаки воевали с крымскими татарами, в другие – искали покровительства у крымского хана. Ход военных действий часто складывался не в пользу России, победы чередовались с поражениями. Здесь не было примеров героизма, проявленных гарнизоном Смоленска во время Русско-польской войны 1609–1618 гг., зато массовый характер носило бегство из частей. Русское войско испытывало постоян-

ные проблемы с нехваткой ратных людей, обеспечением вооружения, продовольствием, жалованием и т.д. Затяжной характер войны негативно отражался на состоянии государственной казны и податного населения, вызывал социальную напряженность в обществе.

В результате многие аспекты военной кампании 1654–1667 гг. до сих пор остаются неизученными. В их числе – вопрос участия в ней служилых людей нерусского происхождения, в частности татар. Настоящая статья призвана в какой-то мере заполнить эти лакуны.

В войне с Польшей принимали участие разные группы татар. Со стороны противников России это были крымские и польско-литовские татары [4, с.387]. В русском войске служили представители разных территориальных групп татарского населения (романовские, ярославские, казанские, свияжские, касимовские, кадомские, темниковские, керенские и др. татары). Кроме того, татарское происхождение имело большинство новокрещен. Не случайно, И.Д. Беляев объединял их в один отдел конного войска, указывая, что новокрещенами назывались те из татар, которые приняли христианскую веру [5, с.171]. Обычно новокрещены проживали в тех же городах, что и татары-мусульмане. Однако в источниках, связанных с войной 1654–1667 гг., география их расселения показана шире. В документах Разрядного приказа, послуживших основой для статьи, упоминаются московские, боровские, калужские, малоярославские, коломенские, серпуховские, новгородские новокрещены.

Кроме татар центральной части России и Среднего Поволжья, в военных действиях принимали участие астраханские татары (едисанские и юртовские). В источниках упоминаются мурза Атманай Байтереков и табунный голова Курманак Маркашев, которые в 1654 г. бились под Смоленском «с Польскими и Литовскими людьми... и полон многой, лошади и животину и всякую рухлядь поимали» [1, с.236]. При их личной встрече с царем Алексей Михайлович повелел отдать астраханским татарам всю захваченную добычу, а затем распустил по домам в расчете, что они будут склонять соплеменников записываться в русское войско. Предполагалось, что весной 1655 г. татары вместе с ногайцами выставят три тысячи воинов [1, с.237]. Однако эти планы не были реализованы, так как после 1654 г. астраханские татары перестают упоминаться в документах, связанных с Русско-польской войной. Вероятно, причиной этого стало «моровое поветрие», в 1654–1655 гг. распространившееся в низовьях Волги [3, с.417]. Привлечение служилых людей из данного региона грозило занесением чумы в действующую армию. Кроме того, приходилось учитывать калмыцкий фактор. Крымские татары периодически склоняли калмыков выступить против России [4, с.461]. На случай их возможной измены правительству требовался противовес в лице астраханских татар.

Бытует представление, что мурзы и служилые татары, как и новокрещены, служили лишь в поместной коннице. Между тем анализ источников показывает, что применительно к Русско-польской войне 1654–1667 гг.

данное утверждение верно лишь отчасти, хотя татарские служилые люди по-прежнему являлись частью поместного ополчения. Они имели практически равные права с боярскими детьми и с городовыми дворянами. В документах так и писалось – татары, «которые служат с городами». Мурзы и татары состояли в одном списке Разрядного приказа [5, с.20] с русскими служилыми людьми, получали одинаковое с ними жалование. На смотры войска они являлись на своих лошадях, вооруженные «по-азиатски», то есть саблями и саадаками, также имели пищали, пистолеты и карабины [5, с.23]. Точно также были вооружены их слуги, которые, подобно слугам русских дворян, сопровождали своих хозяев в походе [5, с.17].

Во главе отрядов татарской поместной конницы стояли головы из числа русских дворян. В их числе был Михайло Наумов, голова свияжских мурз и татар, который летом 1655 г. отказался воевать против литовцев под началом воеводы Юрия Борятинского. Причиной отказа стали споры по «отечеству». На Наумова не оказало воздействия даже личное повеление Алексея Михайловича. В итоге за послушание царской воли его приказали «бить кнутом и сослать в Сибирь, на Лену», где «написать в казачью службу» [3, с.433]. В том же 1655 г. головой у казанских мурз и татар был дворянин Василий Панин [3, с.417].

Война с Польшей при всей важности дворянской конницы обозначила закат эпохи поместного ополчения, выдвинув на передний план полки «нового строя». Впервые они появились при Михаиле Федоровиче, во время Смоленской войны 1632–1634 гг., однако в реальную военную силу превратились лишь в 1650–1660-е гг. Татарский компонент в них тоже присутствовал. Известно, что темниковские и алатырские мурзы и татары служили вместе с русскими людьми в рейтарском полку воеводы Енаклыча Челищева [4, с.337–338]. Судя по имени и фамилии, он сам мог быть татарского происхождения. Под началом воеводы Максима Ртищева в октябре 1660 г. находились 697 мурз и татар «рейтарского строя» из городов «Касимова и Кадома» [4, с.190]. Много татар было в полках полковников Василия Челюстинина и Томаса Шаля [4, с.171], а в полку Христофора Мынгауса, как сообщает источник, все были «татаровя» [4, с.446].

В рейтарские полки татары записывались на общих основаниях, с условием «не быть в тягле, и не в какой службе». Среди них были лица, имевшие поместья [5, с.32]. Зачисленные в строй поступали в ведение Иноземного приказа, обучаясь «немецкой» воинской науке у иностранных полковников и ротмистров. Рейтары считались в одном разряде с городовыми дворянами, имели с ними одинаковые права. Вооружение их составляли шишак (металлический шлем), латы, шпага, мушкет, позднее карабин и два пистолета.

Второй разряд конницы, находившейся в ведении Иноземного приказа, составляли драгуны. Они также появились в русском войске при Михаиле Федоровиче и, помимо иноземцев, комплектовались из детей боярских, новокрещен, татар и других категорий лиц, «которые не в службе, не

имеют ни поместьев, ни вотчин, не в тягле и в не холопстве» [5, с.33]. Драгуны воевали в латах и панцырях, были вооружены мушкетами, пиками, шпагами, топорами или бердышами. Лошади, оружие и вся ратная сбруя им выдавались от казны.

Известно, что драгуны из числа татар служили в полках ранее упомянутых Василия Челюсткина и Христофора Мынгауса [4, с.446–447]. Однако, без сомнения, они присутствовали и в других воинских подразделениях. В отношении прав драгуны были близки к стрельцам и казакам. По окончании военных действий их отпускали по домам, где каждый обращался в прежнее состояние. В мирное время драгунам разрешалось торговать в городах и заниматься разными промыслами на тех же основаниях, что и стрельцам [5, с.34].

Еще одну категорию полков «нового строя» составляли пешие солдатские полки. Набор в них осуществлялся по тем же критериям, что и у драгун [5, с.59]. Оружие у солдат было казенное, оно состояло из мушкетов, пик, шпаг и бердышей. Для защиты им выдавались латы. О полках, в которых служили солдаты из татар, прямых свидетельств, относящихся к 1654–1667 гг., не обнаружилось. Однако факт их службы в этих подразделениях русского войска не вызывает сомнений. Основанием для подобных заключений является наличие отдельного мордовского солдатского полка, командиром которого был полковник Иван Беклер [4, с.341–342]. В солдатском полку боярина Ю.А. Долгорукого служили также черемисы (марийцы) и чуваш¹.

Наличие татар в полках «нового строя» отражает набравший силу процесс замены поместного ополчения регулярными частями, организованными по западному образцу. По своей боеспособности (дисциплинированности, вооружению и т.п.) поместная конница уже не соответствовала общему уровню и требованиям военного дела. Преимущества полков «нового строя» перед старой войсковой организацией состояли в том, что эти полки представляли постоянную вооруженную силу, имели упорядоченное военное устройство. Ратные люди этих полков проходили систематическое военное обучение, находились на полном содержании государства, получая денежное и хлебное жалование, обмундирование, оружие и боевые припасы.

В 1650-е гг. доля полков «нового строя» в русском войске увеличилась с 7 до 79%. Война с Польшей, безусловно, сыграла здесь роль катализатора. Татары не остались в стороне от происходивших изменений. Если по годовой смете 1651 г. в русском войске их насчитывалось 9113 человек (6,5% от

¹ 23 марта 1655 г. царь указал «в Запорогах» (исторический регион Украины, расположенный ниже Днепровских порогов до побережья Черного и Азовского морей. – А.Н.) быть с боярином В.В. Бутурлиным «дворяном же и детем боярским городовым, и черемисам и чувашам, и всяких чинов служилым людям полку боярина и воеводы, князя Юрия Алексеевича Долгорукаго» [3, с.402].

общей численности), то в смете 1662–1663 гг. татары уже не выделялись отдельной строкой [7, с.167], входя в ряды рейтар, драгун и солдат.

Важным показателем социальной дифференциации служилых людей являлось жалование. Размеры его зависели от происхождения и положения конкретных лиц, а внутри отдельных родов войск – от служебного стажа и территориального признака. Примерное соотношение денежных выплат показывает царская грамота от 29 января 1660 г. воеводе Григорию Козловскому. Она предписывала выдать служилым людям его полка, стоявшего под Белой Церковью, «дворяном и рейтаром и мурзам по 15 руб., казаком и драгуном и татаром по 10 руб., салдатом и стрельцом по 6 руб. человеку» [3, с.71]². Таким образом, разница в жаловании даже смежных категорий служилых людей составляла до трети высшего оклада.

В данном конкретном случае речь шла, скорее всего, о разовой денежной выплате, поскольку жалование, назначаемое во время смотра полков перед очередным походом, было больше. Например, в наказе боярину Ю.А. Долгорукому от 18 июля 1660 г. о сборе ратных людей в Смоленске, приводятся следующие сведения: «дворяном и детем боярским и мурзам по 30 руб., татаром по 20 руб., казаком по 12 руб. человеку» [4, с.119]. Аналогичные по размеру выплаты указаны в памяти Приказа Казанского дворца ратным людям полка П.А. Долгорукого³.

В ходе военных действий размеры выплат могли пересматриваться, как правило, в сторону увеличения. 28 января 1661 г. состоялся очередной смотр полка Ю.А. Долгорукого. Ратным людям (включая ярославских и романовских новокрещен, мурз и татар) повелели выдать: которые ранее были на службе – по 50 руб.; тем же, кто оставил службу или вовсе на нее не явился – по 30 руб. [4, с.332]. Текст указа демонстрирует снисхождение государства в отношении к «нетчикам». Вместо положенного по закону наказания лицам, неявившимся на службу, все же назначалось денежное довольствие. Причиной подобной терпимости являлась острая потребность в служилых людях и надежда на их «исправление».

Дополнением к жалованию была военная добыча, в том числе пленные. Наличие их у татар нашло отражение в источниках. 25 сентября 1661 г. поляк Осташко из г. Вильно подал челобитную на романовского татарина Иван Бакаева, который взял его в плен и забрал с собой в деревню, где, по словам Осташко, «поневоле кобылье мясо есть заставлял» [4, с.464]. Жить по мусульманским обычаям полоняник не захотел и, будучи католиком, подал прошение о крещении в православную веру. Схожая ситуация прослеживается в деле еврея из г. Горки Ицхака Нахимова, взятого

² 27 октября 1658 г. дворянам и детям боярским разных городов, а также романовским татарам, служившим под началом воеводы И.И. Лобанова-Ростовского было велено выдать по 15 руб. [3, с.628].

³ Память предписывала выдать из Монастырского приказа «дворянам и мурзам по 30 р., татарам по 20 р. человеку» [4, с.153].

в плен темниковским татаринем Бедарею. Оказавшись в г. Темникове, Нахимов изъявил желание креститься, после чего был отправлен вместе с женой на поселение в Казань [3, с.429]. Следует отметить, что город являлся крупным центром размещения пленных⁴, в частности смоленской шляхты. Значительная часть ее осталась на службе в России и была поселена в крепостях на Закамской засечной черте (Новошешминск, Мензелинск, Заинск и др.) [2, с.58–62].

К сожалению, практически не сохранилось фактов, показывающих отлучения служилых татар на поле битвы. Для Русско-польской войны 1654–1657 гг. это обычная ситуация. Источники, как правило, умалчивают о заслугах рядовых служилых людей. В основном в них описываются ситуации на отдельных участках фронта, а также действия конкретных воевод. Иногда эти сведения разбавлялись данными о потерях и нуждах русского войска.

С будущим театром военных действий татары познакомились еще до 1654 г. В конце 1640-х гг. они участвовали в строительстве крепостей на Белгородской засечной черте, входили в состав их гарнизонов [3, с.205]. Так, летом и осенью 1653 г. татары несли службу в крепости Яблонов (ныне с. Яблоново Белгородской области)⁵. С началом войны служилых людей из татар разбросало по разным местам. География военных действий охватывала восточную и центральную части Украины, юго-западные регионы России, территории Белоруссии и Прибалтики. Татары служили под началом видных русских военачальников – Юрия Алексеевича Долгорукого, Алексея Никитича Трубецкого, Якова Куденетовича Черкасского, Василия Борисовича Шереметева, окольничего Василия Васильевича Бутурлина и др.⁶ В одной из челобитных 1660 г. арзамасские и алатырские татары перечисляют некоторые эпизоды своего ратного пути: «...под Хмельниками был бой с ляхами и с вором и с изменником с Ивашкой Выговским... Ходили из Умани в поход очищать черкасские города, Могилев... и дошли до Кублич» [4, с.274; 6, с.70].

⁴ Указ от 15 марта 1655 г. предписывал выслать на поселение в Казань 32 литовских пленных, «которые взяты в языцах на боях в розных местах» [3, с.401]. 11 июля того же года царь велел нижегородскому воеводе Ивану Бутурлину отправить в Казань «литовских людей и жидов, которые взяты в языцах, и которые в городех в осаде сидели и с твоими ратными государевыми людьми бились, с женами, и с детьми, и с челядью» [3, с.428].

⁵ 28 ноября 1653 г. Алексей Михайлович указал отпустить мурз и татар по домам, с условием чтобы «они были в домах своих, лошадей кормили, и запасы свои готовили, и к службе совсем были готовы, и из домов своих никуда не разъезжались, а быть им на своей государственной службе по вестям» [3, с.352].

⁶ В качестве примера см. выдержку из письма окольничего И.А. Гавренева к думному дьяку С.И. Заборовскому от 3 июля 1660 г. В нем дан список московских и городовых чинов, участвовавших под началом боярина Ю.А. Долгорукого в литовском походе. Среди них «ярославских мурз и татар – 110 ч[еловек], романовских новокрещенов и татар – 97 ч[еловек]» [4, с.111].

Выявить факты участия татар в сражениях сложно и по той причине, что в документах они часто упоминаются вместе с другими ратными людьми, под определением «всяких чинов служилые люди». В то же время есть свидетельства их использования для проведения разведки и взятия «языков»⁷. Татарские конники были востребованы и для связи между воинскими подразделениями. Например, 17 августа 1656 г. алатырский татарин Ерлаган Акмашев был послан к воеводе Я.К. Черкасскому с наказом о действиях у г. Рига [4, с.535]. 19 августа Черкасский направил царю ответ, который доставил по назначению другой алатырский татарин – Давыдка Девятов [4, с.536].

Случались и особые поручения. Так, в 1656 г. в г. Вильно должна была состояться встреча польского короля с послами разных государств. Россию на ней назначили представлять астраханского наместника, боярина Н.И. Одоевского. Сопровождать его отобрали служилых людей из разных городов [3, с.516], в числе которых были казанские и свияжские мурзы и татары [3, с.519].

На фоне скудости позитивных примеров участия служилых татар в кампании 1654–1657 гг., имеется довольно много свидетельств нарушения ими воинского долга. Среди них нет не единого факта измены Отечеству, перехода на сторону противника или тайных связей с единоверцами – крымскими татарами. Другое дело – неявка или оставление службы. В XVII столетии это было обычным явлением.

Проблемы в комплектовании полков, участвовавших в войне с Польшей, были связаны с общей низкой дисциплиной поместного войска, отсутствием у него должной мотивации. Одно дело – защита родной земли, и совсем другое – война на чужой враждебной территории с не вполне понятными целями. Смотры, проводимые в полках, выявляли большое количество ратных людей, не явившихся на службу, так называемых «нетчиков»⁸. Встречались среди них и татары⁹. Примеры подобного рода случа-

⁷ 13 января 1661 г. Ю.А. Долгорукий доносил царю, что «мы для проведения про гетманов Павла Сапегу и про Чарнецкого и про Полубенского и про польских и литовских людей посылаем почасту и до сего твоего указу в розъезд и для языков по обе стороны Днепра дворян детей боярских розных городов и мурз и тотар и рейтарского строя начальных людей с рейтары». Далее говорится, что это были ярославские мурзы и татары [4, с.283–284].

⁸ Таких примеров множество. Так, вначале 1661 г. русские служилые люди г. Свияжска, отправленные в Москву к месту ратного сбора, в челобитной Алексею Михайловичу обвинили земляков Василия Корниловича Путилова и Якова Ивановича Лукошкова в многолетнем уклонении от службы. Царь повелел выяснить обстоятельства, после чего привлечь уклонистов к службе [4, с.324].

⁹ 22 июля 1656 г. был проведен смотр служилых людей, назначенных сопровождать боярина Н.И. Одоевского в его посольской миссии в г. Вильно. Во время просмотра выявилась существенная недостача личного состава. В частности, из 137 казанских и свияжских мурз и татар на службу не явились 25 человек [3, с.519].

лись не только в поместном ополчении, но и в полках «нового строя». Например, в мордовском полку Ивана Беклера на смотре в Москве в апреле 1661 г. перед отправкой к месту службы в Полоцк числилось 662 солдата. После смотра из полка сбежало 69 чел., 18 солдат оказались больны и остались в лазарете Тушино, еще 5 человек умерли [4, с.341–342]. После смотра полк был доукомплектован, и из Москвы в Полоцк выступили уже 800 человек, однако к месту службы из них прибыло лишь 460 человек, остальные 340 сбежали по дороге [4, с.408].

Массовый характер носило бегство в частях, участвовавших в военных действиях [4, с.181]. Как правило, к оставлению службы ратных людей побуждали объективные причины, а именно: невыплата или задержка жалования, проблемы с продовольствием, амуницией, вооружением. В несколько лучшем положении находилось поместное ополчение, которое отправлялось на войну со своими запасами. В полках же «нового строя», находившихся на обеспечении государства, задержка жалования или обозов с казенным продовольствием негативно сказывалась на моральном духе служилых людей. Рейтары, драгуны и солдаты, оставшиеся без средств существования за тысячи верст от родного дома, попадали в безвыходную ситуацию. Купить продукты у местного населения у них не было средств. Кроме того, жители украинских и польских местечек нередко отказывались продавать провиант русским воинам по причине частых неурожаев или враждебного отношения. По этим причинам во время войны 1654–1667 гг. голод в русском войске был распространенным явлением. Ратные люди, служившие под началом Н.И. Одоевского, в одной из челобитных писали царю, что «ныне мы живучи на твоей службе в Вильне лошади, ружье, и платье испродали и проели, и одолжали великими долгами, и помираем голодной смертью» [3, с.555–556]. В результате в период с августа 1655 по сентябрь 1656 г. из полка Одоевского сбежали 47 детей боярских и 410 драгунов. После сентября 1656 г. полк покинули оставшиеся драгуны (за исключением 6 человек), а также 4 рейтар и 19 свияжских татар [3, с.554].

В ноябре 1661 г. в Борисовский уезд перевели рейтарские полки полковников Венедикта Змеева, Василия Челюсткина, Христофора Мынгауса, ранее воевавшие в Могилевском и Оршанском уездах, под Смоленском, Красным и других местах. Источник сообщает, что из полка Василия Челюсткина бежало 60 драгунов из мордвы, у Христофора Мынгауса 351 рейтар из татар, «да драгунов, взявших жалованье 58 человек». В итоге под началом Мынгауса осталось «рейтар татар 190 чел., да драгунов 40 чел.» [4, с.446].

Помимо голода, к оставлению воинских частей побуждали болезни, преследовавшие русское войско. Особенно тяжело приходилось зимой, когда не подвезли вовремя тулупы и другую теплую одежду. На трудности с обеспечением накладывалась чума, охватившая в 1650-е гг. многие области Восточной Европы. В 1656 г. во многом из-за нее русские служилые люди бежали из-под Риги [3, с.587]. Стимулировали дезертирство и воен-

ные неудачи русской армии¹⁰ и сопутствовавшие им большие потери¹¹. Татарам-мусульманам не добавляли мотивации сведения о крещении на родине их близких¹². Таким образом, причиной дезертирства являлась совокупность ряда объективных и субъективных факторов.

Правительство, конечно, принимало меры к пресечению бегства из частей, выставляя специальные заставы [4, с.158]. Пойманных беглецов, как правило, без наказания возвращали в полки [3, с.552]. В условиях нехватки ратных людей использовать жесткие меры считалось неразумным. Они применялись лишь в отдельных случаях. В частности, в октябре 1660 г. 53 рейтаров из полка Томаса Шаля, бежавших из с. Романовичи, велели бить кнутом «на козле», а после наказания «быть в службе по-прежнему». Двух же свияжских татар «Васку Иванова и Байметку Урмаева» велели повесить в с. Губарево «за их воровство, что они с твоей службы побежали и свою братью подговаривали» [4, с.171].

Таковы были реалии Русско-польской войны 1654–1667 гг. В целом татары в ней проявили себя достойно. Упомянутые неприглядные моменты были присущи всему русскому войску, вне зависимости от социальной дифференциации и этнической принадлежности ратных людей. Война с Польшей оказалась тяжелой для России, потребовав мобилизации значительных сил и ресурсов. 20 января 1667 г. в д. Андрусово было подписано перемирие, согласно которому России возвращался Смоленск, а также все земли, потерянные во время Русско-польской войны 1609–1618 гг. Польша также признала за Россией право на Левобережную Малороссию. Мурзы и служилые татары внесли в эту общую победу весомый вклад.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т.4. СПб., 1851. 444 с.
2. Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний, собранные Степаном Мельниковым. Т.1. Казань, 1859. 231 с.
3. Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук. Т.2. СПб., 1894. 773 с.
4. Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук. Т.3. СПб., 1901. 671 с.

¹⁰ При отступлении русских войск от Могилева в Смоленск на отдельных участках это превратилось в бегство, в котором среди прочих ратных людей были замечены «мурзы и татаровя» [4, с.269–272].

¹¹ Потери в полку Ю.А. Долгорукого только в сражении 28 сентября 1660 г. у с. Губарево составили: убитых – 385, пропавших без вести – 186, раненых – 461 человек [4, с.169–171].

¹² См. память Приказа Казанского дворца от 13 июля 1660 г. «о посылке стольника Л.Ермолова в Темников и Керенск для крещенья татар» [4, с.115–116].

5. *Беляев И.Д.* О русском войске в царствование Михаила Феодоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим. М., 1846. 118 с.

6. *Сенюткин С.Б.* История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. (Историческая судьба мишарей Нижегородского края). Нижний Новгород: Изд-во ННГУК, 2001. 417 с.

7. *Чернов А.В.* Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М.: Воениздат, 1954. 224 с.

Информация об авторе:

Ногманов Айдар Ильсурович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий отделом новой истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0000-2013-8339; e-mail: nogmanov_a@mail.ru

Поступила 01.10.2024

Принята к публикации 05.11.2024

Murzas and Service Tatars in the Russian-Polish War of 1654–1667

A.I. Nogmanov

*Marjani Institute of History of the Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article is devoted to the participation of murzas and service Tatars in the Russian-Polish War of 1654–1667. This study is the first attempt to analyze this problem in Russian historiography. Relying primarily on documents of the Military Records Office published in the "Acts of the Moscow State", author determines the informative possibilities of this corpus of sources. Tatars from different regions of Central Russia and the Volga region participated in the war with Poland. In addition to the local army, they served in regiments of "new formation" (raitars, dragoons and soldiers), the importance of which grew as the military conflict developed. The establishment of this fact is a new word in the historiography of the service Tatars, as well as clarification of various circumstances of military service.

Keywords: Russia, 17th century, Russian-Polish War of 1654–1667, murzas and service Tatars, local army, regiments of "new formation"

For citation: Nogmanov A.I. Murzas and Service Tatars in the Russian-Polish War of 1654–1667. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.4, pp.39–49. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.39-49> (In Russian)

REFERENCES

1. *Historical acts, collected and published by the Archeographic Commission*. Vol.4. St. Petersburg, 1851. 444 p. (In Russian)
2. *Historical and legal acts and ancient royal documents of Kazan and other neighboring provinces, collected by Stepan Melnikov*. Vol.1. Kazan, 1859. 231 p. (In Russian)
3. *Acts of the Moscow State, published by the Imperial Academy of Sciences*. Vol.2. St. Petersburg, 1894. 773 p. (In Russian)
4. *Acts of the Moscow State, published by the Imperial Academy of Sciences*. Vol.3. St. Petersburg, 1901. 671 p. (In Russian)
5. Belyaev I.D. *On the Russian army during the reign of Mikhail Feodorovich and after him, before the reforms made by Peter the Great*. Moscow, 1846. 118 p. (In Russian)
6. Senyutkin S.B. *History of the Tatars of Nizhny Novgorod Volga Region from the last third of the 16th to the beginning of the 20th centuries*. Historical fate of the Mishars of the Nizhny Novgorod region. Nizhny Novgorod: NNGUK Publ., 2001. 417 p. (In Russian)
7. Chernov A.V. *Armed forces of the Russian state in the 15th – 17th centuries*. Moscow: Voenizdat Publ., 1954. 224 p. (In Russian)

About the author:

Nogmanov Aidar Iksurovich – Cand. Sci. (history), Senior Researcher, Head of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0000-2013-8339; e-mail: nogmanov_a@mail.ru

Received October 1, 2024

Accepted for publication November 5, 2024

УДК 94(470.5)

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-4.50-63

Послужные списки тептярских казачьих полков как исторический источник

Э.И. Шарафиев

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

Статья посвящена изучению нового источника по военной истории тептярей, хранящегося в фонде №489 «Формулярные списки и другие документы о службе личного состава русской армии (коллекция)» Российского государственного военно-исторического архива, – послужных (формулярных) списков тептярских казачьих полков. Этот источник впервые вводится в научный оборот и имеет исключительную ценность, поскольку он позволяет узнать новые факты касательно военной истории сословия тептярей. В работе дается характеристика этого источника, анализ его структуры и информационного содержания. Приводятся имена и биографические данные некоторых офицеров тептярских полков, указанных в этих списках.

Ключевые слова: тептяри, военное сословие, послужные списки, формулярные списки, тептярские полки, 1-й Тептярский казачий полк, 2-й Тептярский казачий полк, офицеры, майор П.Н. Пекарский, майор В.М. Никифоров

Для цитирования: Шарафиев Э.И. Послужные списки тептярских казачьих полков как исторический источник // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №4. С.50–63. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.50-63>

Тептярские казачьи полки. Статья посвящена новому источнику, отражающему ряд аспектов истории тептярских казачьих полков – послужным (или иначе – формулярным) спискам¹. Данный источник обнаружен недавно в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в фонде №489 «Формулярные списки и другие документы о службе личного состава русской армии (коллекция)» описи №1 «Формулярные списки. 1720–1908».

Тептярские казачьи полки – специальные военные формирования Российской империи, комплектовавшиеся, за некоторым исключением (шефами полков были, как правило, русские, из числа штаб-офицеров), как в части офицерского, так и рядового составов, по сословному принципу – исключительно из представителей сословия тептярей и бобылей,

¹ Послужные (формулярные) списки – основной документ, использовавшийся в Российской империи в XVIII – начале XX в. для учета офицеров, чиновников и канцелярский служащих.

проживавших на территории Уфимского и Вятского наместничеств, а позднее – Оренбургской, Вятской и Пермской губерний [11, с.92–93].

В 1790-е гг. тептяри из крестьянского состояния были переведены в сословие военного типа (полувоенное сословие) [12, с.106]. В 1790 г. впервые из тептярей и бобылей Уфимского и Вятского наместничеств был сформирован один казачий полк [1, с.93; 4, с.126; 11, с.87], первоначально не имевший особого названия. 23 июля 1791 г. этот полк стал называться как «Уфимский казачий полк» [5, с.243; 11, с.87]. 12 июля 1798 г., вследствие именного указа «О разделении Тептярского полка на два и о наполнении оных вновь избираемыми из того же народа людьми», полк был разделен на два: 1-й и 2-й Тептярские полки [6, с.294–295; 11, с.88–89]. Каждый из вновь образованных полков должен был содержать «равное число старых служивых чиновников и казаков», а затем наполняться уже вновь «набираемыми от народа людьми» [7, с.411]. Эти военные подразделения содержались за счет податей, выплачивавшихся представителями этого сословия [11, с.86–95].

В 1798 г., вместе с разделением одного Тептярского казачьего полка на два, был принят и новый «штат одного тептярского полка» [11, с.88]. В отличие от предыдущего штатного расписания, по новому штату в тептярских полках создавалась должность шефа полка, на которую назначался кто-либо из русских штаб-офицеров [1, с.93; 7, с.410–411; 9, с.49; 10, с.35]. Эта мера полагалась необходимой по той причине, что в составе полка не было ни одного служащего, имеющего действительный офицерский чин и обладающего достаточной компетенцией, необходимой для надлежащего командования таким войсковым подразделением [11, с.91]. Следует отметить, что тептярские полки были единственными казачьими формированиями Российской империи, где присутствовала такая должность.

Согласно штатному расписанию 1798 г., один тептярский полк должен был состоять из 519 чиновников и рядовых (должность шефа входила в штат, но в общем штатном числе военнослужащих полка не учитывалась). Из них было: общеполковых чиновников – 1 походный полковник, 1 полковой квартирмейстер (в источнике – «квартирмистр». – Э.Ш.), 1 полковой писарь, 1 полковой мулла; сотенных старшин – 5 есаулов, 5 сотников, 5 хорунжих; нижних сотенных чинов – 10 пятидесятников, 50 десятников; 440 рядовых казаков. Срок службы чиновников и рядовых тептярских полков составлял 15 лет, после чего они возвращались домой на место их постоянного проживания в податное состояние [9, с.50; 10, с.38]. Штатное расписание тептярских полков 1798 г. действовало до 1819 г., когда два Тептярских казачьих полка были преобразованы в два Тептярских регулярных казачьих полка с изменением их штата [8, с.317–318; 10, с.219–220]. Тептярские полки с определенными изменениями (переформированиями и переименованиями) просуществовали до 1845 г., когда были расформированы и упразднены [10, с.221]. Известно, что теп-

тептярские полки приняли активное участие в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах русской армии 1813–1814 гг.²

Общая характеристика источника. Всего в фонде №489 РГВИА 7513 единиц хранения (дел). Послужные списки личного состава тептярских полков были обнаружены лишь в 4-х из них, в делах №3171, 3172, 3173, 3174. Дела выстроены в хронологическом порядке. Объем этих дел: №3171 – 29 листов, №3172 – 8 листов, №3173 – 9 листов, №3174 – 10 листов. В них содержатся послужные списки за три года: 1798 г., 1800 г. и 1804 г. Этот источник ранее не вводился в научный оборот и на него никто не ссылался.

За исключением послужных списков за 1798 г., которые составлялись одним шефом – майором П.Н. Пекарским – на оба тептярских полка, остальные составлялись собственноручно шефами каждого из полков в отдельности.

Всего в послужных списках старшин 1-го Тептярского полка за 1798 г. числится 26 персон (1 полковой квартирмейстер, 5 есаулов, 5 сотников, 5 хорунжих, 10 пятидесятников), в списках 2-го Тептярского полка за 1798 г. – 27 персон (1 походный полковник, 1 полковой квартирмейстер, 5 есаулов, 5 сотников, 5 хорунжих, 10 пятидесятников), в списках 2-го Тептярского полка за 1800 г. – 27 персон (1 полковой командир, 1 полковой квартирмейстер, 5 есаулов, 5 сотников, 5 хорунжих, 10 пятидесятников), в списках 2-го Тептярского полка за 1804 г. – 29 персон (1 полковой командир, 1 полковой зауряд-квартирмейстер, 6 зауряд-есаулов (1 сверх комплекта), 5 зауряд-сотников, 6 зауряд-хорунжих (1 сверх комплекта), 10 пятидесятников), в списках 1-го Тептярского полка за 1804 г. – 29 персон (трое обер-офицеров (1 сверх комплекта), 5 зауряд-есаулов, 5 зауряд-сотников, 6 зауряд-хорунжих (2 сверх комплекта), 9 пятидесятников, 1 зауряд-квартирмейстер).

Четкое разделение на «зауряд» чины и действительные (обер-офицерские³) начинается в рассматриваемых списках только с 1804 г. Так, в послужных списках 2-го Тептярского полка за 1800 г. термин «зауряд» в качестве приписки к чинам не используется вовсе, а в списках того же полка (где фигурируют практически те же самые лица) за 1804 г. мы видим уже четкую дифференциацию «зауряд» и действительных офицерских чинов. Слово «зауряд», прибавляемое к званию лица, состоящего на государственной службе в Российской империи в XIX–XX вв., являлось официальным юридическим термином и означало, что это лицо только занимает какую-либо должность, но не имеет соответствующего чина (например,

² Абдуллин Х.М. «Татары в первой Отечественной»: тептярские казачьи полки в наполеоновских войнах. URL: <https://milliard.tatar/news/tatary-v-pervoi-otecestvennoi-teptyarskie-kazaci-polki-v-napoleonovskix-voinax-3191> (дата обращения: 15.06.2024).

³ Младшие офицерские чины.

зауряд-хорунжий). То есть зауряд-офицеры не могли претендовать на получение дворянского титула.

Согласно данным спискам, в составе 1-го Тептярского полка на 1804 г. лишь трое старшин имели армейские обер-офицерские чины (прапорщик Габейдулла Апасьев в должности хорунжего, хорунжий Сагид Япаров в должности сверхкомплектного хорунжего, хорунжий Абдульмезит Абдульменев князь Касимов в должности походного полковника), в составе 2-го Тептярского полка на 1804 г. – один (полковой командир капитан Абдулвагап (Абдул) Мосеев), в составе 2-го Тептярского полка на 1800 г. – один (полковой командир сотник Абдулвагап Мосеев), в составе 2-го Тептярского полка за 1798 г. – один (походный полковник прапорщик Абдулвагап Мосеев), в составе 1-го Тептярского полка за 1798 г. – ни одного. Однако действительным военным чином в составе этого полка, по всей видимости, обладал полковой командир хорунжий Абдулмурат Абзелкоитхамитов, вступивший в эту должность в 1798 г. [10, с.35], но о котором нет информации в рассматриваемом источнике.

Характеристика послужных списков по отдельным архивным делам. Первое из перечисленных дел (№3171) содержит послужные списки офицеров и 1-го, и 2-го Тептярских полков за 1798 г. – это самые ранние из послужных списков, составленных на военнослужащих тептярских полков с момента разделения Уфимского казачьего полка на 1-й и 2-й Тептярские полки в 1798 г. [11, с.88–93]. Рапорт шефа 1-го Тептярского полка майора П.Н. Пекарского был составлен 1 января 1799 г. К рапорту приложены 12 списков, то есть по 6 на 1-й и на 2-й Тептярские полки: 1-й – «О службе и достоинстве первого тептярского казачьего полка шефа майора Пекарского»⁴; 2-й – «О службе и достоинстве первого тептярского казачьего полка полкового есаулов»; 3-й – «О службе и достоинстве первого тептярского казачьего полка стольников»; 4-й – «О службе и достоинстве первого тептярского казачьего полка хорунжих»; 5-й – «О службе и достоинстве первого тептярского казачьего полка полкового квартирмейстера»; 6-й – «О службе и достоинстве первого тептярского казачьего полка пятидесятников»; 7-й – «О службе и достоинстве второго тептярского казачьего полка походного полковника прапорщика Мосеева»; 8-й – «О службе и достоинстве второго тептярского казачьего полка полкового есаулов»; 9-й – «О службе и достоинстве второго тептярского казачьего полка полкового стольников»; 10-й – «О службе и достоинстве второго тептярского казачьего полка хорунжих»; 11-й – «О службе и достоинстве второго тептярского казачьего полка полкового квартирмейстера»; 12-й – «О службе и достоинстве второго тептярского казачьего полка пятидесятников». 1-й список содержит сведения об одной персоне (шефе полка), 2-й

⁴ Здесь и далее в цитированиях источника оригинальная орфография частично изменена согласно современным нормам языка.

– о 5; 3-й – о 5; 4-й – о 5; 5-й – об одной; 6-й – о 10; 7-й – об одной; 8-й – о 5; 9-й – о 5; 10-й – о 5; 11-й – об одной; 12-й – о 10 персонах.

Преамбула в рапорте к спискам звучит так: «Сочиненные в первом и втором тептярских полках за прошлый 1798 год о службе и достоинстве полковых и сотенных старшин и пятидесятников послужные списки при сем в государственную Военную коллегию всепокорнейше представить честь имею»⁵.

Второе дело (№3172) содержит рапорт шефа 2-го Тептярского полка майора В.М. Никифорова от 1 января 1801 г. с приложением послужных списков военнослужащих того полка за 1800 г. В деле всего 2 списка: первый – на все офицерские чины (кроме шефа): полкового командира, квартирмейстера, есаулов, сотников, хорунжих и пятидесятников; второй – на шефа полка.

Третье дело (№3173) также содержит рапорт майора В.М. Никифорова от 1 января 1805 г. с приложением послужных списков военнослужащих 2-го Тептярского полка за 1804 г. Всего в деле 2 списка: первый посвящен шефу полка, второй – полковым и сотенным старшинам, то есть офицерам полка.

В послужных списках есть расхождения в данных. К примеру, явно один и тот же человек – пятидесятник 2-го Тептярского полка Абдрахман Аиткулов в списке за 1800 г., как и в списке за 1804 г., – записан как Абдрахим Аиткулов. Также разнится дата назначения его на должность пятидесятника: в первом случае – 10 августа 1798 г., а во втором – 28 августа 1798 г.

Четвертое дело (№3174) содержит рапорт шефа 1-го Тептярского полка А.Н. Струкова 2-го от 1 января 1805 г. с приложением послужных списков военнослужащих за 1804 г. Всего в деле имеется 6 послужных списков: «О службе и достоинстве 1-го тептярского казакского полка шефа подполковника Струкова 2-го», «О службе и достоинстве 1-го тептярского казакского полка старшин имеющие обер-офицерские чины», «О службе и достоинстве 1-го тептярского казакского полка зауряд-есаулов», «О службе и достоинстве 1-го тептярского казакского полка сотников и полкового квартирмейстера», «О службе и достоинстве 1-го тептярского казакского полка зауряд-хорунжих», «О службе и достоинстве 1-го тептярского казакского полка пятидесятников». Все послужные списки, кроме составленного на шефа полка, сгруппированы в единый список «О службе и достоинстве 1-го Тептярского полка полковых и сотенных старшин». Первым идет шефский список. Вторым следует список «О службе и достоинстве 1-го тептярского казакского полка старшин имеющие обер-офицерские чины», а за ним – все остальные по порядку.

⁵ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.489. Оп.1. Д.3171. Л.1.

В каждом деле имеется по одному рапорту. Рапорты имеют типовой вид и различаются лишь некоторыми малозначительными деталями. В рапорте указывается адресат, название воинского формирования, какие списки прилагаются к рапорту, номер документа, дата его составления, а в некоторых рапортах – и место составления. Причем в двух ранних рапортах (за 1798 г. и 1800 г.) не указано место, а в двух поздних (за 1804 г.) – указано.

Структура списков и их информационное содержание. Теперь кратко разберем структуру послужных списков тептярских казачьих полков. Каждый список имеет название (тематический заголовок). Списки имеют форму таблицы с анкетным видом представления информации – где есть вопросы и на них необходимо записать ответ. Таблица имеет стандартный вид и состоит из заглавной части (свойства) и боковика (объекты). В боковике (в левой стороне) указываются объекты – в данном случае – военнослужащие с указанием их чина и имени (полного, то есть личного имени, отчества и фамилии, при наличии), иногда имеется секция нумерации объектов. Заглавная часть разделена на секции, в каждой из которых записан вопрос, на который нужно дать ответ или род информации, которую необходимо указать об объекте в прографке⁶ таблицы – то есть об офицере (старшине) полка. Все данные об объекте, которому выделяется одна отдельная строка, записываются в прографке, в соответствующем столбце под соответствующим вопросом.

Отметим еще некоторые общие моменты, касающиеся послужных списков тептярских полков. В этих списках отражены не все чины, входившие в штаты полков, а только офицерские. По рангу – начиная с пятидесятников и до шефов. К примеру, в них нет таких полковых штатных должностей, как полковой писарь и полковой мулла. Послужные списки составлялись и записывались собственноручно шефами полков.

Анализ перечней вопросов в списках приводит к интересным наблюдениям. Все послужные списки можно разделить на две разновидности: списки шефов и списки старшин, в числе которых указывались: полковой командир (походный полковник)⁷, полковой квартирмейстер, есаулы, сотники, хорунжие и пятидесятники. Эти разновидности списков отличаются по составу вопросов и, отчасти, по их формулировкам.

Состав вопросника в шефских списках везде одинаков за исключением некоторых отличий в формулировках вопросов или построении предложений. Старшинские списки от шефских несколько отличаются. Во-первых, что касается вопросника, то сами вопросы имеют одинаковый смысл, с некоторыми различиями. Однако состав вопросника в старшин-

⁶ Прографок – основная часть таблицы, в которой расположены данные, составляющие содержание таблицы.

⁷ В послужных списках за 1798 г. эта должность указывается как походный полковник, а в списках за 1800 г. и 1804 г. – как полковой командир.

ских и шефских списках отличается. В вопроснике старшинских списков меньше вопросов, чем в шефских. По сравнению с шефскими в них отсутствуют вопросы про места службы в течение всей военной карьеры. Также во всех старшинских списках за 1798 г. и в списках 1-го Тептярского казачьего полка за 1804 г. отсутствует графа про семейное положение. Старшинские списки бывают как коллективными (составленные на целый ряд персон), так и единоличными (в случае если должность в полку числится в единственном числе, к примеру, как полковой квартирмейстер).

Примечательно, что списки, составленные в 1-м Тептярском полку, делались в отдельности на шефа и на каждую старшинскую должность (в порядке старшинства, от более высокой к более низкой: есаул, сотник, хорунжий, полковой квартирмейстер, пятидесятник), а у 2-го Тептярского полка было только по два списка: один – в отдельности на шефа (персональный), другой – общий на всех полковых и сотенных старшин.

Перечислим по порядку, какие сведения указывались о военнослужащем в послужных списках шефов тептярских полков: 1) чин, имя, отчество и фамилия; 2) возраст (на тот год, за который был составлен список); 3) сословная принадлежность, местность откуда родом, где и сколько имеет крепостных крестьян мужского пола; 4) динамика чинов, полученных в ходе службы с момента ее начала и на тот год, на который составлялся список; 5) динамика мест и занимаемых должностей в ходе прохождения службы с момента ее начала и на тот год, на который составлялся список; 6) проходил ли службу за границей и если да, то где и когда именно; 7) владение языками; 8) был ли в отпусках и когда именно, а также являлся ли в срок на службу; 9) был ли по суду или без суда в штрафах за что именно и когда; 10) семейное положение (холост или женат, наличие или отсутствие детей); 11) находится ли в штате или сверх штата; 12) достоин ли к повышению чина или причина, по которой не аттестуется.

Типовые вопросы послужных списков, составленные на один и тот же чин, могли иметь разные формулировки. Причем существовала даже определенная полковая преемственность в формулировках анкетных вопросов. Так, несмотря на то, что списки 1-го Тептярского полка за 1798 г. и 1804 г. заполнялись разными шефами, но формулировки вопросов в них примерно одинаковы. Напротив, в списках 2-го Тептярского полка как за 1800 г., так и за 1804 г., составленных В.М. Никифоровым, формулировки некоторых вопросов, аналогичные по смыслу вопросам в списках 1-го Тептярского полка, имели более существенные отличия. К примеру, 3-й по порядку вопрос в шефских списках 2-го Тептярского полка имеет формулировку «из какого состояния, где испомещен и сколько мужеска пола душ»⁸, а в списках 1-го Тептярского полка – «из какого состояния, и буде

⁸ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3172. Л.7 об.; Д.3173. Л.2 об.

из дворян, в которых именно губерниях и уездах сколько имеет мужеска полу душ крестьян»⁹.

Некоторые новые ценные сведения, получаемые из источника.

Анализ содержания источника позволяет нам сделать вывод о его большой ценности для исследования, поскольку он открывает новые данные о военной истории теплярей. В первую очередь, обращают на себя внимание биографические сведения, раскрывающие карьерный путь шефов теплярских полков. Возьмем за пример послужной список первого шефа 1-го Теплярского полка Петра Николаевича Пекарского.

В целом о карьере П.Н. Пекарского в исторической литературе содержится лишь немного сведений. Так, Р.Н. Рахимов в своей монографии 2008 г. (1-е издание) «История теплярских конных полков, 1790–1845», ссылаясь на документ, хранящийся в Национальном архиве Республики Башкортостан (НА РБ), перечисляет динамику служебных чинов П.Н. Пекарского, что в целом соответствует той информации, которая изложена в рассматриваемом нами источнике. Однако есть и некоторые отличия. Так, в послужном списке 1-го Теплярского полка за 1798 г. указано, что 26 марта 1792 г. П.Н. Пекарскому был присвоен чин секунд-майора¹⁰, а не майора, как пишет Р.Н. Рахимов [10, с.36].

Согласно анкетным данным на 1798 г., П.Н. Пекарскому было 30 полных лет и он находился в звании майора, из чего можно установить, что родился он приблизительно в 1768 г. Однако в литературе годом его рождения называется 1764 г. (6 декабря) [10, с.35]. Родом он происходил из российских дворян, его отцу принадлежало 60 душ крестьян мужского пола в Уфимском уезде Оренбургской губернии. Из источника также следует, что П.Н. Пекарский к 1798 г. был холост, не бывал в «домовых отлучках», не подвергался штрафным санкциям, состоял в штате полка, умел читать и писать по-русски, не служил за границей¹¹.

Относительно другого аспекта его служебной карьеры – мест службы, то есть в каких частях, на каких должностях и в каких званиях он служил, ранее историки не располагали достоверной и целостной информацией. Однако сейчас, благодаря информации из послужных списков теплярских полков, нам становятся известны все места службы П.Н. Пекарского в хронологическом порядке от начала его военной карьеры и до назначения шефом 1-го Теплярского казачьего полка. С 15 февраля 1776 г. по август 1785 г., то есть в течение более чем девяти лет, он служил сначала в чине сержанта, а затем – прапорщика и подпоручика в Оренбургском мушкетерском полевом батальоне. 10 августа 1785 г., уже будучи в чине подпоручика, П.Н. Пекарский, после расформирования батальона, был переведен в Оренбургский драгунский полк; 3 мая 1786 г. по собственному же-

⁹ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3171. Л.3 об.; Д.3174. Л.2 об.

¹⁰ Там же. Л.3 об.–4.

¹¹ Там же. Л.3–4.

ланию перевелся в 3-й Оренбургский мушкетерский батальон; с 28 июня 1787 г. проходил службу в 6-м Оренбургском мушкетерском батальоне; 26 марта 1792 г. по личному прошению был отставлен в Оренбургскую губернскую роту, в которой и состоял до того как 27 сентября 1798 г. был назначен шефом 1-го Тептярского полка¹².

По предположению Р.Н. Рахимова, П.Н. Пекарский, будучи сверхкомплектным майором Оренбургской губернской роты, занял должность полкового командира Уфимского казачьего полка, сформированного из тептярей и бобылей, в качестве сверхкомплектной единицы еще в 1796 г., сменив на этом посту премьер-майора Сычева [10, с.32].

Не менее ценна информация и о первом шефе 2-го Тептярского полка – майоре В.М. Никифорове. Ранее исследователям было известно о нем совсем немного, отсутствовали даже сведения об имени и отчестве [9, с.37; 2] и о его профессиональной карьере до времени назначения на должность шефа 2-го Тептярского полка. Из послужных списков раскрывается его полное имя (Василий Михайлович Никифоров), информация о службе и другие интересные сведения биографического характера¹³.

В послужном списке за 1800 г. указано, что В.М. Никифорову 29 лет (на 1800 г.) и происходил он из российского дворянского рода. К тому времени его отцу в Оренбурге принадлежали 12 душ крепостных крестьян мужского пола. За время военной службы до 1804 г. он находился в чине сержанта – с 5 августа 1786 г., штык-юнкера – с 13 марта 1789 г., подпоручика – с 27 июля 1794 г., провиантмейстера – с 15 сентября 1794 г., обер-провиантмейстера – с 6 июня 1796 г., майора – с 29 ноября 1796 г. О местах службы В.М. Никифорова перед нами предстает следующая картина: 5 августа 1786 г. он начал службу сержантом в 1-м фузилерном (в оригинале – фузелерском. – Э.Ш.) полку; в том же чине с 2 сентября 1787 г., будучи переведенным в составе роты, продолжил службу во 2-м фузилерном полку; с 15 сентября 1794 г. по 29 ноября 1796 г. в чинах провиантмейстера и обер-провиантмейстера служил в провиантском штате. Время перевода В.М. Никифорова на должность шефа 2-го Тептярского полка не указано, хотя отмечалось, что он состоит в комплекте при полку. На 1800 г. он был женат на полковничьей дочери Сипягиной Ольге Ефимовне¹⁴ и в этом браке у него был сын Василий 10-месячного возраста. В штрафах В.М. Никифоров не бывал, знал три языка – русский, немецкий и французский; не служил за границей, несколько раз находился в «домовых отлуч-

¹² РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3171. Л.3–4.

¹³ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3172. Л.7 об.–8; Д.3173. Л.2 об.–3.

¹⁴ Сипягин Ефим Иванович – полковник с 03.01.1800 г., в период с 28.09.1799 по 04.03.1800 г. – командир гарнизонного Генерал-Майора Лебедева (гарнизонного Генерал-Лейтенанта Лебедева) полка (Оренбургского гарнизонного полка) [3].

ках» – с 22 января 1791 г. по 23 мая 1791 г. и с 9 марта 1794 г. по 1 августа 1794 г., после которых являлся в срок¹⁵.

В другом послужном списке, за 1804 г., мы находим обновленные биографические сведения о В.М. Никифорове. Так, к тому времени у В.М. Никифорова в браке с О.Е. Сипягиной было уже 5 детей: Василий (5 лет), Михаил (1,5 месяца), Катерина (4 года), Александра (3 года), Анна (1 год). За его отцом числилось 115 душ мужского пола в Оренбурге и в с. Тугустемир Оренбургского уезда (ныне в Тюльганском районе Оренбургской области). В остальном сведения остаются теми же, что и в предыдущем списке¹⁶.

Послужные списки тептярских полков открывают ранее неизвестные сведения о местопребывании казаков этих полков в зимний период 1804/1805 г. По предположению Р.Н. Рахимова, 1-й Тептярский казачий полк в зиму 1804/1805 г. квартировался в Уральске для наблюдения за уральскими казаками [10, с.46]. На основании выявленного нами источника можно утверждать, что с 2 ноября 1804 г. и по меньшей мере до 1 января 1805 г. тептяри-казаки действительно находились в Уральске, однако они составляли не целый полк и относились не к 1-му, а ко 2-му Тептярскому полку. В Уральск была командирована примерно половина старшинского состава полка. Из 29 офицеров 2-го Тептярского полка в Уральск были командированы 16: полковой командир, 3 из 6 есаулов (один из них сверхкомплектный), 3 из 5 сотников, 4 из 6 хорунжих (один из которых сверхкомплектный) и 5 из 10 пятидесятников. Остальные, в том числе шеф полка, находились при полку в месте его дислокации. Штаб-квартира полка в тот момент находилась в Пречистенской крепости (на левом берегу реки Сакмары, в 60 верстах к востоку от Оренбурга), входившей в Сакмарскую укрепленную линию¹⁷.

Также особый интерес представляют биографические сведения о полковых командирах (иначе – походных полковниках) – вторых лицах в полку после шефа. На данной должности полкового командира 1-го Тептярского казачьего полка в списках фигурирует лишь один человек – хорунжий Абдулмезит Абдульменев князь Касимов – один из трех старшин полка, имевших на 1804 г. обер-офицерский чин. В 1804 г. ему было 33 года, происходил из татарских князей, что было подтверждено свидетельством от 24 декабря 1802 г., выданным Оренбургским дворянским депутатским собранием. За время своей служебной карьеры князь Абдулмезит Касимов носил следующие военные чины: казак – с 29 августа 1790 г., пятидесятник – с 6 июля 1794 г., полковой зауряд-квартирмейстер – с 18 мая 1798 г., зауряд-есаул – с 10 августа 1798 г., походный зауряд-полковник – с 15 ноября 1799 г., хорунжий – с 30 июня 1800 г. Он умел читать и писать

¹⁵ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3172. Л.7 об.–8.

¹⁶ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3173. Л.2 об.–3.

¹⁷ Там же. Л.1.

по-татарски и по-русски, к тому времени не служил за границей, не отлучался домой от несения службы, не был в штрафах, входил в комплект штатного состава полка, признавался достойным к повышению в чине¹⁸.

На должности полкового командира 2-го Тептярского полка в рассматриваемых списках значится только один человек – Абдулвагап (Абдул) Мосеев. О нем в специальной литературе практически отсутствуют сведения, кроме одного краткого упоминания [10, с.35]. Информация о военной службе Абдулвагапа Мосеева содержится в трех списках: за 1798 г., 1800 г. и 1804 г. Следовательно, во 2-м Тептярском казачьем полку он служил по крайней мере с 1798 по 1804 г. В списке за 1798 г. А. Мосеев учтен в чине прапорщика на должности походного полковника¹⁹, а в списках 1800 г. и 1804 г. – в чине капитана на должности полкового командира²⁰. Он умел читать и писать по-русски и по-татарски, не служил за границей, в штрафах и «домовых отлучках» не бывал, был женат на тептярке Махубе Ибрагимовой, с которой имели на 1804 г. троих детей: Габайдуллу (18 лет), Абдулхалика (9 лет) и Набидуллу (8 лет). Согласно данному источнику, за время своей военной карьеры до 1804 г. Абдулвагап Мосеев служил в чинах юртового старшины – с 20 июня 1792 г., полкового квартирмейстера – с 25 октября 1794 г., хорунжего (прапорщика от армии) – с 5 февраля 1795 г., походного полковника – с 10 марта 1798 г., сотника – с 30 июня 1800 г., капитана – с 16 апреля 180? г. (последняя цифра даты не прочитывается в источнике. – Э.Ш.)²¹. Причем в списке за 1798 г. офицерский чин Абдулвагапа Мосеева указан как «от армии прапорщик»²², а в списках за 1800 г. и 1804 г. – как «хорунжий»²³. Как видим, в этих списках присутствуют как армейские действительные чины, присвоенные военному служащему, так и казачьи, а также армейские звания и служебные должности.

Интересно даже и то, как шефы полков заполняли послужные списки и отвечали на вопросы. Приведем лишь один пример – то, как шефы отвечали на последний вопрос в списке (имеющий разные варианты формулировки, незначительно отличающиеся друг от друга и обладающие одним и тем же смыслом) – «к повышению достоин ли и зачем именно не аттестуется». Шеф 2-го Тептярского казачьего полка майор В.М. Никифоров ответил на этот вопрос так: «О достоинстве моем предаю в благоусмотрение главного начальства»²⁴, а в списке за 1804 г. он вовсе оставил эту графу

¹⁸ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3174. Л.4 об.–5.

¹⁹ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3171. Л.17 об.–18.

²⁰ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3172. Л.2 об.–3; Д.3173. Л.5 об.–6.

²¹ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3171. Л.17 об.–18; Д.3172. Л.2 об.–3; Д.3173. Л.5 об.–6.

²² РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3171. Л.17 об.–18.

²³ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3172. Л.2 об.–3; Д.3173. Л.5 об.–6.

²⁴ Там же. Л.7 об.–8.

пустой²⁵, так же как и майор П.Н. Пекарский в шефском списке за 1798 г.²⁶ Второй, по хронологии, шеф 1-го Тептярского полка полковник Александр Николаевич Струков 2-й, напротив, без излишней скромности стандартно ответил – «достоин»²⁷.

Итак, послужные списки тептярских полков, безусловно, представляют собой весьма интересный источник, дающий новую информацию об истории тептярских военных формирований. В статье представлены результаты исследования лишь некоторых аспектов истории тептярских казачьих полков, отраженных в этом источнике, тогда как остальные будут проанализированы в следующих работах. В целом, рассмотренный нами источник, во-первых, содержит в себе ценную информацию биографического плана о конкретных офицерах тептярских полков (чины от пятидесятника до полкового шефа), служивших в этих полках в конце XVIII – начале XIX в.: об их административно-территориальном, родовом, этническом и социальном происхождении; их служебной карьере, уровне образования, дисциплине, личностных качествах и т.п. Во-вторых, пополняет наши знания о географии передвижений тептярских казачьих полков и их отдельных частей, их жизнедеятельности. В-третьих, позволяет нам определить географию комплектования офицерского состава названных полков в конце XVIII – начале XIX в. Многие данные, содержащиеся в этом источнике, поистине бесценны и пока не введены в научный оборот в исследованиях по тептярской тематике.

Особая ценность данного источника состоит в том, что это единственные на данный момент известные послужные списки тептярских полков, а также в том, что в нем содержится важная информация о военнослужащих-тептярях, участвовавших в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах 1813–1814 гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдуллин Х.М.* «Имаму трудов должно быть больше...»: мусульманское военное духовенство в конце XVIII – начале XIX века // Военно-исторический журнал. 2023. №11. С.92–99.
2. *Калинин С.Е.* Тептярские казачьи полки в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах 1813–1814 гг. Интернет-проект «1812 год». URL: <http://www.museum.ru/museum/1812/Army/Kalinin6/index.html> (дата обращения: 12.06.2024).
3. *Подмазо А.А.* Командный состав российской регулярной армии (1796–1855): справочное пособие. Алфавитный список персоналий. URL: http://rusgeneral.ru/shik/alfshcom_s.html (дата обращения: 19.11.2024).

²⁵ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3173. Л.2 об.–3.

²⁶ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3171. Л.3 об.–4.

²⁷ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3174. Л.2 об.–3.

4. Полное собрание законов Российской империи. 1 собрание (ПСЗ РИ-1). Т. XXIII. №16856.
5. ПСЗ РИ-1. Т. XXIII. №16974.
6. ПСЗ РИ-1. Т. XXV. №18580.
7. ПСЗ РИ-1. Т. XXV. №18701.
8. ПСЗ РИ-1. Т. XXXVI. №27902.
9. ПСЗ РИ-1. Т. XLIII. К №18701.
10. Рахимов Р.Н. История тептярских конных полков, 1790–1845: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. 242 с.
11. Шарафиев Э.И. Тепляри в законодательстве Российской империи 1790-х гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №3. С.86–95. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.86-95>
12. Якунов Р.И. Тепляри: историко-этнологические очерки. К проблеме генезиса этничности. М.: Старый сад, 2001. 270 с.

Информация об авторе:

Шарафиев Эмиль Илхамутдинович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0005-1969-8933; e-mail: magdiev.emil@gmail.com

Поступила 01.10.2024

Принята к публикации 05.11.2024

**Service records of the Teptyar Cossack regiments
as a historical source**

E.I. Sharafiev

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article is devoted to the study of a new source on the military history of the Teptyars, stored in collection No.489 "Formulary records and other documents on the service of personnel of the Russian army (collection)" of the Russian State Military Historical Archive – service (formulary) records of the Teptyar Cossack regiments. This source is introduced into scientific circulation for the first time and is of exceptional value, since it allows us to learn new facts about the military history of the Teptyar class. The work provides a description of this source, an analysis of its structure and information content. The names and biographical data of some officers of the Teptyar regiments indicated in these lists are given.

Keywords: Teptyars, military class, service records, Teptyar regiments, 1st Teptyar Cossack Regiment, 2nd Teptyar Cossack Regiment, officers, Major P.N. Pekarsky, Major V.M. Nikiforov

For citation: Sharafiev E.I. Service records of the Teptyar Cossack regiments as a historical source. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.4, pp.50–63. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.50-63> (In Russian)

REFERENCES

1. Abdullin Kh.M. "Tatars in the First Patriotic War": Teptyar Cossack regiments in the Napoleonic wars. *Billion Tatars*. URL: <https://milliard.tatar/news/tatary-v-pervoi-otecestvennoi-teptyarskie-kazaci-polki-v-napoleonovskix-voinax-3191> (accessed: 15.06.2024). (In Russian)
2. Kalinin S.E. Teptyar Cossack regiments in the Patriotic War of 1812 and Foreign Campaigns of 1813–1814. *Internet project "1812"*. URL: <http://www.museum.ru/museum/1812/Army/Kalinin6/index.html> (accessed: 12.06.2024). (In Russian)
3. Podmazo A.A. *Command staff of the Russian regular army (1796–1855): reference manual*. Alphabetical list of personalities. URL: http://rusgeneral.ru/shik/alfshcom_s.html (accessed: 19.11.2024). (In Russian)
4. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1 (PSZ RI-1)*. Vol.23, no.16856. (In Russian)
5. *PSZ RI-1*. Vol.23, no.16974. (In Russian)
6. *PSZ RI-1*. Vol.25, no.18580. (In Russian)
7. *PSZ RI-1*. Vol.25, no.18701. (In Russian)
8. *PSZ RI-1*. Vol.36, no.27902. (In Russian)
9. *PSZ RI-1*. Vol.43, to no.18701. (In Russian)
10. Rakhimov R.N. *History of the Teptyar cavalry regiments, 1790–1845: monograph*. Ufa: Editorial and Publishing Center of Bashkir State University, 2008. 242 p. (In Russian)
11. Sharafiev E.I. Teptyars in the legislation of the Russian Empire in the 1790s. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.3, pp.86–95. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.86-95> (In Russian)
12. Yakupov R.I. *Teptyars: historical and ethnological essays. On the problem of the genesis of ethnicity*. Moscow: Old Garden Publ., 2001. 270 p. (In Russian)

About the author:

Sharafiev Emil Ilhamutdinovich – Cand. Sci. (history), Junior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0005-1969-8933; e-mail: magdiev.emil@gmail.com

Received October 1, 2024

Accepted for publication November 5, 2024

УДК 94(574/575)"17/18"

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-4.64-82

Участие уральских (яицких) казаков в присоединении Средней Азии к России

А.М. Дубовиков

*Поволжский государственный университет сервиса
Тольятти, Российская Федерация*

В статье показана история участия уральских (до 1775 г. – яицких) казаков в военных походах в Среднюю Азию и в кампаниях по ее завоеванию. Яицкие казаки были первыми русскими, совершившими военные походы в Среднюю Азию. Однако оба эти похода, состоявшиеся в самом начале XVII в., завершились трагически для казаков. В эпоху правления Петра I яицкие казаки участвовали в хивинском походе А.Бековича-Черкасского, но и этот поход закончился гибелью русского отряда. Большую часть XIX в. уральские (бывшие яицкие) казаки принимали активное участие в экспедициях на территории Казахской степи, целью которых было исследование ее территории для определения оптимальных путей будущих походов в Среднюю Азию, а также выбор мест будущих степных укреплений в качестве промежуточных пунктов маршрута и опорных военных баз. В 1839–1840 гг. они составили значительную (и при этом лучшую) часть отряда генерала В. А. Перовского, хотя и эта экспедиция не достигла желаемой цели. Во второй половине XIX в. военные кампании в Средней Азии резко активизировались, и в итоге данный регион удалось включить в состав Российской империи. Во всех этих военных кампаниях уральские казачьи сотни принимали активное участие.

Ключевые слова: уральские (яицкие) казаки, присоединение Средней Азии, поход Нечая, Хивинские походы русской армии, иканское дело, Ахалтекинская экспедиция

Для цитирования: Дубовиков А.М. Участие уральских (яицких) казаков в присоединении Средней Азии к России // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №4. С.64–82. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.64-82>

Историческая литература и источники, посвященные участию яицкого (уральского) казачества в присоединении Средней Азии к России, довольно разноплановы. Набегу яицких казаков на Ургенч в 1603 г. посвящен фрагмент книги хивинского хана Абулгази-бахадур, очевидно, записанный им со слов свидетелей тех событий из числа его земляков [14, с.346–358]. Еще одним источником первой половины XVII в. является рассказ бухарцев, записанный русскими послами в Бухарском эмирате [16, с.386]. К устным источникам можно отнести казачий фольклор, прежде

всего – предания, посвященные непосредственно тому самому набегу атамана Нечая на хивинские владения, и краткие рассказы о нем, звучавшие из уст разных авторов, прежде всего, самих уральских (бывших яицких) казаков. Подобные предания в середине века были собраны П.И. Рычковым в его «Топографии Оренбургской губернии» [15, с.286–288]. Среди дореволюционных авторов, проявивших интерес к истории набег атамана Нечая, были не только уральские казаки, но и прочие лица, например, К.М. Бер [2]. Подобные предания передавались и другими авторами. Так, например, П.П. Калитин записал беседу с уральским казачьим полковником А.Л. Гуляевым, который поведал ему эту историю во время Ахалтекинской экспедиции 1880–1881 гг. [8, с.95].

Оригинальный текст Абулгази-хана был сравнительно краток и содержал примерно следующую информацию:

- об отсутствии Араб-Магомет-хана в Ургенче;
- о набеге казаков на незащищенный город;
- о захвате ими богатой добычи;
- о медленном отходе казаков, отягощенных «дуваном»;
- о погоне многочисленного войска, собранного ханом;
- о преграждении казакам пути к отходу и первом сражении с ними;
- об оставлении казаками дувана и их бегстве;
- о новом кровопролитном бое;
- об укрытии остатков отряда в укромном месте и его уничтожении.

Набег Нечая фрагментарно упомянут и у других авторов, посвятивших свои труды истории завоевания Средней Азии – у М.А. Терентьева, А.И. Макшеева и других [5, с.1–2; 11, с.50–57; 13, с.40–41; 18, с.13–15]. Но этот эпизод занимает в их книгах сравнительно малую часть, как небольшой фрагмент из истории завоевания Средней Азии. Несмотря на понесенные казаками Нечая огромные (по их меркам) потери, вскоре они вновь попытались совершить набег на Хиву во главе с новым атаманом Шамаем, который закончился не менее трагически. Сбившись с пути, казаки затерялись в безводной голодной полупустыне, так и не дойдя до границ ханства. Практически все, кому удалось выжить, в итоге оказались в неволе.

Следующим эпизодом яицких казаков в среднеазиатских военных кампаниях было их участие в очередном хивинском походе, состоявшемся в 1717 г. под началом А.Бековича-Черкасского. Там они составили примерно четверть участников, считаясь наиболее подготовленной категорией бойцов для подобных походов. Упомянутые выше авторы в своих трудах не обошли вниманием ни кампанию Бековича, ни ее участников.

Если поход Нечая не преследовал никаких других целей, кроме захвата добычи, и был предпринят по инициативе самой казачьей общины, то поход Бековича состоялся в соответствии с решением царя Петра I. От хивинца Ходжи-Нефеса и некоторых других лиц царю поступила информация о том, что в прежние времена у Амударьи имелось иное русло, ве-

дущее в Каспийское, а не в Аральское море. Старое русло якобы было перекрыто и пересохло, но его можно восстановить, и это значительно облегчит торговлю со Средней Азией и даже с Индией.

Крещеному черкесскому князю Александру Бековичу-Черкасскому было поручено склонить к русскому подданству хивинского хана. Для этого в его ведение был выделен отряд численностью около семи тысяч человек, а именно: 3727 солдат, 1500 яицких казаков, 617 драгунов, 500 гребенских казаков.

При них имелись плавсредства и орудия, для чего при отряде также находились 232 человека морской команды и 26 артиллеристов [7, с.22].

Бой, длившийся несколько суток близ границы ханства, не принес хану успеха, несмотря на многократное численное превосходство хивинцев (при этом намного хуже вооруженных). Тогда хан пошел на переговоры, делая вид, что готов принять условия русской стороны. Русский отряд был разделен на 4 или 5 частей и рассредоточен в разных селениях. Сделано это было якобы для удобства. Однако ранним утром хивинцы вероломно напали на еще спавших противников, перебив по частям весь отряд. Чудом спастись смогли лишь несколько человек. И если Федор Емельянов и Михайло Белотёлкин смогли чудом добраться до родных мест самостоятельно, то остальные были выкуплены из плена только благодаря посредничеству. Двое первых по возвращении были вызваны для дачи показаний к казанскому губернатору Петру Салтыкову, в чьем ведении тогда находилось Яицкое войско.

Среди тех, кто оказал помощь в освобождении казаков, были люди богатые или знатные из числа калмыков, астраханских татар и прочих. Так, например, с их помощью вернулись на родину Андрей Бородин, Иван Железнов, Григорий Иванов, Михайло Степанов. Ценные документы о том неудачном походе собрал и опубликовал в своей книге «Уральцы» казачий офицер, краевед и писатель Ахилл Бонифатьевич Карпов [9, с.75–80, 98–101].

События 1717 г. стали горьким опытом, после которого российская власть сделала для себя выводы. Во-первых, необходимо хорошее знание местности, по которой предстоит двигаться. Во-вторых, следовало сделать выбор маршрута. Какой выбрать – западный или восточный? Западный путь – это со стороны берегов Урала и Каспия, и далее – в бассейн Амударьи. Другой путь, восточный – со стороны Иртыша – и далее на запад, в сторону бассейна Сырдарьи.

На пути в Среднюю Азию следовало создать инфраструктуру, в виде опорных пунктов, на которые можно было бы опираться, продвигаясь вглубь Казахской степи. Это должны были быть укрепления, в которых надо было разместить все необходимые для дальнейшего продвижения войска запасы: продовольствие, боеприпасы, лекарства и места, где заболевшим и раненым можно будет оказать медицинскую помощь, и, при необходимости, оставить их там. Казахская степь являлась протяженной

границей между российскими владениями и землями среднеазиатских правителей. А так как значительная территория имела мало источников пресной воды, пригодной для питья, то степные укрепления следовало возводить там, где проблем с питьевой водой не было. Кроме того, ввиду дефицита леса, в этих укреплениях следовало иметь запасы древесины.

В период с середины XVIII до первой половины XIX века большинство казахской знати перешло в русское подданство. Однако это вовсе не значило, что в Казахской степи воцарилась тишина. Во-первых, там всегда было много никому не подотчетных шаек, промышлявших грабежами и разбоями. Во-вторых, между самими представителями знати нередко шла борьба за власть и влияние на местном уровне. В-третьих, многие представители казахской знати, хотя и признали русскую власть, но сделали это вынужденно, на самом деле были готовы тайно поддерживать ее врагов. В силу этих причин, все укрепления следовало оборудовать надежными фортификационными сооружениями и орудиями, разместив в них гарнизоны, способные дать отпор любым шайкам.

Конечно, среди представителей казахской знати было немало и тех, кто верно служил русским властям, совместно с которыми активно участвовал в подавлении волнений и в установлении порядка в Казахской степи. Яркий тому пример – султан «Малой Орды» (или «Младшего жуза», «Киши жуза») Мухаммед Айчуваков.

Наибольшее беспокойство русским властям всегда доставлял род «адай» (или – адаевцы), чьи кочевья располагались в низовье Яика и Эмбы, а также на северо-восточном берегу Каспия, включая Мангышлак. Поэтому русские военные экспедиции первой половины XIX в., действовавшие в Казахской степи после завершения наполеоновских войн, были вынуждены совмещать две функции – проводить рекогносцировку местности для будущего продвижения на юг и подавлять волнения недовольных казахских старшин, сопротивлявшихся действиям русской администрации, и верных ей представителей казахской верхушки. В этом плане надо отметить действия экспедиций Григория Федоровича Генса, Максима Тимофеевича Дренякина и других. Но особо следует отметить заслуги полковника Ф.Ф. Берга. Именно он, исследовав «западный» путь, и, проведя необходимые барометрические замеры территорий между Каспием и Аралом, предложил его в качестве основного и более предпочтительного. Практически во всех указанных экспедициях участвовали уральские (бывшие яицкие) казаки, в большем или меньшем числе.

Экспедиция полковника Ф.Берга отправилась в Казахскую степь в 1824 г. Из примерно двух тысяч ее участников более половины (1200 человек) были уральскими казаками. Еще четыреста казаков принадлежали Оренбургскому войску. Кроме пятисот солдат там также присутствовала группа гражданских специалистов (геодезисты, картографы и т.п.). Отряд совместил исследовательскую деятельность с «наказанием» рода адаевцев, совершивших серию разбойных нападений на российские владения [7,

с.16–18, 53]. На западном пути, выбранном Ф.Бергом, несколько позже (к лету 1839 г.) оборудовали Эмбенское и Ак-Булакское укрепления (в урочищах Аты-Якши и Чушка-Куль) [6, с.26–28].

В начале весны 1825 г., после того как завершилась экспедиция Ф.Берга, полковник Щапов с 500 уральскими казаками при двух орудиях выдвинулся из Кош-Уральского (бывшего Кош-Яицкого) форпоста для подавления волнений адаевцев, которых возглавил некто Юлашан. Часть мятежников была перебита, часть – разбежалась, часть – попала в плен.

Летом 1831 г. для дальнейшей рекогносцировки местности со стороны Оренбургской линии выступил полковник Г.Генс, взяв сотню оренбургских казаков, три сотни башкирцев, полусотню регулярной конницы. Параллельно подвергались репрессиям аулы мятежных казахских родов.

В 1833 г. на восточном берегу Каспия (на Мангышлаке) было возведено Ново-Александровское укрепление, позже перенесенное на мыс Тюк-Караган и ставшее «Фортом Александровым».

Тем не менее, грабительские набеги на приграничные районы, захват людей, скота и прочих ценностей не прекращался. Самой дерзкой акцией адаевцев стал налет на русские владения в северной части Каспия в 1836 г., после чего в неволю попали порядка 2000 человек, включая смотрителя эмбенских вод и других государственных служащих, не считая погибших при захвате и дальнейшей «транспортировке». Эту вылазку адаевцы совершили совместно с туркменами-йомудами, которые среди прочих туркмен также считались самым воинственным и никому неподконтрольным племенем.

Ответом стала зимняя экспедиция того же года, которую возглавил полковник Александр Павлович Мансуров. Все ее участники были уральскими казаками: один штаб-офицер, 10 обер-офицеров, 9 урядников и 530 казаков. Это событие детально описал казачий офицер Н.Г. Мякушин в своей работе «Секретная экспедиция уральских казаков» [12]. Экспедиция выдвинулась из Гурьева-городка в декабре по льду Каспия в направлении полуострова Бузачи, где зимовали участники недавних разбойных акций. По пути казаки зашли в недавно основанное на побережье укрепление Ново-Александровское, где несли службу их земляки, чтобы пополнить запасы продовольствия. Приход русских в зимнее время стал для адаевцев неожиданностью. По словам Н.Мякушина, появление казаков «до того ошеломило хищников, что они вначале не верили своим глазам». Их попытки оказать сопротивление чередовались с хаосом и паникой. Казачий автор отметил, что адаевцев «поражали пулями, кололи пиками, рубили шашками и топтали конями». Некоторым все же удавалось бежать, взобравшись на неоседланных лошадей. Но и среди них мало кому в итоге посчастливилось спастись: «Во время энергичного преследования опять произошла горячая схватка, где под ударами казачьих шашек и от пик сложили головы и те, которым все-таки удалось пробраться». Если среди беглецов попадались раненые, то и им не удавалось далеко уйти, так как они, «обесси-

ленные потерей крови, падая с лошади, умирали тут же на дороге». Не спасались даже те, кто смог добраться до соседних аулов своих соплеменников, так как на полуострове Бузачи экспедиция не закончилась и была продолжена. Н.Мякушин сообщает, что, покинув полуостров, казаки Мансурова разделились на два отряда, продолжив рейд в разных направлениях. «Целых две недели колонны эти были в непрерывном движении, преследуя, настигая и поражая бегущие аулы джеменеевцев, считавшимися самыми воинственными и самыми разбойничьими племенами во всем адаевском роде», – далее пишет Н.Мякушин. Только колонна самого Мансурова настигла и истребила еще два аула [12, с.27–28].

Следующей крупной попыткой русских продвинуться в Среднюю Азию стал зимний поход В.А. Перовского конца 1839 – начала 1840 г. В отличие от набега Нечая или похода Бековича, у него была иная цель, а точнее – две цели. Первая – обезопасить рубежи страны от набегов. Вторая была связана с так называемой «большой игрой», не так давно начавшейся с Британской империей, активно стремившейся проникнуть в среднеазиатский регион со стороны Индии.

Идея похода исходила от В.Перовского и была представлена царю как его личная инициатива. Незадолго до похода оренбургский губернатор и Николай I встретились в столице, где, выслушав В.Перовского, император дал ему свое добро.

К сожалению, В.Перовскому не повезло с погодой. Зима 1839/1840 г. оказалась аномально холодной для тех краев, что признавали все местные старожилы. В итоге участники похода страдали от морозов и нехватки топлива для обогрева и приготовления еды. Морозы стали также причиной массовой гибели верблюдов, перевозивших их грузы. Однако уральские казаки, в отличие от всех прочих участников похода, всегда имели молодцеватый вид, что признавали практически все авторы, участвовавшие в той кампании. Кроме уже упомянутого М.И. Иванина, можно отметить В.И. Даля [4] и Е.М. Косырева [10]. Все они сошлись во мнении, что причинами неудач стал ошибочный выбор маршрута, а также его промежуточных пунктов (двух укреплений) и времени года. Также в качестве причины называлась плохая организация, включая вопросы снабжения и подготовки участников кампании. Уральских казаков это не касалось; речь шла, прежде всего, об Оренбургских линейных батальонах. Изначально отряд Перовского насчитывал порядка шести тысяч человек, включая 1250 уральских казаков (два полка и небольшие команды). Среди них за все время похода умерли лишь несколько человек, тогда как общее число умерших к концу кампании перевалило за тысячу [6, с.129–130].

Уральские казаки и их начальство оказались единственной категорией участников экспедиции, настойчиво изъявлявшей желание завершить поход взятием Хивы, а не возвращением обратно без боя, не дойдя до намеченного ранее пункта маршрута. С большим трудом В.Перовскому уда-

лось уговорить их командира, полковника Федота Григорьевича Бизянова, что продолжение похода невозможно.

М.Иванин участвовал в том походе в качестве начальника штаба В.Перовского. В своей книге он провел краткий экскурс в историю походов в Среднюю Азию, ни забыв про уральских (яицких) казаков.

Зимней кампании В.Перовского посвящен целый ряд прочих интересных работ, авторы которых также признали уральских казаков лучшей категорией участников похода. Это отметили и В.Даль, и Е.Косырев, и даже И.Н. Захарьин (хотя он не был участником похода, и недолюбливал уральских казаков).

Неудачный поход показал, что нужно что-то менять. Два укрепления, через которые двигалась экспедиция Перовского, вскоре были упразднены, так как выбор их мест был признан неудачным. Единственным укреплением на западном направлении, в котором продолжали нести службу уральские казаки, был Александровский форт (Ново-Александровское укрепление).

Возникла идея продвижения с восточного направления, но затем она была скорректирована, и было решено продвигаться в Среднюю Азию сразу со всех направлений. В западной части Казахской степи уже в начале 1840-х гг. началось возведение Иргизского и Тургайского укреплений, названных так по речкам, на берегах которых их заложили. При этом официально они стали называться «Уральским» и «Оренбургским» соответственно, поскольку службу в них несли казаки двух этих войск. Строительство укреплений завершилось в 1845 г.

Параллельно строились укрепления в восточной части Казахской степи. В частности, в 1847 г. на берегу Сырдарьи было построено Раимское укрепление, часть гарнизона которого также составили казаки Уральского войска.

Просуществовав восемь лет, Раимское укрепление было упразднено. В связи с меняющейся тактико-политической ситуацией стало целесообразно переместить его южнее, вверх по течению Сырдарьи, где возникло уже новое укрепление, названное Казалинским. Приближение к кокандским границам вызывало серьезные опасения у обитателей и правителей ханства. С одной стороны, они понимали, что русские на этом не остановятся. С другой стороны, из-под их контроля выходили местные казахи, которых кокандцы считали своими данниками и нещадно обирали.

В конце концов, кокандцы решили действовать первыми, дабы скорее изгнать русских с берегов Сырдарьи. Крупное сражение состоялось в 1850 г. на местности, которую здешние называли Коп-суат. В русском отряде находились три сотни уральских казаков, которыми командовал войсковой старшина Ксенофонт Фокеевич Бородин.

В итоге победа осталась за русскими. Немалую лепту внесли в нее и уральские казаки, живым примером для которых был их командир, а враг понес серьезные потери.

Следующим шагом и логическим продолжением происходившего было взятие крепости Ак-мечеть, расположенной неподалеку, которое возглавил сам В.Перовский, вновь занявший пост оренбургского военного губернатора. Инициатива опять исходила лично от него, поскольку он очень жаждал взять реванш за неудачную зимнюю кампанию 1839/1840 г. Ак-мечеть была подвергнута мощнейшему круглосуточному обстрелу. «Хотите остаться живы – просите пощады, хотите умереть в Ак-Мечети – и это в вашей воле», – обратился он к защитникам крепости¹. Крепость, ставшая фортом Перовским, была взята с минимальными потерями.

Был конец 1853 г., уже полыхала Крымская война. Ополчившиеся против России ведущие империи мира решили вести войну с Россией по всему ее периметру. Содержать крупные силы в районе Сырдарьи в таких условиях не представлялось возможным. Поэтому гарнизон бывшей Ак-мечети был сравнительно немногочислен, а возглавлял его бывший командир 5-го Оренбургского линейного батальона, подполковник Михаил Васильевич Огарёв. Несколько дней русских осаждало 12-тысячное войско кокандцев во главе с Касымом и Сужебеком, но все атаки противника удавалось отбивать.

Бесконечно находиться в осаде русские не могли, а потому решились на отчаянный шаг. Отбив очередную атаку, ранним утром следующего дня они, воспользовавшись сильным туманом, сделали неожиданную вылазку, создав замешательство в стане врага. После кровопролитного, но недолгого боя, противник обратился в бегство, бросив орудия, боеприпасы, провиант и прочее имущество. При гарнизоне имелись две уральские казачьи сотни есаулов Василия Ивановича Михайлова и Михаила Гурьяновича Щапова. Обе они приняли в той смелой вылазке активное участие. В том бою М.Щапов получил более десятка сабельных ран.

Это было последнее крупное сражение в Средней Азии вплоть до 1864 г.

Первым городом, взятым в том же году, был Туркестан. Крепость была хорошо укреплена; несмотря на ее непрерывный артобстрел, в том числе и стенобитными ядрами², стены ее устояли «по причине своей толщины», хотя и «гребень стен сбит во многих местах»³. Надеясь на прочность своих стен и на скорый подход помощи, правитель Туркестана рассчитывал удержать город и отбросить русских [17, с.154].

Однако оборона Туркестана, как и оборона Ак-мечети десятилетием ранее, оказалось не столь упорной. Правда, однажды осажденные все же отважились сделать вылазку, но были отбиты, понеся значительные потери. Участвовавшая в осаде крепости уральская казачья сотня встретила

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.1441. Оп.1. Д.58. Л.155.

² РГВИА. Ф.1441. Оп.1. Д.58. Л.13.

³ Там же. Л.6.

противника, заняв правый фланг русских (левый фланг заняли оренбургские казаки). Используя «ракетные станки», уральская сотня привела атакующих ее кокандцев «в окончательное расстройство»⁴. В ходе осады и штурма города русские потеряли пятерых погибших и 24 раненых. При чем ранения в основном были легкие⁵.

В Туркестан для укрепления его обороны прибыла уральская казачья сотня есаула Василия Родионовича (по другой версии, его точное отчество – Иродионович) Серова, вооруженная винтовками нового образца, которых в Туркестане пока еще не было ни у кого. Вскоре после прибытия в крепость сотня В.Серова получила приказ: найти и уничтожить кокандскую «шайку», действующую где-то поблизости. Казаки получили большое количество патронов, с ними были отправлены несколько артиллеристов и небольшая гладкоствольная пушка («единорог»). У селения Старый Икан сотня обнаружила кокандцев и приготовилась к бою, спустившись в небольшой овраг, сбатовав лошадей и заняв оборону. Но, как оказалось, это были лишь передовые войска кокандского правителя Алимкула (опекуна при малолетнем хане), насчитывавшего от 10 до 12 тысяч сарбазов⁶ – с этими силами Алимкул шел отвоевывать Туркестан.

Атаки и перестрелки с кокандцами велись непрерывно в течение трех суток – с 4 по 6 декабря 1864 г. включительно. У замерзших и голодных казаков не оставалось иного выхода, кроме как прорваться в крепость к своим, хотя они прекрасно понимали, что пробиться смогут далеко не все. Выйдя из своего укрытия, они, уставшие и обессиленные, медленным шагом двинулись в направлении Туркестана. В конце концов, казаки пешим строем направились в крепость, до которой было порядка восьми верст [29, с.38].

Противник осыпал казаков градом пуль, а те в ответ пытались отвечать редкими залпами, ибо соотношение сил было несопоставимо. Каждый раз, когда падал очередной казак, сосед подбирал (и, при необходимости, ломал) его винтовку, чтобы она не досталась врагу.

Кокандцы продвигались вслед за казаками, и каждый из них, приблизившись к лежащему на земле мертвому или умирающему казаку, бросался первым отрубить тому голову, дабы она стала свидетельством храбрости сарбаза.

Комендант крепости, ссылаясь на малочисленность русского гарнизона (и враждебное к нему отношение местных жителей), отказывался посылать солдат на выручку казачьей сотни, о чем его просил поручик Л.С. Алексеев. Но, услышав приближающуюся перестрелку, он был вынужден выполнить просьбу поручика.

⁴ РГВИА. Ф.1441. Оп.1. Д.58. Л.5.

⁵ Там же. Л.2.

⁶ Сарбаз (буквально: «рискующий головой» – перс.) – пехотинец в персидской армии и в армиях среднеазиатских государств XIX в.

Кокандские потери убитыми и ранеными в том бою достигли двух тысяч, после чего о штурме Туркестана не могло быть и речи. Враг ушел, предварительно сорвав злобу на обезглавленных казачьих трупах, пока остававшихся на поле боя (после ухода Алимкула были похоронены в братской могиле).

В донесении коменданту Туркестана командир «иканцев» есаул В.Серов оценил своих подопечных такими словами: «Эта храбрая горсть, пробиваясь между тысяч неприятеля, несмотря на сильный холод, побросала с себя последнюю одежду, и, вся измученная и израненная, шла в одних рубашках, с ружьем в руках, кровью обливая свой путь» [1, с.802]. И В.Серов, и уцелевшие казаки его сотни продолжили свою дальнейшую службу в Средней Азии.

Одна из площадей старого Уральска была названа «Иканской». Близ Туркестана, на месте, где происходили те героические события, возвели памятник. Брат погибшего под Махрамом Александра Хорошхина, Михаил, ставший потом генералом, был уверен, что когда «картину нашего завоевания Туркестанского края» напишет «будущий историк», то в ней «геройский подвиг сотни Серова» станет «блестеть как яркая звезда» [29, с.44]. Л.С. Алексеев не сомневался, что не только уральские казаки, но и все русское воинство будет бережно хранить память тех героев. «Много пройдет времени, много воды утечет, и все еще будут указывать на небольшой курган, где богатыри сложили свои кости», – писал он [1, с.803]. Но эти предсказания не сбылись. Герои среднеазиатских военных кампаний стали у большевиков соучастниками «преступлений царизма», память о них активно стала вытравливаться, памятники уничтожаться, названные в их честь улицы и площади были переименованы. С распадом СССР в узбекском Икане и казахстанском Уральске отношение к ним изменилось не в лучшую, а еще в более худшую сторону.

В следующем, 1865 году, уральские казаки приняли участие во взятии Ташкента. После Кокандского ханства наступила очередь Бухарского эмирата.

Свидетельством героизма казаков могут служить их награды. Так, например, за отличия в бою с бухарцами при урочище Мурза-Рабат» (апрель 1866 г.) орденом Святого Станислава 3-й степени («для магометан») был награжден сотник Курбан Баукаев. Вскоре К.Баукаев получил очередную «Анну» (3-й степени). Другой офицер Уральского войска, хорунжий Бородин 2-й, за «урочище Мурза-Рабат» был удостоен «Анны 4-й степени». Не были забыты и нижние чины.

Основной их наградой был «Знак отличия Военного Ордена», в простонародии называемый «Георгиевским крестом» (который не следует путать с Орденом Св. Георгия, предназначенном для награждений офицеров). Эту награду 4-й степени получили рядовые казаки Бухар Хусаинов, Кузьма Шелунов, Афанасий Соколов, Иван Логинов, Евстигней Рожков, урядники Фотий Албин и Матвей Логинов [19; 22; 23].

Наказным атаманом Уральского войска в течение нескольких месяцев 1865 г. был генерал-майор Дмитрий Ильич Романовский (в 1866–1867 гг. – губернатор Туркестанской области). Он же в начале мая 1866 г. командовал русскими отрядами во время битвы при урочище Ирджар (близ г. Джизака). Русским противостояла сорокатысячная армия во главе с самим бухарским эмиром. Решающую роль в исходе того сражения сыграл сводный уральско-оренбургский казачий отряд, состоявший из отдельных сотен Уральского казачьего войска. Сотни возглавляли сотник Чертогоров, есаулы Поликарпов и Голунов.

Обращенных в паническое бегство бухарцев вплоть до самых Джизакских гор преследовала казачья кавалерия, позже принявшая участие в дележе богатых трофеев, брошенных противником.

«Анну 3-й степени» получили Поликарпов и Голунов, «Анну 4-й степени» – Чертогоров. Награды получили и офицеры их сотен – хорунжие Кириллов и Назаров, оба – Станислава 3-й степени [19; 22; 23]. Поощрены были и многие нижние чины – Иван Прикашиков, Михаил Попов, Прокопий Митрясов, Ефрем Копеечкин и десятки других (всего 26 рядовых казаков и 11 урядников). Почти все нижние чины получили Знаки отличия Военного ордена, а четверо поощрены денежными премиями от 5 до 10 рублей. Урядник Прикашиков, награжденный Знаком отличия Военного Ордена, будучи потомственным дворянином, в том же году стал офицером (был произведен в хорунжие) [26]. К очередным чинам были представлены и упомянутые выше офицеры: Голунов и Поликарпов стали войсковыми старшинами, сотник Чертогоров – есаулом, хорунжие Назаров и Кириллов стали сотниками. Вскоре Голунов возглавил Наусский и Ходжентский районы Туркестанской области.

Вообще, кампания 1866 г. была богата на награды и поощрения. Только за весенние бои список награжденных лиц быстро пополнился. К награжденным офицерам добавились есаул Марков, занявший должность при штабе войск Туркестанской области (получил «Станислава» 3-й степени), есаул Колесников (получил «Анну» 4-й степени). Очередных наград были удостоены сотник (недавний хорунжий) Бородин 2-й (получил Станислава 3-й степени) и урядник (недавний рядовой) Евстигней Рожков (Знак отличия Военного Ордена 3-й степени). Различных наград удостоились урядники Степан Калентьев, Никифор Солонихин, Александр Мазанов, казаки Павел Мазанов, Григорий Чорокаев и Никифор Абоимов.

Той же осенью русские взяли Джизак и Ура-Тюбе. И вновь уральские казаки отличились в лучшую сторону. Знаками отличия Военного Ордена были награждены Лаврентий Азовсков и Трофим Федулеев. Многие рядовые казаки в качестве поощрения получили урядничьи чины, даже при отсутствии урядничьих должностей. Так, урядниками стали Ефим Мякушин, Семен Шапошников, Ларион Токарев, Иван Гузиков, Петр Водолазов, Петр Михеев, Петр Левин, Павел Мазанов, Петр Мурзин [20; 23, 25; 26; 27].

Полковник Феофилакт Сергеевич Железнов, командир 1-го эскадрона лейб-гвардейского уральского казачьего дивизиона, несшего службу в столице, знакомя казаков с особенностями войны в условиях Средней Азии, учил их быстро спешиваться и батовать лошадей, считая, что привычная им атака конной лавой в азиатских условиях мало пригодна. Наказной атаман Николай Александрович Верёвкин имел на этот счет иное мнение. «Многие полагают, что при действии в виде кавалерии нам было бы труднее справляться с азиатцами. Могу уверить вас, господа, что такое мнение совершенно лишено основания», – считал он [21; 26].

В 1867–1868 гг. казаки-уральцы принимали участие в боях под Яны-Курганом, Зеравшаном, Самаркандом, Ургатом, Ката-Курганом и в других сражениях. Вновь представлять всех отличившихся в боях не представляется возможным, поскольку информация для статьи будет слишком обширной.

Следует добавить, что, по словам наказного атамана Верёвкина, сказанных им летом 1867 г., к чести его подопечных, никто из них, воюя в Средней Азии, на тот момент не запятнал себя мародерствами и грабежами [24]. Возможно, атаман не был в достаточной степени объективен, но, во всяком случае, если подобные явления и случались, то они явно не носили массового характера.

В 1869–1870 гг. активность уральских казаков в Средней Азии несколько снизилась, и тому была серьезная причина. С 1869 г. вступала в силу реформа административного управления, затронувшая и Казахскую («Киргизскую») степь. Эта реформа стала поводом к серьезным волнениям, подогреваемым частью казахской знати и частью исламского духовенства. Подстрекательством активно занимались и заезжие хивинские эмиссары. Наиболее крупные волнения вспыхнули в Младшем казахском жузе («Малой киргизской Орде»). Они всколыхнули весь запад Казахской степи. Особую активность проявлял род «адай», осадивший расположенный на Мангышлаке Александровский форт, гарнизон которого был укомплектован уральскими казаками. Попытка мангышлакского пристава подполковника Николая Михайловича Рукина выехать вместе с полусотней уральских казаков на переговоры с вооруженными адаевцами, численность которых достигала десяти тысяч, закончилась гибелью русского отряда и самого пристава.

Уральские казаки не только приняли активное участие в подавлении волнений, но начали нести службу в Уильском укреплении, только что возведенном в Тургайской степи. В распоряжение коменданта укрепления, барона Ф.К. фон Штемпеля поступили две уральские сотни.

В 1870 г. уральцы более активно включились в среднеазиатские дела, нежели в предыдущем году. В конце лета они приняли участие в походе генерала Александра Константиновича Абрамова в Шахрисабский оазис⁷.

В 1873 г. наступил черед Хивинского ханства, которое более прочих среднеазиатских государств доставляло беспокойства России. В хивинской кампании принял участие даже сам наказной атаман Н.А. Верёвкин, временно передавший свои полномочия генерал-майору Константину Федотовичу Бизянову⁸. На Хиву выступили 4 колонны: Оренбургский, Ташкентский, Мангышлакский и Красноводский отряды. Последний из них дойти до Хивы не смог; жара, дефицит воды и постоянные нападения адаевцев и йомудов (одного из туркменских племен) заставили его вернуться обратно.

На Мангышлаке после 1870 г. уральские казаки службу больше не несли, приставство было выведено из состава новообразованной Уральской области и передано Кавказскому наместничеству. Поэтому Мангышлакский отряд был укомплектован войсками Кавказского ведомства. Уральские сотни присутствовали в двух остальных отрядах – Оренбургском и Ташкентском (три и две соответственно). Командиром одной из сотен Оренбургского отряда был есаул Александр Гуляев. К тому времени он, несмотря на молодой возраст, уже имел серьезный боевой опыт, полученный в Средней Азии. А позже он возглавлял земляков во время Ахалтекинской экспедиции. Не менее опытным офицером был и Александр Хорошхин, командовавший уральскими казаками Туркестанского отряда. Одну из его сотен возглавлял есаул Хлебников, вторую – войсковой старшина Криднер (уральским казаком он, судя по фамилии, точно не являлся). Хива была взята сравнительно легко, на это потребовалось лишь два дня. Гораздо сложнее было до нее добраться. «Наши труды, наша борьба с природой составляют предмет удивления Европы, и настоящие успехи нашего оружия вполне вознаградили неудачи Бековича и Перовского», – отметил А.П. Хорошхин [28, с.473].

Свое приветственное письмо, посвященное взятию Хивы, российскому императору отправило полиэтничное оренбургское купечество, тем самым показав, что присоединение Хивинского ханства к России соответствует и их интересам⁹ (впрочем, ханство формально осталось самостоятельным, но под российским протекторатом, причем, территория его уменьшилась).

Кокандский хан Худояр, ранее признавший российскую власть, в 1875 г. был свергнут лидером племени кипчаков Абдулрахманом, посадившим на ханский престол сына Худояра, Насреддина, отказавшегося от

⁷ Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф.6. Оп.10. Д.8394. Л.16–17.

⁸ ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.8394. Л.1–6.

⁹ ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.8406. Л.1–3.

русского подданства. Вновь начались военные действия – под Кокандом, Андижаном, Наманганом, Балычки и в других местах. Уральские казачьи сотни, в большем или меньшем количестве, участвовали практически во всех битвах той кампании. В конце лета того же года был взят Махрам. Под Махрамом действовали три уральские казачьи сотни, но при взятии города наиболее отличилась сотня есаула В.И. Жигалина. После Махрама были взяты Коканд, Андижан, Туракуртан, Наманган, Балычки. К сожалению, под Махрамом героически погиб подполковник Уральского казачьего войска – поэт, писатель и журналист Александр Хорошхин. Двумя годами ранее он был членом ханского «дивана» в Хиве, после ее взятия, являясь единственным русским членом дивана, способным общаться с хивинцами на их языке. В начале 1876 г. русские были вынуждены брать Андижан и Коканд повторно. В апреле того же года завершением кампании стало сражение близ Янгиарыка.

Уральские казаки присутствовали и в отряде, направленном в Алайские горы, расположенные в Ферганской области. Официально в приказе целью похода было объявлено «*истребление разбойничьих кипчакских шаек*»¹⁰.

В 1879 г. пришел черед Ахалтекинского оазиса, обитатели которого формально не подчинялись никому – ни хивинским, ни каким-либо еще властям. Но первая попытка похода в оазис и взятия главной ахалтекинской крепости Геок-Тепе не удалась (в ней участвовали три сотни уральских казаков). Новая попытка была предпринята в следующем году. Один из отрядов возглавил полковник А.Н. Куропаткин – командир Туркестанской стрелковой бригады. В него вошли три роты солдат и двухсотенный уральско-оренбургский казачий дивизион, который возглавлял ранее уже упомянутый А.Гуляев, к тому времени – уральский казачий полковник. Непосредственно уральскую сотню возглавил войсковой старшина Г.О. Бородин¹¹. Генерал-адъютант М.Д. Скобелев, тогда – командующий войсками Закаспийского края, был знаком с А.Гуляевым по хивинской кампании. Он хорошо знал и казаков-уральцев, как по разным среднеазиатским кампаниям, так и по Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и высоко ценил их [3, с.33–34].

Первый крупный бой произошел в ходе штурма крепости Янги-кала в канун Рождества. Высокое боевое мастерство показали многие офицеры, в том числе и офицеры Уральской сотни (не потерявшей ни одного казака) – Бородин, Буренин и Кунаковсков [3, с.37–45].

¹⁰ Видимо, под кипчаками тут следует подразумевать киргизов, составлявших основной контингент обитателей Алайских гор.

¹¹ Чин войскового старшины тогда приравнивался к чину майора, который в 1884 г. был упразднен, но чин подполковника был упразднен только у казаков; после этого чин войскового старшины стал соответствовать армейскому подполковнику.

Взятие Геок-тепе далось не так легко. Текинцы дрались отчаянно, делая вылазки, несмотря то, что их вооружение значительно уступало оружию русских. Единственное, в чем они имели превосходство – это лошади; поэтому вступать с ними в конный бой было слишком опасно, а преследовать их всадников – бесполезно.

Решающий штурм произошел после того, как прогремел мощный взрыв, подбросивший на воздух кусок стены вместе с находившимися на ней защитниками крепости [17, с.140].

Взрыв был сигналом, по которому отдельные отряды устремились в стенной пролом, чтобы затем двинуться внутри крепости по разработанным заранее маршрутам. Уральским казакам предписывалось быть в резерве, но при виде всего происходящего они не смогли устоять и тоже бросились в атаку [17, с.140].

В ходе подготовки к взрыву следовало замерить точное расстояние до стены, дабы взрыв оказался удачным. Сделать это было непросто, поскольку со стен текинцы вели стрельбу, не позволяя приблизиться к ней. Однако уральский казак-офицер, сотник Кунаковсков вместе с уральским казаком из станицы Бородинской Тетиковым под покровом ночи незаметно произвели необходимые замеры, позволившие сделать точный подкоп. Им также помогал унтер-офицер 13-го линейного Туркестанского батальона Константинов. Как только прогремел взрыв, сотник смело бросился в пролом, но сразу же был сражен вражеской пулей, погиб и Тетиков.

Спасаясь, текинцы устремились в направлении священного холма Денгиль-тепе. Но это не помогло; вскоре над ним «развевалось знамя, 3-го батальона ширванцев¹²» [3, с.67].

В своей книге А.Гуляев перечислил всех погибших в ходе той кампании. В ходе боев погибли шестеро: казаки Чуданов, Горшков, Кулагин, Тетиков, Жагулин и сотник Кунаковсков. Ранены были двенадцать: урядник Жерихов, казаки Коновалов, Сармин, Домашнев, Джалдыбаков, Повольнов, Щапов, Калинин, Краснов, Темнов, Курилин и Соболев [3, с.43, 51, 55–57, 61, 69–70]. Половина из них умерла от ран [17, с.140–141].

Казаки, получившие смертельные ранения, понимали, что не выживут, но, при этом, не впадали в отчаяние и вели себя мужественно. Джалдыбаков, казак-татарин, сказал, что испытывает чувство гордости за то, что искупил грех родственников, многие из которых уклонялись от службы (видимо, имея возможность выставять вместо себя «охотников»). М.Д. Соболев восхищался итогом содеянного. «Какую крепость взяли!» – произнес он, испытывая от своих слов какое-то удовольствие. Сармин, умирая, признался А.Гуляеву, что жалеет лишь об одном: «Жаль, ваше высокоблагородие, мало послужил Царю» [3, с.71]. Радость казаков от победы вскоре серьезно омрачила весть об убийстве царя, приведшая их в

¹² В той кампании участвовали три батальона Ширванского полка, прибывшего с Кавказа вместе с подразделениями кубанских казаков.

состояние уныния [3, с.86–87]. Сотня, участвовавшая в кампании, получила на шапки знаки с надписью «За штурм крепости Геок-Тепе 12 января 1881 года».

Это была последняя крупная военная кампания с участием уральских казаков. Однако они не покинули Среднюю Азию и продолжали там нести службу. В конечном итоге в Самарканде на постоянной основе стал базироваться один уральский казачий полк, находившийся там вплоть до начала Первой мировой войны. Служившие в нем казаки помогали местному населению бороться с эпидемиями и стихийными бедствиями, но в серьезных военных конфликтах они больше не участвовали.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев Л.С.* Дело под Иканом. Рассказ очевидца / Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края (составлен полковником А.Г. Серебrenниковым) // Исторический вестник. 1893. Т.51. №3. С.796–805.
2. *Бер К.М.* Воспоминание о походе уральских казаков против Хивы в начале XVII столетия // Маяк. 1841. №11.
3. *Гуляев А.Л.* Поход на Амударью и в Текинский оазис уральских казаков в 1880–1881 годах. Уральск: Войсковая типография, 1888. 82 с.
4. *Даль В.И.* Письма к друзьям из похода в Хиву // Русский архив. Историко-литературный сборник. 1867. Вып. 1–6. Март. Ст.404–431, 606–639.
5. *Желябужский Е.Д.* Очерки и завоевание Хивы. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1875. 128 с.
6. *Захарьин (Якунин) И.Н.* «Хива: зимний поход в Хиву Перовского» в 1839 году и «Первое посольство в Хиву» в 1842 году. СПб.: Изд. П.П. Сойкина. 1898. 205 с.
7. *Иванин М.* Описание зимнего похода в Хиву 1839–1840 гг. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1874. 268 с.
8. *Калитин П.П.* Ахал-Текинская экспедиция // Русский вестник. 1890. Т.28. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1890. С.79–112.
9. *Карпов А.Б.* Уральцы. Исторический очерк. Т.1. Уральск: Войсковая типография, 1911. 1013 с.
10. *Косырев Е.М.* Поход в Хиву в 1839 г. (Из записок участника) // Исторический вестник. 1898. №8. С.537–545.
11. *Макишеев А.И.* Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб.: Военная типография, 1890. 370 с.
12. *Мякушин Н.Г.* Секретная экспедиция уральских казаков (исторический очерк). Уральск: Войсковая типография, 1903. 35 с.
13. *Потто В.А.* О степных походах: публичные лекции, читанные при Оренбургском юнкерском училище в 1872 г. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1873. 128 с.
14. Родословная история о татарах, переведенная на французский язык, с рукописной татарской книги сочинения Абулгачи-Баядур-хана. Т.2. СПб.: Императорская Академия наук, 1768. 480 с.

15. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Изд. 2-е. Оренбург: Тип. Бреслина, 1887. 408 с.
16. Сборник князя Хилкова. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1877. 614 с.
17. Сборник уральских казачьих песен (Собрал и издал Н.Г. Мякушин). СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1890. 290 с.
18. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии с картами и планами. Т.1. СПб.: Типолитография В.В. Комарова, 1903. 514 с.
19. Уральские войсковые ведомости (далее – УВВ, еженедельная газета, г. Уральск). 1867. №6.
20. УВВ. 1867. №11.
21. УВВ. 1867. №17.
22. УВВ. 1867. №18.
23. УВВ. 1867. №19.
24. УВВ. 1867. №21.
25. УВВ. 1867. №25.
26. УВВ. 1867. №31.
27. УВВ. 1867. №33.
28. Хорошихин А.П. Воспоминания о Хиве // Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. С.-Петербург: типография и хромофотография А.Траншеля, 1876. С.473–483.
29. Хорошихин М.П. Геройский подвиг уральцев. Дело под Иканом 4, 5 и 6 декабря 1864 года. Изд. 2-е. Уральск: Войсковая типография, 1889. 64 с.

Информация об авторе:

Дубовиков Александр Маратович – доктор исторических наук, профессор, Поволжский государственный университет сервиса (Тольятти, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-9995-8328; e-mail: alexdubovikov@yandex.ru

Поступила 28.10.2024

Принята к публикации 12.11.2024

Participation of Ural (Yaik) Cossacks in annexation of Central Asia to Russia

A.M. Dubovikov

*Volga Region State University of Service
Tolyatti, Russian Federation*

The article shows the history of the participation of the Ural (until 1775 – Yaik) Cossacks in military campaigns in Central Asia and in campaigns to conquer it. Yaik Cossacks were the first Russians to make military campaigns in Central Asia. However, both of these campaigns, which took place at the very beginning of the 17th century, ended tragically for the Cossacks. During the reign of Peter I, Yaik Cossacks participated in the Khiva campaign of Bekovich-Cherkassky, but this campaign also ended with the death of the Russian detachment. For most of the 19th century, the Ural (former Yaik) Cossacks took an active part in expeditions to the territory of the Kazakh steppe,

the purpose of which was to explore its territory in order to determine the optimal routes for future campaigns in Central Asia, as well as to select the sites of future steppe fortifications as intermediate points on the route and military support bases. In 1839–1840, they formed a significant (and best) part of General V.A. Perovsky's detachment, although this expedition also failed to achieve its desired goal. In the second half of the 19th century, military campaigns in Central Asia intensified sharply, and eventually this region was included in the Russian Empire. The Ural Cossack hundreds took an active part in all these military campaigns.

Keywords: Ural (Yaik) Cossacks, annexation of Central Asia, Nechai campaign, Khiva campaigns of the Russian army, Ikan affair, Akhal-Teke expedition

For citation: Dubovikov A.M. Participation of Ural (Yaik) Cossacks in annexation of Central Asia to Russia. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.4, pp.64–82. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.64-82> (In Russian)

REFERENCES

1. Alekseev L.S. The affair near Ikan. An eyewitness account. Collection of materials for the history of the conquest of the Turkestan region (compiled by Colonel A.G. Serebrennikov). *Historical bulletin*. 1893, vol.51, no.3, pp.796–805. (In Russian)
2. Ber K.M. Memories of the Ural Cossacks' campaign against Khiva at the beginning of the 17th century. *Mayak*, 1841, no.11. (In Russian)
3. Gulyaev A.L. *Ural Cossacks' campaign to the Amu Darya and the Tekin Oasis in 1880–1881*. Uralsk: Military printing house Publ., 1888. 82 p. (In Russian)
4. Dal V.I. Letters to friends from a military campaign to Khiva. *Russian archive. Historical and literary collection*. 1867. No.1–6. March. Columns 404–431, 606–639. (In Russian)
5. Zhelyabuzhsky E.D. *Essays and the conquest of Khiva*. Moscow: A.I. Mamontov and Co. Publ., 1875. 128 p. (In Russian)
6. Zakharyin (Yakunin) I.N. "Khiva: winter campaign to Khiva by Perovsky" in 1839 and "First embassy to Khiva" in 1842. St. Petersburg: P.P. Soikin Publ., 1898. 205 p. (In Russian)
7. Ivanin M.I. *Description of the winter campaign to Khiva in 1839–1840*. St. Petersburg: "Public benefit" Partnership Publ., 1874. 268 p. (In Russian)
8. Kalitin P.P. Akhal-Tekin expedition. *Russian bulletin*. 1890. Vol.28. St. Petersburg: "Public benefit" Partnership Publ., 1890. Pp.79–112. (In Russian)
9. Karpov A.B. *Urals. Historical essay*. Vol.1. Uralsk: Military printing house Publ., 1911. 1013 p. (In Russian)
10. Kosyrev E.M. Campaign to Khiva in 1839 (From the notes of a participant). *Historical bulletin*. 1898, no.8, pp.537–545. (In Russian)
11. Maksheev A.I. *Historical overview of Turkestan and the Russian offensive movement into it*. St. Petersburg: Military printing house Publ., 1890. 370 p. (In Russian)
12. Myakushin N.G. *The secret expedition of the Ural Cossacks (historical essay)*. Uralsk: Military printing house Publ., 1903. 35 p. (In Russian)

13. Potto V.A. *On the steppe campaigns: public lectures given at the Orenburg cadet school in 1872*. St. Petersburg: Department of Appanages Publ., 1873. 128 p. (In Russian)
14. *Genealogical history of the Tatars, translated into French, from a handwritten Tatar book of the works of Abulgachi-Bayadur Khan*. Vol.2. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1768. 480 p. (In Russian)
15. Rychkov P.I. *Topography of the Orenburg province*. 2nd edition. Orenburg: Breslin Publ., 1887. 408 p. (In Russian)
16. *Collection of Prince Khilkov*. St. Petersburg: Panteleev brothers Publ., 1879. 614 p. (In Russian)
17. *Collection of Ural Cossack songs (Collected and published by N.G. Myakushin)*. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich Publ., 1890. 290 p. (In Russian)
18. Terentyev M.A. *History of the conquest of Central Asia with maps and plans*. Vol.1. St. Petersburg: V.V. Komarov Publ., 1903. 514 p. (In Russian)
19. *Uralskiye voiskovyye vedomosti*, 1867, no.6. (In Russian)
20. *Uralskiye voiskovyye vedomosti*, 1867, no.11. (In Russian)
21. *Uralskiye voiskovyye vedomosti*, 1867, no.17. (In Russian)
22. *Uralskiye voiskovyye vedomosti*, 1867, no.18. (In Russian)
23. *Uralskiye voiskovyye vedomosti*, 1867, no.19. (In Russian)
24. *Uralskiye voiskovyye vedomosti*, 1867, no.21. (In Russian)
25. *Uralskiye voiskovyye vedomosti*, 1867, no.25. (In Russian)
26. *Uralskiye voiskovyye vedomosti*, 1867, no.31. (In Russian)
27. *Uralskiye voiskovyye vedomosti*, 1867, no.33. (In Russian)
28. Khoroshkhin A.P. *Memories of Khiva. Collection of articles concerning the Turkestan region*. St. Petersburg: A. Transhel Publ., 1876. Pp.473–483. (In Russian)
29. Khoroshkhin M.P. *Heroic feat of the Urals. The affair near Ikan on December 4, 5 and 6, 1864*. 2nd edition. Uralsk, 1889. 64 p. (In Russian)

About the author:

Dubovikov Alexander Maratovich – Dr. Sci. (history), Professor, Volga Region State University of Service (Tolyatti, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-9995-8328; e-mail: alexdubovikov@yandex.ru

Received October 28, 2024

Accepted for publication November 12, 2024

УДК 297.17

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-4.83-90

Ислам в порядке несения службы военнослужащих
мусульман в уставах, законах и указах
Российской империи первой половины XIX в.

А.А. Горин

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация*

Статья посвящена изучению вопросов исповедания ислама военнослужащими-мусульманами в первой половине XIX в. На основе законодательных источников в широком историческом контексте рассматриваются государственные меры по упорядочению системы интеграции мусульман в военную и гражданскую службы Российской империи с сохранением возможности традиционного исповедания ими своего вероучения, что также было направлено на решение новых военных и внешнеполитических задач государства.

Ключевые слова: ислам, Устав воинский, Каспийский поход, Кавказская война, имам Шамиль, мюридизм

Для цитирования: Горин А.А. Ислам в порядке несения службы военнослужащих мусульман в уставах, законах и указах Российской империи первой половины XIX в. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №4. С.83–90. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.83-90>

Одной из проблем, вставших перед системой российской военной и гражданской службы 70-х гг. XVIII – первой половины XIX в., стала интеграция в служебную систему лиц, исповедующих ислам. К этому моменту со времени попыток Ивана IV Грозного интегрировать мусульманскую аристократию бывших Казанского и Астраханского ханств в систему служилого сословия Московского государства прошло уже чуть менее 200 лет, но упорядочения положения мусульман непривилегированных сословий так и не произошло. Напротив, со времени правления первых Романовых (Михаила Федоровича и Алексея Михайловича) мы видим прессинг со стороны государственной власти в отношении мусульманской уммы. Но к указанному моменту в геополитической и внутривнутриполитической ситуации происходят существенные изменения.

Во-первых, после ряда военных походов русской армии (в частности, Каспийского похода 1722–1723 гг. Петра I, а также Персидского похода 1796 г. Екатерины II) Российская империя утверждает на территории Западного и Южного побережья Каспийского моря. То есть, выходит на прямое территориальное соприкосновение с народами Кавказа, исторически исповедовавшими ислам. До этого единственными историческими

центрами ислама на территории Российской империи оставались Поволжье, Приуралье и ряд регионов Сибири.

Во-вторых, российское правительство повторно столкнулось с вопросом интеграции мусульман в отечественную правовую, политическую и военную системы. После ликвидации в 1681 г. Касимовского царства государственно-конфессиональные отношения Российского государства и мусульманской уммы строились в основном на принципах ограничительных мер со стороны первого по отношению к последним. Это привело к сокращению связей российской уммы с зарубежной уммой (и сокращению распространения среди российских мусульман радикальных учений). Однако использовать ограничительные меры в отношении мусульман Кавказа российское правительство не считало целесообразным: Российской империи приходилось конкурировать за расположение кавказских мусульман с правительствами Персии и Османской империи.

В-третьих, силовой захват Кавказа для России был долгое время нецелесообразен. Кавказская укрепленная линия проходила по рекам Терек, Малка и Кубань. На Кавказе не было ни земли, ни ресурсов, способных заинтересовать правительство Российской империи. Однако, после того, как в 1796 г. в результате Персидского похода Российская армия выходит к Баку и в 1806 г. присоединяет ханство, а затем присоединяет ряд грузинских княжеств (в том числе и в результате подписания в 1783 г. Георгиевского трактата). Впоследствии эти события привели Российскую империю на территорию претензий Персии и Османской империи.

В-четвертых, по присоединении в 1783 г. территории Крыма к Российской империи, поднялся вопрос об интеграции в российское общество мусульманского крымско-татарского населения, часть из которого приняла сторону России еще до присоединения Крыма к Российской империи [4, с.217]. Крым, в тот момент, значительно потерял в численности населения, но его города Бахчисарай и Солхат оставались центрами мусульманского богословия.

В-пятых, на Северном Кавказе в 80-х гг. XVIII в. начинает распространяться учение Магомета ал-Йараги, предтечи мюридизма [13, с.21]. Причем, учение это, по мнению ряда богословов-мусульман (например, Барка-кади аль-Акуши), – радикальное учение [3, с.83]. Мухаммад аль-Йараги выступает за антигосударственную доктрину в принципе, отрицая подчинение мусульман как «неверным», так и мусульманским правителям [6, с.44]. В это же время резидент российской разведки в Стамбуле М.И. Голенищев-Кутузов сообщает в столицу в 1794 г. о «разрушающем богослужение магометанское мятежнике из Аравии Абдул-Вегабе» [8, с.298].

Таким образом, уже к концу XVIII в. возникает необходимость упорядочить пребывание мусульман на гражданской и военной службе Российской империи, причем – с учетом богословских особенностей вероучения ислама, чтобы не только использовать потенциал российского ислама в «народной дипломатии», но и сделать нахождение под российским

влиянием более привлекательным для мусульман – потенциальных подданных.

В «Уставе воинском» Петра I от 30 марта 1716 г. достаточно полно и всесторонне определен порядок службы православного военного духовенства и отправления духовных потребностей православных воинов. Однако о представителях иных исповеданий (без разделения) упоминается лишь в главе 64 «о молитве и в какое время ее отправлять». Православным надлежит молиться трижды в день в обязательном порядке. Нарушение грозит наказанием. Интересно, что в этой статье мы видим пункт: «И понеже при войске некоторые иных законов обретаютца, которые також де должныствуют по своим уставам, но в те же времена молитися, под таким же штрафом» [10]. То есть, Петр I требует, чтобы верующие исполняли свои ритуалы, но – в единых рамках. Такой подход нельзя назвать дискриминацией: одна из задач Устава – введение максимального единообразия порядка несения военной службы.

Вместе с тем, решение о введении политики веротерпимости Петра III, реализованное в полной мере Екатериной II в синодском указе от 17 июня 1773 г. «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении Архиепископам вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построенных по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским начальникам» [12, с.775–776], кардинальным образом изменило положение дел. Согласно именному указу «О дозволении подданным Магометанского закона избирать самим у себя ахунов» от 28 января 1783 г., данному генерал-поручику М.Ф. Каменскому, содержится ряд примечательных фактов. Во-первых, речь шла о строительстве мечетей в строго необходимом количестве и по желанию населения. Во-вторых, указывается мотивация такого решения: Екатерина II была заинтересована в том, чтобы духовное лидерство над мусульманами России сохраняли отечественные мусульманские богословы [11, с.805]. По всей вероятности, распространение радикальных направлений ислама, о котором Екатерине II недавно сообщили с Кавказа, вызвало стремительную реакцию императрицы. В третьих, избранные ахуны имели право включаться в общественную жизнь общества, не будучи ограничены лишь духовной сферой (как, например, православные иереи) [11, с.805]. Окончательно заверченный вид система самоуправления мусульманской уммы Российской империи обретет в 1788 г. с учреждением Оренбургского магометанского духовного собрания.

С этого момента вопрос о внесении изменений в порядок несения службы военнослужащими-мусульманами становится вопросом времени: на Кавказе разворачивается новое противостояние Российской империи и мусульманского сообщества, и, в отличие от XVI–XVII вв., правительство Российской империи было заинтересовано в максимальном устранении из причин этого противостояния религиозного вопроса. Кроме того, количество мусульман на военной и гражданской службе Российской империи серьезно увеличилось.

Из мусульман еще ранее составляли подразделения легкой кавалерии, формируемые по месту дислокации. По инициативе Г.А. Потемкина, сосредоточившегося на развитии легкой кавалерии, мусульманские кавалерийские подразделения, как правило, заносили в реестр как уланские или казачьи части. Наиболее известны Уфимский казачий полк (позднее на его базе – сформированы I и II Тептярские полки), Литовско-татарский уланский полк [2, с.92], крымские полки (Симферопольский, Перекопский, Евпаторийский, Феодосийский [1, с.49]) и др. В штат таких подразделений назначались в качестве духовных лиц муллы. Исследователь Х.М. Абдуллин в своих работах приводит имя одного из них – Кунафей Бухарметов [2, с.92].

Существовал ряд вопросов, которые необходимо было решать в ходе службы.

Во-первых, адаптация предписываемых в Коране религиозных действий Воинскому уставу. Если Устав 1716 г. рассматривал религиозно-культурные действия в одном абзаце, то «Воинский устав государя императора Павла Первого о полевой пехотной службе» 1796 г. отводит религиозной составляющей военной службы первую часть восьмой главы и регламентирует ее подробно [5, с.116–118]. Однако, если Устав Петра I упоминал о лицах, имеющих иное исповедание, кроме православного, то Устав Павла I о них даже не упоминает. Однако, общие формулировки Устава Павла I (например: «...Естьли солдаты случатся другого закона, то посылать оных на молитву онаго, с унтер-офицером того закона, естьли случится ...» [5, с.117]) давали возможность взаимно коррелировать требования Устава и Корана. Но только в том случае, если все подразделение, или, по крайней мере – его целостная часть (взвод, рота и т.д.), будут сформированы из лиц, исповедующих ислам. Однако с 1790 г. мы такие подразделения в армии Российской империи наблюдаем. Особенно интересен в этом отношении сформированный 9 июня 1797 г. Литовский конный полк, в 1803 г. разделенный на Литовский и Татарский конные полки. Дело в том, что 21 марта 1831 г. Татарский конный полк был расформирован и его эскадроны были приписаны к различным полкам. Сохранили ли они мусульманский состав и соответствующий порядок несения военной службы – неизвестно.

Во-вторых, при помощи Оренбургского магометанского духовного собрания удавалось решать проблемы, касающиеся сугубо бытовых вопросов. Например, в 1833 г. население 5-го башкирского кантона подало прошение Николаю I, содержащее религиозно-аргументированную просьбу не посылать молодых башкир обучаться медицине в Казанский императорский университет. Именно Оренбургское магометанское духовное собрание организовало разъяснительную работу, что обучение в светском университете харамом не является. Не без влияния Собрания был введен в употребление порядок расчета времени утреннего и вечернего намаза параллельно визуальному – по поясному времени, что упростило службу офицеров-мусульман в северных регионах Российской империи во время

полярного дня и полярной ночи, а также – участие военных из числа мусульман в исследовательских экспедициях.

В-третьих, наличие мусульманских воинских подразделений в составе армии Российской империи в немалой степени помогло выиграть идеологическую борьбу с Северо-Кавказским имаматом во время Кавказской войны. Хотя позднее, находясь в почетном пленении, имам Шамиль и отрицал то, что его оппоненты переходили на сторону Российской империи, но признавал, что жестокость его политики отвратила от него многих мусульман [7, с.126]. Зато личный секретарь имама Шамиля Мухаммад Тахир аль-Карахи честно признавал, что мусульмане Северного Кавказа до целенаправленной пропаганды Гази-Мухаммада, то есть до 30-х гг. XIX в. (а многие – и до конца Кавказской войны), не воспринимали Российскую империю как противника. Более того, они активно сопротивлялись анти-русской пропаганде вплоть до конфликта с мюридами [9, с.4–5]. А представители аула Чиркей и вовсе отказались воевать с русскими, напротив – заключив мир с Российской империей и возвратив Гази-Мухаммаду присланное им оружие [9, с.9]. Отказывались воевать с Россией и аварцы [13, с.34] (что стало одной из причин, по которой Гамзат-бек приказал уничтожить всю аварскую правящую династию).

То есть, можно смело сказать, что формирование мусульманских подразделений в армии Российской империи, введение мусульманского самоуправления на территории России, уделение внимания корреляции законов Российской империи и духовным потребностям мусульман, позволили в значительной мере нивелировать статус религиозной войны в противостоянии с Северо-Кавказским имаматом. Фактически, народы Кавказа имели простой выбор: либо признать власть Российской империи, в которой мусульмане могли сосуществовать с православными и строить гражданскую и военную карьеру (примеры были перед глазами), либо признать власть Северо-Кавказского имамата с отказом от национальных традиций, отмены адатного права в пользу законов шариата, внедрением арабского языка не только в делопроизводство, но и в бытовое общение (о чем свидетельствовали и Мухаммад Тахир аль-Карахи, и М.Н. Чичагов, и сам имам Шамиль). Подчинение властям Российской империи для многих выглядело предпочтительнее. Наибольшего успеха в этом добился Николай I, завершивший строительство системы религиозной политики, заложенной при его бабушке Екатерине II.

Имели место и неудачные попытки адаптировать российскую наградную систему под каноны ислама. В 1844 г. ввод системы параллельных наградных знаков был не слишком удачной идеей. Были разработаны альтернативные орденские знаки орденов: Св. Андрея Первозванного, Св. Александра Невского, Св. Великомученика и Победоносца Георгия, Св. Равноапостольного князя Владимира, Св. Анны и Св. Станислава. Суть изменений одна – вместо фигур святых был размещен государственный герб Российской империи. Польский Орден Белого орла изменен не

был, а Орденом Св. Великомученицы Екатерины не православные не награждались. Однако, размещение на орденах фигуры орла точно также нарушало каноны ислама, запрещающие изображение живых существ.

Однако, в целом, упорядочение системы интеграции мусульман в военную и гражданскую службы Российской империи с сохранением возможности традиционного исповедания ими своего вероучения, одновременно пресекло попытку руководства Северо-Кавказского имамата придать войне с Российской империей статуса джихада, способствовало интегрированию мусульман из вновь присоединенных к Российской империи регионов в российское общество, а также – позволило на длительное время предотвратить широкое распространение на территории Российской империи радикальных форм ислама.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдуллин Х.М.* Воинская служба крымских татар в Российской империи // Военно-исторический журнал. 2007. №1. С.49–54.
2. *Абдуллин Х.М.* «Имаму трудов должно быть больше...». Мусульманское военное духовенство в конце XVIII – начале XIX века // Военно-исторический журнал. 2023. №11. С.92–99.
3. *Агаев А.Г.* Магомед Ярагский. Мусульманский философ. Духовный вожь дагестанского освободительного движения XIX века. Махачкала: Издательско-полиграфический центр ДГУ, 1996. 212 с.
4. *Болотина Н.Ю.* Потёмкин. М.: Вече, 2014. 480 с.
5. Воинский устав государя императора Павла Первого о полевой пехотной службе. Санкт-Петербург: Типография Морского шляхетного кадетского корпуса, 1797. 357 с.
6. *Джалалова С.М.* Политико-правовые воззрения Магомеда Ярагского (первая половина XIX в.) // Актуальные проблемы российского права. 2011. №4. С.40–50.
7. Законы Шамиля // Живописное обозрение. 1875. №8. С.126.
8. Русские полководцы. Кутузов М.И. Документы (под ред. Л.Г. Бескровного). В 5 т. М.: Военное изд-во Министерства вооруженных сил Союза ССР, 1950. 796 с.
9. *Тахир М.* Три имама. Махачкала: Дагучпедгиз, 1990. 100 с.
10. Устав воинский о должности генералов, фельт маршалов и всего генералитеита и протчих чинов, которые при войске надлежат быть, и о иных воинских делах и поведениях, что каждому чину чинить должно. 30 марта 1716 г. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/Ystav1716.htm> (дата обращения: 25.09.24).
11. Полное собрание законов Российской Империи. 1 собрание (ПСЗ РИ-1). Т.XXI. №15653.
12. ПСЗ РИ-1. Т.XXII. №16489.
13. *Чичагова М.Н.* Шамиль на Кавказе и в России. СПб.: Типография и Литография С.Муллер и И.Богельман, 1889. 186 с.

Информация об авторе:

Горин Антон Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры религиоведения Института социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0009-3161-1887; e-mail: anton-gorin-2009@mail.ru

Поступила 30.09.2024

Принята к публикации 24.10.2024

Islam in the order of service of Muslim military personnel
in the charters, laws and decrees of the Russian Empire
in the first half of the 19th century

A.A. Gorin

*Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russian Federation*

The article is devoted to the study of the issues of practicing Islam by Muslim military personnel in the first half of the 19th century.

Based on legislative sources in a broad historical context, state measures to streamline the system of integrating Muslims into the military and civil services of the Russian Empire while maintaining the possibility of their traditional confession of their faith, which was also aimed at solving new military and foreign policy tasks of the state are considered.

Keywords: Islam, Military Charter, Caspian campaign, Caucasian war, Imam Shamil, Muridism

For citation: Gorin A.A. Islam in the order of service of Muslim military personnel in the charters, laws and decrees of the Russian Empire in the first half of the 19th century. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.4, pp.83–90. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.83-90> (In Russian)

REFERENCES

1. Abdullin Kh.M. Military service of the Crimean Tatars in the Russian Empire. *Military History magazine*. 2007, no.1, pp.49–54. (In Russian)
2. Abdullin Kh.M. "The Imam should have more work...": Muslim military clergy in the late 18th – early 19th centuries. *Military History Journal*. 2023, no.11, pp.92–99. (In Russian)
3. Agaev A.G. *Magomed Yaragsky. Muslim philosopher. Spiritual leader of the Dagestani liberation movement of the 19th century*. Makhachkala: Dagestan State University Publ., 1996. 212 p. (In Russian)
4. Bolotina N.Y. *Potemkin*. Moscow: Veche Publ., 2014. 480 p. (In Russian)
5. *Military regulations of the sovereign Emperor Paul the First on field infantry service*. St. Petersburg: Naval Noble Cadet Corps Publ., 1797. 357 p. (In Russian)

6. Dzhahalova S.M. Political and legal views of Magomed Yaragsky (first half of the 19th century). *Current issues of Russian law*. 2011, no.4, pp.40–50. (In Russian)
7. Shamil's Laws. *Picturesque Review*. 1875, no.8, p.126. (In Russian)
8. *Russian commanders. Kutuzov M.I. Documents*. In 5 volumes. Ed. by L.G. Beskrovny. Moscow: Ministry of the Armed Forces of the USSR Publ., 1950. 796 p. (In Russian)
9. Takhir M. *Three imams*. Makhachkala: Daguchpedgiz Publ., 1990. 100 p. (In Russian)
10. *Military regulations on the positions of generals, military marshals and all generals and other ranks that should be with the army, and on other military affairs and behavior that each rank must perform. March 30, 1716*. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/Ystav1716.htm> (accessed: 09/25/24). (In Russian)
11. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. In 47 volumes. Vol.21. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery Publ., 1830. 1070 p. (In Russian)
12. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. In 47 volumes. Vol.22. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery Publ., 1830. 1174 p. (In Russian)
13. Chichagova M.N. *Shamil in Caucasus and in Russia*. St. Petersburg: S. Muller and I. Bogelman Publ., 1889. 186 p. (In Russian)

About the author:

Gorin Anton Anatolyevich – Cand. Sci. (history), Associate Professor of the Department of Religious Studies of the Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0009-3161-1887; e-mail:anton-gorin-2009@mail.ru

Received September 30, 2024

Accepted for publication October 24, 2024

УДК 94(57)512.145"18"

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-4.91-106

Мурзы Кульмаметьевы в составе Сибирского Татарского казачьего полка (1822–1849 гг.)

Р.Р. Аминов

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

Данная статья посвящена анализу службы мурз Кульмаметьевых в составе Сибирского Татарского казачьего полка в 1822–1849 гг. Исследуется социальное положение офицерского состава казаков по данным Устава о сибирских городских казаках 1822 г. Автором вводятся в научный оборот сведения из формулярных списков чиновников Сибирского Татарского казачьего полка за 1844 и 1845 гг., что позволяет составить портрет среднестатистического офицера из числа татар-казаков Западной Сибири. В ходе исследования выяснилось, что некоторые представители рода мурз Кульмаметьевых злоупотребляли своим высоким положением в полку и были отданы под суд в 1825–1830 гг. Вследствие реформ административного характера татарские городские казаки в 1861 г. вошли в состав Сибирского казачьего войска, что способствовало изменению некоторых аспектов их службы и социально-правового положения.

Ключевые слова: мурзы Кульмаметьевы, Сибирский Татарский казачий полк, атаман, городские казаки, формулярные списки

Для цитирования: Аминов Р.Р. Мурзы Кульмаметьевы в составе Сибирского Татарского казачьего полка (1822–1849 гг.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №4. С.91–106. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.91-106>

История рода мурз Кульмаметьевых берет начало с Кулмамета (Кульмамета) Бегишева, жившего в конце XVI – первой половине XVII в. Его дед, князь Бегиш, участвовал в битве с Ермаком 1584 г., но, потерпев поражение, бежал в Среднюю Азию. Его внук Кулмамет (Кульмамет) спустя некоторое время вернулся в Сибирь. Впоследствии представители рода, занимая высокие должности в управлении татарами, зарекомендовали себя в качестве элиты местной татарской общины [13, с.51, 55–57].

Большая часть татарской феодальной верхушки Сибирского ханства в конце XVI в. после завоевания Московским государством вошла в состав служилого сословия «йомышлы». Из их числа формировались команды, дислоцировавшиеся в Таре, Тюмени и Тобольске. Позднее такие подразделения были основаны в Красноярске, Кузнецке и Томске. В XVII в. численность татар была сравнительно небольшой: в Тобольске – 250, Таре – 36, Тюмени – 75 человек. Таким образом, власти, не затратив больших

усилий, получили в их лице военную опору для дальнейшей колонизации Сибири [15, с.144].

Необходимо отметить, что сибирское казачество не являлось «вольным», оно изначально было всегда служилым. Команды местных служилых татар набирались по этому же принципу. В связи с этим организация управления татарами была общей с другими формированиями сибирского казачества. Главным органом управления сибирскими казаками был Сибирский приказ, в который направлялись донесения и рапорты, там же разрабатывались штатные расписания и т.д. Управлением служилыми людьми Сибири ведали головы и атаманы. В обязанности голов входило формирование списков служилых людей, комплектование команды, осуществление контроля над выдачей жалования, направление казаков в командировки и на городовые караулы. Общее руководство служилым контингентом осуществляли воеводы, а позднее, с XVIII века – губернаторы и губернские канцелярии [12, с.351–352].

Городовые сибирские казаки состояли в «приборе» у своих казацких голов, которые набирали их на службу. Казацкие головы подчинялись непосредственно городовым воеводам. Сами казаки делились на пеших, сторожевых и конных. Кроме голов и атаманов к верхушке общества можно отнести есаулов, сотников, пятидесятников и десятников. Все они выбирались на годичный срок [5, с.94].

Изначально татарские головы назначались из среды русских людей, их функции были схожими с функциями голов сибирского казачества: они ведали списками служилых и захребетных татар, своевременно подавали эти списки начальству, вершили суд и расправу над татарами по всем делам, кроме «великих судебных спорных дел». Главными обязанностями служилых татар в XVII в. являлись сбор ясака, участие в дипломатических миссиях, строительство крепостей и острогов, поимка беглых. Размер жалования татарского головы был довольно высоким и продолжительное время не менялся – 23 руб. в год, кроме этого, голова 1-го класса получал по «8 четвертей с осьминою полчетверика и полполчетверика ржи, овса тож, соли 6 пудов» [12, с.352, 356].

Первым головой тобольских служилых татар из рода Кульмаметьевых был Авазбакей Кульмаметьев (ок.1630–1698). Его назначение датировано 1692 годом. В 1698 г. он умер, на вакантное место был назначен его сын – Сабанак Авазбакеев сын Кульмаметьев (1652–1730). В 1730 г. должность перешла уже к сыну Сабанака – Нематулаю Кульмаметьеву (1686–1732). На протяжении XVIII в. Кульмаметьевы занимали высокие должности в управлении тобольскими татарами, кроме периода, когда в 1732 г., после смерти Нематулая Кульмаметьева, недолгое время головой служилых татар являлся Чюра Кутумов из касимовских мурз. Распоряжением сибирского губернатора с 1770 г. за мурзами Кульмаметьевыми закрепилось право определения на должности голов, атаманов и сотников иррегулярного татарского полка представителей своего рода. В конце

XVIII в. высочайшей грамотой Екатерины II от 25 апреля 1796 г. один из представителей рода – Сабанак Авазбакиев сын Кульмаметьев (1739–ок.1816) – был возведен в дворянское достоинство. Род Кульмаметьевых получил родовой герб, а к имени Сабанака в документах добавился титул мурза [2, с.18, 24; 12, с.355; 14, с.451].

Устав о сибирских городских казаках от 22 июля 1822 г. Скучное содержание вынуждало городских казаков идти на злоупотребления по службе. Именно это вызвало появление документа, регламентирующего все стороны их жизни [5, с.94].

22 июля 1822 г. был издан Устав о сибирских городских казаках. Согласно этому документу, в Тобольской губернии комплектовались два казачьих полка: Тобольский городской казачий полк и Сибирский Татарский казачий полк. В состав последнего входили городские татарские казачьи команды: Тобольская, Тюменская и Томская. Каждый полк разделялся на сотни и управлялся атаманом, сотни, в свою очередь, сотником. Главное начальство над городскими казаками вверялось в губернии гражданскому губернатору, в области же – областному начальнику. Отделяемые от полков сотни и команды для города и уезда подчинялись окружным начальникам, а где их не было – городничим. Зачисление в офицеры по представлениям губернаторов, а также на вакансии по полку зависело от Сената [7].

Рассмотрим основные обязанности и полномочия полкового атамана Сибирского Татарского казачьего полка. К его основным обязанностям следует отнести представление гражданскому губернатору жалоб от казаков на разные притеснения, контроль выдачи казакам жалования, рассмотрение и представление об увольнении казаков, годовой инспекторский смотр полка. Кроме этого, он собирал и хранил формулярные списки казаков, списки о детях, происшествиях, месячные рапорты о состоянии полка, отвечал за порядок и сроки службы, ходатайствовал о наделении казаков землями, выносил распоряжения по предмету устройства и содержания фабрик, отслеживал работу учебных заведений, осуществлял надзор и выносил распоряжения по предмету устройства содержания фабрик [7]. Как видим, полковой атаман был наделен широкими полномочиями. Чтобы преуспеть на этой высокой должности, от него требовались такие качества, как высокая работоспособность, исполнительность, ответственность.

Устав не требовал от казаков единообразия в одежде. Находясь на службе, они носили обыкновенное казачье платье, без погон, с воротником синего цвета. При разъездах и в караулах каждый казак должен был иметь оружие: сабли, пики, огнестрельное оружие (какое будет удобно для казака) [7].

Школы учреждались в месте дислоцирования полковых атаманов, в них преподавались закон Божий, чтение, письмо и арифметика. По окончании школы дети казаков могли поступать в уездные училища и губернские гимназии [7]. Из произведенного директором училищ Тобольской губернии Е.М. Качуриным обзора училищ и школ усматривается, что в

школе Сибирского Татарского казачьего полка по состоянию на 24 июня 1844 г. числилось 19 детей татар-казаков¹.

Обязанности городских казаков сводились в основном к полицейским разъездам по городу, поимке беглых по уезду, конвою казенного транспорта, препровождению ссыльных на этапную дорогу, охране соляных озер, побуждению к платежу податей [7].

Штат Сибирского Татарского казачьего войска должен был состоять из полкового атамана – 1 чел., сотников – 5, хорунжих – 5, пятидесятников – 18, урядников – 28, писарей – 7, казаков – 500, мастеровых – 7. В общей сложности получается 571 казак [8].

Устав определил подведомственность городских казаков гражданскому управлению, поэтому они должны были входить в состав окружной и губернской полиций. Кроме этого, все сибирские городские казаки делились на станичных и полковых. К полковым казакам отнесли тех, кто не имел прочного хозяйства и нес службу за жалование в отдаленных от их постоянных жилищ местах. Станичные казаки, для которых не предусматривалось жалование, несли временную полицейскую службу на территориях, расположенных вблизи станиц, где они проживали [5, с.94–95].

Уголовные дела в этой среде решались в уездных судах, офицеры же находились в юрисдикции губернских судов. Предварительное расследование по делам казаков производилось городскими управами благочиния и нижними земскими судами, при этом присутствие казачьих представителей было обязательным. Офицерский состав отдавался под суд только после получения согласия у губернатора, городские казаки – после согласия полковых атаманов [11, с.9].

Интересным представляются сведения о штатном жаловании казаков. Надо сказать, что офицерскому составу Сибирского Татарского казачьего полка выделялась несколько меньшая сумма, чем офицерам других конных полков. Так, чин полкового атамана Сибирского Татарского казачьего полка приравнивался к гражданскому чину 9-го класса². Жалование атамана составляло не 400 руб. в год, как в других конных казачьих полках Западной Сибири, а 360 руб. Должность сотника соответствовала чину 12-го класса с ежегодным жалованием в 240 руб. в Сибирском Татарском казачьем полку, в других полках – 270 руб. Что касается хорунжих³, татары Сибирского Татарского казачьего полка получали 180 руб. в год, тогда как хорунжие из других полков – 240 руб. Рядовые казаки всех полков получали одинаково – 6 руб. в год. В трех западносибирских полках несли службу 1824 казака, в четырех восточносибирских – 2288 чел. В общей сложности на штат Сибирского Татарского казачьего полка выделялось в

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.733. Оп.83. Д.279. Л.1, 5.

² Как атаманы и других полков.

³ Приравнивались к 14-му классу.

год 1716 четвертей муки, 160 четвертей 7 четвериков круп. 640 лошадям⁴ в год было определено 1536 руб. на покупку сена, 640 четвертей овса, еще 6520 руб. на остальные траты, видимо, эта сумма предназначалась и для приобретения обмундирования, вооружения казаков. Переход в состав полка станичному казаку не запрещался. Всем городовым сибирским казакам мужского пола полагалось по 15 дес. земли. В первой половине XIX в. городовые казаки по сути своей относились к рядовым сотрудникам полиции и резерву ее системы управления. Данное обстоятельство способствовало существенному уменьшению расходов на содержание полицейских и административных органов [5, с.95–96; 8].

Служба мурз Кульмаметьевых в составе Сибирского Татарского казачьего полка (1822–1849 гг.). Полнота всей власти, ее наследственный характер, а также незыблемый авторитет рода мурз Кульмаметьевых перед властями Сибири способствовал превышению некоторыми из них своих полномочий и злоупотреблению высоким положением при несении иррегулярной службы.

В 1829 г. доверитель от общества малолеток 5-й сотни Сибирского Татарского казачьего полка Сафар Булатов подал жалобу на действия сотника Шафея Кульмаметьева. Из дела видно, что Шафей Кульмаметьев (1774 г.р.) обвинялся в притеснении малолеток той же 5-й сотни, Аптула Умерова и Аптула Менлибаева, изъятии у казаков выбоек (хлопчатобумажная или льняная ткань. – Р.А.). Его также обвиняли в не уравнительной отправке 68 казаков на службу в города Тюмень, Ялуторовск и Курган при полицейской управе и земских судах, при Успенском, Петровском и Боровлянском винокуренных заводах, а также на этапах по Тобольскому и Тарскому трактам. Шафей Кульмаметьев делал назначения в эти города из числа семейных казаков, по этой причине оставленные ими семейства «претерпевали разорение», а пахотные земли, сенокосы и рыбные ловли оказались заброшенными. Раскрывается и факт содержания Шафеем Кульмаметьевым при себе пяти денщиков, которых он, оставляя без службы, отправлял домой. Из мнения Государственного Совета 27 ноября 1829 г. по решению данного дела видно, что Шафея Кульмаметьева требовали лишить чинов и дворянства и, основываясь на решении Сената, сослать на поселение, правда, оговаривалось, что «повергая впрочем участь его Монаршему милосердию». Не исключено, что в итоге он был помилован⁵. По состоянию на 1830 г. Шафей Кульмаметьев лишен своего чина, но нет сведений о том, что он находился сосланным за пределы территории Сибирского Татарского казачьего полка⁶.

⁴ На ковку лошадей казакам и офицерам на каждую лошадь выделяли по 1 руб. в год [7].

⁵ РГИА. Ф.1151. Оп.1. Д.226. Л.1–2, 11–12.

⁶ РГИА. Ф.1264. Оп.1. Д.368. Л.27 об.

Необходимо остановиться на личности Рахматуллы Сабанакоева сына Кульмаметьева. Забегая вперед, отметим, что он являлся первым атаманом Сибирского Татарского казачьего полка, но многочисленные доносы на него со стороны татар-казачков привели к аресту и передаче должности атамана другому лицу. По данным на 1807 г. у Рахматуллы Кульмаметьева было четверо детей: два сына – десятилетний Авазбаки (Авазбакей) и двухлетний Ниматулла, две дочери – шестнадцатилетняя Мамастан и пятилетняя Шаим [2, с.22].

Кроме этого, есть сведения о том, что в 1825–1827 гг. тобольские татары-казаки со своим поверенным Ниясом Тохтасыновым пытались свергнуть Рахматуллу Сабанакоева сына Кульмаметьева с должности атамана. Эти татары хотели создать станицу и перевестись в статус станичных казаков по примеру казаков Томской команды, одновременно жаловались на Рахматуллу Кульмаметьева, утверждая, что «они претерпевают различные притеснения удерживанием у них фуража и прочих довольствий». Кульмаметьев в переписке отмечал, что их желание основано на стремлении избавиться от службы, так как «они привыкли заниматься извозом кладей и мелочною торговлею». В итоге татарам-казачкам было отказано в их просьбе, а Рахматулла Кульмаметьев ограничился лишь замечанием со стороны властей [2, с.22].

Претензии татар-казачков на действия Рахматуллы Кульмаметьева в период занимания им должности атамана полка не ограничились вышеприведенными случаями. Так, содержание одного из дел, обнаруженных в Российском государственном историческом архиве (РГИА), подробно знакомит с деятельностью полкового атамана Сибирского Татарского казачьего полка. В частности, Рахматулла Сабанакоев сын Кульмаметьев обвинялся в 1824 г. в удержании жалования и провианта, предназначенного казачкам. Маметкалы Курбанов так хотел замены атамана полка, что привел в своем прошении ложную информацию о происхождении рода Кульмаметьевых, утверждая, что они происходят из бухарских выходцев и из дворовых людей, и предлагал на должность атамана назначить представителя из рода хана Кучума – урядника того же полка Исмаила Умерова. Пользуясь своим служебным положением, Рахматулла Кульмаметьев в течение пяти лет (1824–1828 гг.) не командировал казаков 1-й сотни в отдаленную службу. Более того, некоторые казаки и урядники находились на отдаленной службе вместо одного года по четыре и даже по шесть-семь лет⁷.

Как известно, согласно Уставу о сибирских городовых казаках 1822 г., в дальние командировки казаки должны были направляться целой сотней, на деле же они комплектовались из состава 2-й, 3-й и 4-й сотен, что противоречило правилам, прописанным в Уставе. Имели место и случаи, когда отдельные казаки практически были освобождены от несения службы атаманов полка, как, например, Суюкбака (Суюкбакай) Кульмаметьев, который

⁷ РГИА. Ф.1264. Оп.1. Д.368. Л.4 об.–6.

с 1824 г. по осень 1828 г. вообще «не употреблялся в службу», а промышлял все это время торговлей, получая от атамана увольнительные билеты. Отдельно следует сказать о несвоевременной выдаче жалования казакам Рахматуллой Кульмаметьевым. За грубое требование выдачи жалования он наказал палками Нурмамета Муратова. Отсроченное зачисление атаманом в комплект полка достигших 16-летнего возраста казаков и даже лиц старшего возраста способствовало несправедливой ротации и нахождению на службе отдельных лиц дольше определенного по правилам срока. До назначения преемника Рахматуллы Кульмаметьева на должности полкового атамана его обязанности были возложены на командира 3-й сотни – сотника Мустафу Сабанакоева сына Кульмаметьева, который приходился Рахматулле родным братом. Атаману Тобольского городского казачьего полка Яркову было приказано «иметь над Мустафою строжайший надзор» до назначения другого способного атамана⁸.

Кроме Рахматуллы Кульмаметьева, в деле в качестве обвиняемых фигурируют и другие представители рода Кульмаметьевых из офицерского состава полка. К примеру, Хоцамшугур Кульмаметьев в 1826 г. обвинялся во внеочередном наряде на дальнюю службу казака Утяша Разиева и невыдаче Уразмету Кульмаметьеву жалования за май 1825 г. в размере 4 руб. Итак, данный пример показывает, что в редких случаях казаки из числа Кульмаметьевых были представлены и в качестве потерпевшей стороны от своих же родственников. К сожалению, неясно, кто возглавил Сибирский татарский казачий полк после Рахматуллы Кульмаметьева. Известно, что власти рассматривали на эту должность казаков из числа оренбургских магометанских казачьих офицеров, но из-за немалого расстояния до Тобольска, видимо, отказались от этой идеи. Согласно 77 параграфу Устава о сибирских городских казаках 1822 г., только мусульманин имел право быть полковым атаманом Сибирского Татарского казачьего полка⁹. В результате Сибирский комитет в ноябре 1830 г. докладывал в Министерство внутренних дел, что препровождает выписку из журналов от 29 октября и ноября месяца 1830 г. об избрании в атаманы Сибирского Татарского полка офицера из Омского линейного казачьего войска¹⁰.

Особенности службы мурз Кульмаметьевых в составе Сибирского Татарского казачьего полка более подробно можно выяснить из формулярных списков чиновников данного полка.

С середины XVIII в. формулярные списки являлись формой учета всех служащих империи. Довольно часто это были единственные источники, несущие информацию и раскрывающие биографию конкретного человека. Структура формуляров зависела от цели их составления, что способствовало большому разнообразию этих документов [9, с.36].

⁸ РГИА. Ф.1264. Оп.1. Д.368. Л.7–7 об., 10 об., 18 об.

⁹ Весь состав полка должен был состоять из мусульман [7].

¹⁰ РГИА. Ф.1264. Оп.1. Д.368. Л.22, 38 об.–39, 44 об.–46.

Систематическое ведение и отсылка формуляров берет свое начало в 1764 г. [4, с.85], когда Сенатским указом от 31 января провозглашалось «...всем присутственным местам присылать в Сенат кто какими чинами происходил и добропорядочно ли поступал, не был ли в штрафах...». В указе содержалась форма-анкета из 9 пунктов, которые, по мнению властей, должны были максимально точно характеризовать конкретного чиновника, проследить основные этапы его карьеры и продвижения по карьерной лестнице, участие в военных кампаниях, штрафы (при наличии), рекомендации о возможном повышении и дальнейшем росте по службе. Подобного рода структура просуществовала практически без изменений до указа от 13 сентября 1828 г., в приложении которого давался образец расширенного формуляра уже не из 9, а из 15 пунктов, что говорит о значительном усложнении данного вида документа. Власти пытались таким образом охватить как можно больше сторон карьерного и жизненного пути чиновника. В 1835 г. в формуляре требовалось указать дополнительную информацию, связанную с вероисповеданием чиновника, его жены и детей. При этом сведения о вероисповедании самого служащего включали в 1-й пункт (вместе с именем, чином и должностью), а членов его семьи – в последний, 15-й, пункт [3, с.260].

Следует сказать, что формуляры разных категорий населения отличались друг от друга. К примеру, в начале XIX в. формулярные списки рекрутов и рядовых солдат имели больше граф, чем формулярные списки унтер-офицеров, офицеров и генералов. Это было связано с тем, что в них заносились «словесные портреты солдат»: рост в аршинах и вершках, цвет лица (белое, смуглое, рябое), цвет глаз (карие, серые и т.д.), цвет волос (черные, русые, светло-русые и т.д.), размер или форма носа (средний, курносый), особые приметы (нехватка зубов, шрамы) [16, с.39].

В фонде №1349 «Формулярные списки чинов гражданского ведомства» РГИА нами были обнаружены формулярные списки чиновников Сибирского Татарского казачьего полка. Дело, которое отражает службу мурз Кульмаметьевых по состоянию на 1844 г.¹¹, является не совсем полным, в нем имеются данные только о трех казаках. Куда более важным и полным по содержанию является второе дело за 1845 г.¹² В общей сложности в них имеются формулярные списки о службе 10 чиновников Сибирского Татарского казачьего полка, из которых 9 чел. являлись представителями рода мурз Кульмаметьевых. Единственный, кто был не из рода Кульмаметьевых – зауряд-хорунжий Ремезан Абдуллин (1801 г.р.) Он командовал 4-й сотней Сибирского Татарского казачьего полка. 1 января 1824 г. Р.Абдуллин поступил на службу в Сибирский Татарский казачий полк из Тюменской Татарской казачьей команды, в 1827 г. был удостоен

¹¹ РГИА. Ф.1349. Оп.4. Д.703. Л.149–156.

¹² РГИА. Ф.1349. Оп.4. Д.683.

звания урядника, в 1832 г. – пятидесятника, а в 1836 г., в возрасте 35 лет, стал зауряд-хорунжим¹³.

В исследуемых нами списках каждый формуляр включал в себя следующие 15 пунктов (граф):

1. Чин, имя, фамилия, должность им отправляемая, сколько от роду лет и какого вероисповедания.

2. Из какого звания происходит.

3. Есть ли имение: у него самого и у родителей. Родовое.

4. Есть ли имение: у него самого и у родителей. Благоприобретенное.

5. Есть ли имение: у жены, буде женат. Родовое.

6. Есть ли имение: у жены, буде женат. Благоприобретенное.

7. Когда в службу вступил, и в оной какими чинами, в каких должностях и где происходил, также не было ли каких отличных по службе деяний, и не был ли особенно, кроме чинов, чем награжден, и в какое время.

8. Годы.

9. Месяцы и числа.

10. В походах против неприятеля и в самих сражениях был или нет, и когда именно.

11. Не был ли в штрафах и под судом; и если был, то за что именно, когда и чем дело кончено.

12. К повышению статской службы способен, и к повышению чина достоин или нет и за чем.

13. Не был ли в отпусках, и если был, то, когда именно и на сколько времени, и являлся ли на срок к должности.

14. Не был ли в отставке с награждением чина или без того, и когда.

15. Женат ли, имеет ли детей, кого именно, каких лет, где они находятся и какого вероисповедания.

У сибирских татар и бухарцев наблюдалась повсеместная традиция называть детей именами дедов и прадедов. Мальчикам, например, давали имена уже умерших сыновей [2, с.26; 14, с.451]. Так и для рода мурз Кульмаметьевых было характерно называть своих детей определенными именами. В формулярах это отчетливо прослеживается. К примеру, Амир Хоцамшугуров сын Кульмаметьев 4-й, Ниматулла Рахматуллов сын Кульмаметьев 7-й, Давледша Ильясов сын Кульмаметьев 8-й, Якуб Ташмамедов сын Кульмаметьев 9-й. В XVIII в. крайне распространенными для них были имена Сабанак, Авазбакей, Хоцамшугур.

Поселенческая структура западносибирских городовых казаков не имела постоянства, в отличие от линейных казаков. Городовые казаки проживали небольшими командами в городах и крестьянских селах. Места их проживания были разбросаны по огромной территории. Немалый объем обязанностей, бессменный характер службы не позволяли в полной мере организовать ее на рациональной основе. Известно, что Кульмаметьевы проживали в

¹³ РГИА. Ф.1349. Оп.4. Д.683. Л.21–22.

деревне Носовской, а также в г.Тобольске [1, с.71; 2, с.20; 13, с.64, 107]. К сожалению, приведенная в формулярах информация не всегда позволяет установить место проживания офицеров из среды Кульмаметьевых.

Как уже было сказано, атаман и командиры сотен Сибирского Татарского казачьего полка верстали своих родственников на службу, не руководствуясь пунктами из положения Устава о городских сибирских казаках 1822 г. В частности, в порядке их вступления на службу нет единообразия. К примеру, Магомедша Ильясов сын Кульмаметьев 6-й поступил на службу в 1824 г. в чине пятидесятника (как и положено офицерским детям полка) в возрасте 17 лет, Давледша Ильясов сын Кульмаметьев 8-й – в 19 лет, Магомедмин Мусин сын Кульмаметьев 5-й – в 20 лет, Ташмамед Якубов сын Кульмаметьев 3-й¹⁴ – в 19 лет. Единственный, кто поступил на службу в указанном в Уставе 16-летнем возрасте, являлся Якуб Ташмамедов сын Кульмаметьев, а произошло это в 1838 г. Если обратиться к более раннему периоду, к концу XVIII в., то упомянутый нами Шафей Кульмаметьев (1774 г.р.) в 1791 г. в 17-летнем возрасте поступил на службу сотником в Тобольскую «из магометан» казачью команду¹⁵.

Наибольших служебных высот добились следующие представители мурз Кульмаметьевых. Таштемир Мусин сын Кульмаметьев (1801 г.р.) 31 декабря 1833 г. за должное исполнение обязанностей переводчика при местном земском суде был удостоен чина 10-го класса. За предписанием исполняющего должность Тобольского гражданского губернатора 22 июня 1835 г. ему была объявлена благодарность. Также до 10-го класса дослужился Мустафа Сабанакоев сын Кульмаметьев¹⁶.

Как известно, по Уставу о городских сибирских казаках 1822 г. полковой атаман считался чиновником 9-го класса, сотники состояли в 12-м классе, хорунжие – в 14-м классе. На примере мурз Кульмаметьевых мы видим, что 1-ю сотню возглавлял Ташмамед Якубов сын Кульмаметьев (сотник 12-го класса), 2-ю сотню – Магомедша Ильясов сын Кульмаметьев, 3-ю сотню – Магомедмин Мусин сын Кульмаметьев (хорунжий 14-го класса), 4-й сотней руководил Ремезан Абдуллин (не из рода Кульмаметьевых), и, наконец, во главе 5-й стоял Якуб Ташмамедов сын Кульмаметьев¹⁷.

Анализ формуляров дает возможность проследить откуда именно, когда и из каких военных формирований были переведены казаки-Кульмаметьевы в Сибирский Татарский казачий полк. Так, выясняется, что Амир Хоцамшугуров сын Кульмаметьев с 1806 г. до причисления его к полку находился в Тобольской казачьей команде, являясь ее атаманом, туда он был переведен из Измайловского Лейб-гвардии полка, где дослу-

¹⁴ Приходился двоюродным братом Рахматулле Сабанакоеву сыну Кульмаметьеву (бывшему атаману Сибирского Татарского казачьего полка) [2, с.24].

¹⁵ РГИА. Ф.1151. Оп.1. Д.226. Л.3; Ф.1349. Оп.4. Д.683. Л.1–24.

¹⁶ РГИА. Ф.1349. Оп.4. Д.683. Л.1–24;

¹⁷ Там же. Л.7–10, 13–14, 17–18, 21–24.

жился до фурыера. У четырех казаков первым местом службы был Сибирский Татарский казачий полк, еще четверо были переведены из Тобольской казачьей команды «из магометан»¹⁸.

Надо отметить, что только в двух случаях мы имеем дело с лицами, которые были под судом. В их формуляре 8-й пункт заполнен. Речь идет о сотнике Мустафе Сабанакове сыне Кульмаметьеве (1776 г.р.), который по состоявшемуся 17 ноября 1838 г. решению Тобольского губернского суда был арестован на 14 дней по вышеупомянутому делу бывшего атамана Сибирского Татарского казачьего полка Рахматуллы Сабанакова сына Кульмаметьева¹⁹.

В 1845 г. Таштемир Мусин сын Кульмаметьев не аттестовался к повышению чина по причине суда над ним из-за нанесения купцу Гутману обид и буйственных поступков в отношении него. Нельзя не упомянуть и Давледшу Ильясова сына Кульмаметьева (1805 г.р.), который за неприличное поведение и до окончания суда над ним не аттестовался к повышению чина, но в то же время 8-й пункт в его формуляре чист²⁰.

Самым молодым чиновником являлся командир 5-й сотни 23-летний зауряд-хорунжий Якуб Ташмамедев сын Кульмаметьев, а самым возрастным – 69-летний сотник Мустафа Сабанаков сын Кульмаметьев. Средний возраст чиновников из рода Кульмаметьевых – 46,4 года. У девяти представителей рода насчитывалось в общей сложности 20 детей. Интересны родственные связи между данными персонами. Так, видимо, родными братьями являлись хорунжий 14-го класса Магомедмин Мусин сын Кульмаметьев (1804 г.р.) и сотник 12-го класса Таштемир Мусин сын Кульмаметьев (1800 г.р.), как и зауряд-хорунжий Давледша Ильясов сын Кульмаметьев (1805 г.р.) и хорунжий 14-го класса Магомедша Ильясов сын Кульмаметьев (1806 г.р.). Сыном сотника 12-го класса Ташмамеда Якубова сына Кульмаметьева (1787 г.р.), судя по всему, являлся зауряд-хорунжий Якуб Ташмамедев сын Кульмаметьев (1822 г.р.)²¹.

Исходя из представленной информации, можно говорить о клановой корпорации мурз Кульмаметьевых в офицерском составе Сибирского Татарского казачьего полка. В остальных случаях казаки приходились друг другу двоюродными или троюродными братьями.

Интересны случаи полигамии в среде мурз Кульмаметьевых. Опираясь на данные формулярных списков, мы можем говорить о двух случаях полигамных семей. На примере Магомедмина Мусина, который был женат на Амине Ниязовой (дочери ясачного татарина) и на Зауре Хоцамшугуровой (дочери обер-офицерской, очевидно, это была дочь Хоцамшугура Кульмаметьева), которая, видимо, приходилась Магомедмину троюрод-

¹⁸ РГИА. Ф.1349. Оп.4. Д.683. Л.1–24.

¹⁹ Там же. Л.1–2.

²⁰ Там же. Л.3–5, 19–20.

²¹ Там же. Л.1–24.

ной или более дальней сестрой, принадлежность их к одному роду в данном случае не подвергается сомнению). Также две жены усматриваются у Давледши Ильясова сына Кульмаметьева²². К сожалению, источник не предоставляет данных об их происхождении и возрасте. Очевидно, что не все формуляры заполнялись единообразно, некоторая информация, которая должна была указываться, оставалась не заполненной.

Кстати, возраст жен в формулярах не указан, чего нельзя сказать о детях, сведения о возрасте которых в рассматриваемых формулярах представлены повсеместно.

Также нами зафиксированы два случая, когда, возможно, жен брали из своего же рода. Так, женой хорунжего 14-го класса Магомедши Ильясова сына Кульмаметьева (1807 г.р.) была Шербин Мусина, обер-офицерская дочь. Мы считаем, что она являлась дочерью Мусы Кульмаметьева и сестрой Таштемира Мусина сына Кульмаметьева. Мустафа Сабанакоев сын Кульмаметьев, вероятнее всего, также был женат на одной из дочерей Мусы Кульмаметьева – Слурижь Мусиной. Женой Ташмамеда Якубова сына Кульмаметьева являлась Марьям Исаева, в источнике указано, что она обер-офицерская дочь. Сын атамана Сибирского Татарского казачьего полка Рахматуллы Сабанакоева сына Кульмаметьева – Ниматулла Рахматуллов сын Кульмаметьев был женат вторым браком на дочери ахуна Фатиме Абдушлямовой (Абдусалямовой)²³.

Исследуемые формулярные списки не содержат информацию об участии представителей этого рода в каких-либо военных походах 1820–1840-х гг., в том числе и в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг.²⁴

В 1849 г. подлежали расформированию Тобольский и Сибирский Татарский конные полки. Из их состава образовали две воинские части: Тобольский пеший казачий батальон и Тобольский конный казачий полк с полным военным устройством с передачей в управление Военного министерства [6, с.24].

Положение от 5 марта 1861 г. свидетельствовало о переводе березовских, тобольских, томских и сургутских городских казаков с линейными и степными казаками в единое войско с общим войсковым атаманом. Строевой состав войска доводился с 10-ти до 12-ти полков шестисотенного состава, одной конно-артиллерийской бригады, 30-ти казаков лейб-гвардии конно-гренадерского полка и команды войсковых мастеровых, 3-х пеших казачьих полубатальонов со стрелковыми полуротами. Таким образом, сибирские казаки были приравнены по сроку службы к казакам других войск, и вместо 25-летней полевой службы они стали служить 15 лет с периодическими льготами от службы на два-три года. Службу они несли на своих лошадях, с собственным снаряжением и обмундированием [10, с.82–83].

²² РГИА. Ф.1349. Оп.4. Д.683. Л.13–14, 19–20.

²³ РГИА. Ф.1349. Оп.4. Д.683. Л.1–24; Ф.1349. Оп.4. Д.703. Л.149–150.

²⁴ РГИА. Ф.1349. Оп.4. Д.683. Л.1–24.

Подытоживая, следует сказать, что служба мурз Кульмаметьевых в составе Сибирского Татарского казачьего полка характеризуется довольно неоднозначно. С одной стороны, они занимали самые высокие должности на протяжении исследуемого периода и являлись социальной элитой Тобольской казачьей татарской команды и Сибирского Татарского казачьего полка, с другой стороны, архивные материалы свидетельствуют о значительных нарушениях ими порядка исполнения возложенных на них обязанностей руководящего звена иррегулярных формирований местных татар. Анализируя анкеты формулярных списков мурз Кульмаметьевых за 1844–1845 гг., можно нарисовать портрет татарского чиновника Западной Сибири времен правления Николая I. Для портрета офицеров-Кульмаметьевых было характерно следующее: средний возраст чиновника составлял 40–45 лет, он был женат, в редких случаях наблюдалась полигамия, имел двух-четырёх детей, для них не было привычным участие в военных походах Российской империи, тем не менее, большинство из них, лишь за редким исключением, рекомендовались к аттестации и заслуживали повышения в чине. Некоторые офицеры из рода Кульмаметьевых начинали службу в Измайловском Лейб-гвардии полку, а также были удостоены благодарности губернатора Тобольской губернии за должное исполнение обязанностей переводчика при земском суде. Для командиров сотен и атамана был в порядке вещей контроль всех аспектов управления казаками, отмечена и пристрастность в отношении близких родственников в вопросах несения ими службы и выполнения возложенных на них обязанностей. В целом, мурзы Кульмаметьевы, неся иррегулярную службу еще с XVII в., оставили большой след в истории Западной Сибири. Представители этого рода задавали тон в общине сибирских татар и после включения их в 1861 г. в Сибирское казачье войско.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андреев С.М.* Сибирское казачье войско как социально-территориальная система: организация и основные этапы развития (1808–1917 гг.): дис. ... докт. ист. наук. Омск, 2009. 489 с.
2. *Бакиева Г.Т.* «Быть в Тобольске в татарских головах...» (из истории рода служилых татар Кульмаметьевых) // Сибирские исторические исследования. 2015. №4. С.10–29.
3. *Вакилев Т.Р.* Формулярные списки чиновников в эпоху Николая I и их значение в механизме государственного управления // Теория и практика общественного развития. 2014. №2. С.258–261.
4. *Евтехов Р.А.* Формулярные списки как источник по изучению социального портрета городничих первой половины XIX в. (на примере г.Верхнеудинска Забайкальской области) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2020. Т.34. С.83–90.
5. *Коновалов И.А.* Правовая регламентация сословного положения городских казаков в «Уставе о сибирских городских казаках» 1822 г. (к 250-летию со

дня рождения М.М. Сперанского) // Вестник Томского государственного университета. 2022. №478. С.93–98.

6. Коновалов И.А. Служба сибирских казаков по охране правопорядка в до-революционный период // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. №1 (38). С.19–26.

7. Полное собрание законов Российской империи. (ПСЗ РИ-1). Т.XXXVIII. №29131.

8. ПСЗ РИ-1. Т.XLIII. Книга штатов: Часть 2: Штаты военно-сухопутные (1801–1825). К №29131.

9. Радимушкина А.В. Формулярные списки как источник по истории генералитета и офицерского корпуса в войске Донском в XVIII – первой половине XIX века // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. №5. С.36–39.

10. Сапрыгин Ф.Ф. Становление и развитие Сибирского казачьего войска 1808–1917 гг. Исторический очерк // Постсоветский материк. 2020. №4(28). С.72–94.

11. Толочко А.П., Коновалов И.А. Становление государственной регламентации станичного управления у казаков Северного Казахстана и Западной Сибири в XVIII–первой половине XIX в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2021. Т.8. №3 (31). С.7–12.

12. Тычинских З.А. Институт татарских голов в Западной Сибири в XVII–XIX веках: формирование и эволюция // Научный диалог. 2020. №12. С.349–361. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-12-349-361>

13. Тычинских З.А. Мурзы Кульмаметьевы. Кн.1: Власть и могущество (XVII–XVIII вв.): монография / З.А. Тычинских; Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук [и др.]. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. 208 с.

14. Тычинских З.А., Самигулов Г.Х. Сведения о сибирских мурзах Кульмаметевых в свете поколенной росписи конца XVIII века // Научный диалог. 2019. №11. С.444–456.

15. Тычинских З.А. Социальная структура сибирско-татарского населения в конце XVI – начале XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2012. Вып.4. С.144–148.

16. Целорунго Д.Г. Офицеры и солдаты российской армии эпохи Отечественной войны 1812 года: Социальные портреты и служба. Бородино: [б.и.], 2017. 280 с.

Информация об авторе:

Аминов Рустем Равилович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0009-6052-4184; e-mail: rustem_270988@mail.ru

Поступила 02.10.2024

Принята к публикации 05.11.2024

Murzas Kulmametyevs as part of the Siberian Tatar Cossack Regiment (1822–1849)

R.R. Aminov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

This article analyzes the service of the murzas Kulmametyevs in the Siberian Tatar Cossack Regiment in 1822–1849. The social status of the Cossack officer corps is examined based on the Charter on Siberian City Cossacks of 1822. The author introduces into scientific circulation information from the formulary lists of officials of the Siberian Tatar Cossack Regiment for 1844 and 1845, which allows us to create a portrait of the average officer from among the Tatar Cossacks of Western Siberia. The study revealed that some representatives of the murzas Kulmametyevs clan abused their high position in the regiment and were put on trial in the 1825–1830s. As a result of administrative reforms, Tatar City Cossacks in 1861 became part of the Siberian Cossack Army, which contributed to changes in some aspects of their service and socio-legal status.

Keywords: Murzas Kulmametyevs, Siberian Tatar Cossack Regiment, ataman, City Cossacks, formulary lists

For citation: Aminov R.R. Murzas Kulmametyevs as part of the Siberian Tatar Cossack Regiment (1822–1849). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.4, pp.91–106. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.91-106> (In Russian)

REFERENCES

1. Andreev S.M. *Siberian Cossack Army as a socio-territorial system: organization and main stages of development (1808–1917)*: Dissertation for the Doctor of Historical Sciences degree. Omsk, 2009. 489 p. (In Russian)
2. Bakiyeva G.T. "To be in Tobolsk in Tatar Heads..." (from the history of Service Tatars family of Kulmametyevs). *Siberian historical research*. 2015, no.4, pp.10–29. (In Russian)
3. Vakilev T.R. Formulary lists of officials in the era of Nicholas I and their importance in the mechanism of public administration. *Theory and practice of social development*. 2014, no.2, pp.258–261. (In Russian)
4. Evtekhov R.A. Formulary lists as a source for studying the social portrait of the governors in the first half of the 19th century (on the example of the city of Verkhneudinsk, Transbaikal region). *News of Irkutsk State University. History series*. 2020, vol.34, pp.83–90. (In Russian)
5. Konovalov I.A. Legal regulation of the class status of City Cossacks in the "Charter on Siberian City Cossacks" of 1822 (on the 250th anniversary of the birth of M.M. Speransky). *Bulletin of Tomsk State University*. 2022, no.478, pp.93–98. (In Russian)

6. Konovalov I.A. Service of Siberian Cossacks for the protection of law and order in the pre-revolutionary period. *Bulletin of Omsk University. "Right" series*. 2014, no.1 (38), pp.19–26. (In Russian)

7. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1 (PSZ RI-1)*. Vol.38, no.29131. (In Russian)

8. *PSZ RI-1*. Vol.43, to no.29131. (In Russian)

9. Radimushkina A.V. Formulary lists as a source on the history of the generals and officer corps in the Don Army in the 18th – first half of the 19th century. *News of universities. North Caucasus region. Social sciences*. 2011, no.5, pp.36–39. (In Russian)

10. Saprygin F.F. Formation and development of the Siberian Cossack Army in 1808–1917. Historical essay. *Post-Soviet continent*. 2020, no.4(28), pp.72–94. (In Russian)

11. Tolochko A.P., Konovalov I.A. Formation of state regulation of stanitsa governance among Cossacks of Northern Kazakhstan and Western Siberia in the 18th – first half of the 19th century. *Bulletin of Omsk University. "Historical sciences" series*. 2021, vol.8, no.3(31), pp.7–12. (In Russian)

12. Tychinskikh Z.A. Institute of Tatar Heads in Western Siberia in 17th–19th centuries: formation and evolution. *Scientific dialogue*. 2020, no.12, pp.349–361. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-12-349-361> (In Russian)

13. Tychinskikh Z.A. *Murzas Kulmametyevs. Book 1. Authority and power (17th–18th centuries): monograph*. Tyumen: Tyumen State University Publ., 2024. 208 p. (In Russian)

14. Tychinskikh Z.A., Samigulov G.Kh. Information about Siberian murzas Kulmametyevs in the light of generational description of the late 18th century. *Scientific dialogue*. 2019, no.11, pp.444–456. (In Russian)

15. Tychinskikh Z.A. Social structure of the Siberian Tatar population in the late 16th – early 17th centuries. *Medieval Turkic-Tatar states*. 2012, no.4, pp.144–148. (In Russian)

16. Tselorungo D.G. *Officers and soldiers of the Russian Army during the Patriotic War of 1812: Social portraits and service*. Borodino, 2017. 280 p. (In Russian)

About the author:

Aminov Rustem Ravilevich – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0009-6052-4184; e-mail: rustem_270988@mail.ru

Received October 2, 2024

Accepted for publication November 5, 2024

УДК 94(470.41)

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-4.107-119

Татары-моряки в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг.

Ш.А. Насеров

Краевед-исследователь

Санкт-Петербург, Российская Федерация

170 лет назад, 17 октября 1854 г., началась 349-дневная оборона русскими войсками Севастополя в Крымской войне. Эту оборону называют также Первой обороной Севастополя, в отличие от обороны города в 1941–1942 гг. Крымская война началась в 1853 г. и на первоначальном этапе против Османской империи сопровождалась победами русских войск как на сухопутном театре военных действий, так и на Черном море. Однако после вступления в войну Франции, Великобритании и Сардинского королевства на стороне Турции положение Российской империи изменилось в худшую сторону – Россия проиграла важнейшие битвы на территории Крымского полуострова. Ограниченные военные действия велись также на Балтике, Белом море и Тихом океане. Татары Казанской губернии в основном рекрутировались на Балтийский флот, на Черноморский флот попадали единицы. Но из южных губерний, особенно Саратовской, где в некоторых уездах находились места компактного проживания татар, периодически производилась отправка рекрутов-татар на Черноморский флот. Татары-моряки принимали участие во всех сражениях Крымской войны – на суше и на море.

Ключевые слова: эпоха Николая I (1825–1855), военные моряки-татары, парусники, корабли, Османская империя, Синоп, Севастополь, Петропавловск-Камчатский, Архангельск

Для цитирования: Насеров Ш.А. Татары-моряки в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №4. С.107–119. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.107-119>

Российский Черноморский флот с начала Крымской войны успешно действовал на морских коммуникациях противника, блокировал турецкий флот в портах.

Синопское сражение (ноябрь 1853 г.). На начальном этапе войны Российская эскадра под командованием вице-адмирала П.С. Нахимова 18 (30) ноября в Синопском сражении полностью уничтожила турецкую эскадру.

Тридцатое ноября выдалось дождливым и ветреным. В 10 часов утра П.С. Нахимов дал сигнал кораблям приготовиться к бою и идти на Синопский рейд. После этого русская эскадра двумя колоннами, под всеми парусами двинулась на противника.

Флагманский корабль «Императрица Мария», возглавлявший атаку, был засыпан снарядами. В итоге большая часть рангоута и стоячего такелажа была перебита, однако корабль Нахимова безостановочно шел вперед, отвечая неприятелю громом своих пушек. Остановившись напротив турецкого флагмана «Ауни-Аллаха», русский линейный корабль в течение 30 минут в упор расстреливал противника, который, не выдержав напряжения боя, бежал к берегу. Тогда «Императрица Мария» перенесла удар своих орудий на 44-пушечный фрегат «Фазли-Аллах». Тот вскоре тоже загорелся и поспешил ретироваться с места битвы.

Тем временем головной корабль второй колонны «Париж» Ф.Н. Новосильского громил фрегат «Дамиад» и корвет «Гюлли-Сефид».

За первые тридцать минут боя были уничтожены четыре турецких фрегата и один корвет, которые составляли первую линию. После этого замолчала исковерканная снарядами с «Императрицы Марии» и «Парижа» батарея №5.

Корабли «Великий князь Константин» и «Чесма» тем временем били по фрегатам «Навек-Бахри» и «Насим-Зефер», а затем, покончив с ними, сосредоточились на корвете «Неджми-Фешан». Горящие обломки от взорвавшихся турецких кораблей накрыли батарею №4, уничтожив весь ее расчет. Такая же участь постигла батареи №3 и 6.

К 16 часам сражение завершилось полным разгромом турецкой эскадры. Потери османов составили только убитыми около 4000 человек.

Это сражение было, пожалуй, последним крупным мировым сражением парусных кораблей. Оно существенно подняло боевой дух российской армии после относительных неудач на сухопутных театрах и вселяло надежду на скорую победу в войне.

По результатам Синопского сражения государь Император собственноручным рескриптом от 3 декабря 1853 г. «Высочайше повелеть соизволил» раздать по 100 руб. серебром «нижним чинам тяжело раненым и более увечным в этом сражении». Сумма выделенных средств составила 5600 руб. серебром.

28 ноября 1853 г. «Высочайше повелено» из государственного казначейства выдать годовые оклады жалования всем чинам, участвовавшим в Синопском сражении. Сумма выплаты составила 88252 руб. 98 коп. С каждого корабля подали списки принимавших участие в сражении. Таким образом, удалось выяснить личности татар – участников Синопского сражения.

Из списка *«Офицерам и нижним чинам, бывшим в Синопском сражении в 1853 г.»*¹:

На линейном корабле «Императрица Мария» из 752 человек команды числились татары: боцманмат² Абдул Халитов (40-й экипаж, годовой ок-

¹ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф.283. Оп.3. Д.3257. Л.1.

² Боцманмат – в российском императорском флоте (РИФ) воинское звание боцманмат строевого состава (рулевые, сигнальщики и т.д.) соответствует званию

лад 10 руб. 28 коп., произведен в боцманы, награжден Знаком отличия Военного ордена Св. Георгия №94017), матросы 1-й статьи Мустафа Михеев, Абдул Гафур Амакиев, Алиакбер Резипов, Сафедин Имангулов, Исмаил Богданов (все из 40-го экипажа с годовым окладом 3 руб. 74 коп.).

На линейном корабле «Три святителя» из 939 человек команды значились татары: матросы 1-й статьи с годовым окладом 3 руб. 74 коп. Сабербин Яфаров, Сагит Лукамаев, Сафейдин Ибрагимов, Самсадин Габитов, Исмаил Сайгулов, Абдулхайр Юсупов.

На линейном корабле «Париж» из 1004 человек команды находились марсовый³ Абдул Сайдукин (награжден Знаком отличия Военного ордена Св. Георгия №93883), матросы 1-й статьи с годовым окладом 3 руб. 74 коп. Бахан Юмаев, Мизинтин Аблязов, Абдул Абузяров, Абрахман Хайбеков, Абдул Юсупов.

На линейном корабле «Великий князь Константин» из 989 человек команды числились матросы 1-й статьи с годовым окладом 3 руб. 74 коп.: Абдул Османов (награжден Знаком отличия Военного ордена Св. Георгия №93939), Абдул Валитов, Фазландин Абидулин, Мухамиджан Сафиев, Сабит Аптынаев.

На линейном корабле «Чесма» из 749 человек команды были указаны матросы 1-й статьи с годовым окладом 3 руб. 74 коп.: Алекбер Мегдаев, Шарафедин Раяшаев, Алкубер Муламаев, Абдул Хаиров, Самеудин Аптаев Юмаев.

На корабле «Ростислав» из 768 человек команды несли службу матросы 1-й статьи 31-го флотского экипажа с годовым окладом 3 руб. 74 коп.: Абрей Абисов, Хаким Абитов, Хамбик Ахмиров, Хаким Юсупов, Фахрудин Рахматулин, Арефул Салейманов.

На 60-пушечном фрегате «Кулевчи» из 447 человек выявлены два тартина – матросы 1-й статьи с годовым окладом 3 руб. 74 коп. Абсалим Тансоров и Рахим Рамазанов.

На 44-х пушечном фрегате «Кагул» из 377 человек команды обнаружены трое татар – матросы 1-й статьи с годовым окладом 3 руб. 74 коп. Суим Мумбет Оглу, Зайнадин Саикев и матрос 2-й статьи Зулкарнай Забиров.

На пароходно-фрегате «Крым» из 222 человек команды состояли на службе матросы 2-й статьи 33-го флотского экипажа Абдул Хабедулин и Мустафа Абириев.

В конечном счете Лондон и Париж использовали Синопское сражение как повод вступить в войну в марте 1854 г. на стороне Турции. Со-

старшина 1-й статьи в Военно-Морском Флоте Российской Федерации (ВМФ РФ) или званию сержант в Российской Армии (РА).

³ Марсовый – на парусных судах флота разряд матросов, которые во время управления парусами находятся на мачтах, по марсам, салингам; во время взятия рифов, постановки парусов и т.д. они расходятся по реям. Так как подобные занятия требуют особой ловкости, быстроты и сметливости, то в марсовые перечисляются лучшие из строевых матросов.

юзники высадили десант в Крыму, нанесли поражение русской армии в Альминском сражении и осадили Севастополь.

Оборона Севастополя. В событиях Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. главное место занимает героическая оборона Севастополя. В продолжение более чем 11 месяцев русские солдаты и моряки в борьбе с численно превосходящим противником отстаивали Севастополь, показав героизм, отвагу и мужество.

В сентябре 1854 г. англо-франко-турецкие войска начали сухопутную осаду Севастополя, а многочисленная союзническая эскадра блокировала Севастополь с моря. С целью предотвратить прорыв союзнической эскадры на внутренний рейд крепости командованием Русской армии и флота было принято решение о затоплении части кораблей Черноморского флота при входе в Севастопольскую бухту. После этого корабельные команды вошли в состав войск, обороняющих Севастополь, и проявили себя в высшей степени героически. В обороне Севастополя приняли участие около 20 тыс. моряков, многие из которых были участниками Синопского сражения, позже получили награды и за оборону Севастополя.

Противник подвергал Севастополь ожесточенному обстрелу, особенно сильный огонь велся 5 (17) октября 1854 г. На 3-м бастионе орудийная прислуга менялась трижды, но люди продолжали исполнять свой долг. Около 10-й батареи в этот день было собрано 2700 ядер и неразорвавшихся бомб, но она продолжала вести огонь. Русские артиллеристы, несмотря на ранения, не покидали поля боя. В этот день погибло много защитников Севастополя и среди них талантливый организатор и руководитель обороны города адмирал В.А. Корнилов. На месте, где он погиб, матросы сложили из ядер крест.

В результате многодневного ожесточенного обстрела 2-й и 3-й бастионы и укрепления Малахова кургана были разрушены. Потери русских составили 7561 человек убитыми, 89 орудий и 113 станков. С потерей Малахова кургана и 2-го бастиона линия обороны Севастополя оказалась прорванной как раз в том месте, от которого зависела ее прочность в целом. Взятие противником Малахова кургана, представлявшего ключевую позицию в системе обороны Севастополя, явилось поворотным моментом в ходе осады.

Командующий войсками в Крыму князь М.Д. Горчаков, ознакомившись с положением дел, решил отказаться от дальнейшей борьбы за город и приказал отвести войска на Северную сторону.

В обороне Севастополя принимали участие флотские экипажи (береговые части флота, из состава которых комплектовались команды кораблей).

Татары, защищавшие Севастополь в составе 29-го флотского экипажа:

– матросы 1-й статьи Мухамед Алипов, Сафарали Хайров, Сабит Хубиев, Хустадин Юлопов (приняты в рекруты в 1843 г. из государственных крестьян Хвалынского и Петровского уездов Саратовской губернии);

– матросы 2-й статьи Мухамед Исан Абдулов, Абдул Емангулов, Абдул Рахматулов, Мустафа Яхин (все служили в команде линейного корабля «Селафаил» и в боевых действиях до обороны Севастополя не участвовали), Атмарза Малубердыев (в числе 270 человек приказом по морскому ведомству от 12 ноября 1855 г. был переведен из 29-го флотского экипажа в пехоту);

– Невмятулла Бейбеков, 30 лет от роду, умер в Севастопольском морском госпитале 20 июня 1855 г.⁴

Татары, защищавшие Севастополь в составе 30-го флотского экипажа:

– боцманмат Вахрудин Абрешитов, был взят в рекруты 6 ноября 1831 г. из ясачных крестьян Казанской губернии, награжден Знаком отличия военного ордена Св. Георгия №105151 и Серебряной медалью на красной ленте за пребывание в 1833 г. в Босфоре; на левом рукаве три нашивки за беспорочную 20-летнюю службу, при обороне Севастополя был ранен в левую ногу;

– матрос 1-й статьи Суим-Даимов Оглу сын Муслибея Оглу (крымский татарин), 36 лет от роду, был принят в рекруты 21 ноября 1840 г. из д. Юзима Знеменской волости Таврической губернии, участвовал в составе команды фрегата «Кагул» в Синопском сражении, при обороне Севастополя находился на 2-м отделении оборонительной линии⁵;

– матросы 1-й статьи Абдулазиз Абубакеров, Абабекур Ахметов, Хабей Юмаев, Хайрудин Боурханов (приняты в рекруты в 1848 г. из государственных крестьян Саратовской губернии);

– матросы 2-й статьи Насретдин Исянов, Шамшутдин Аипов;

– Зайнетдин Симаев, умер от ран в Севастопольском госпитале 12 марта 1855 г.⁶

Татары, защищавшие Севастополь в составе 34-го флотского экипажа:

– матросы 1-й статьи Арахметулла Абдулов (от роду 52 года, награжден серебряными медалями за пребывание в 1833 г. на Босфоре и за 25-летнюю беспорочную службу), Айзетулла Ахметов (от роду 44 года, награжден серебряными медалями за Босфор в 1833 г. и на Анненской ленте с надписью «За усердие»), Абинеи Росланов, Мухамет Шубин, Хасан Хасаноров (все были приняты в рекруты в 1829 г. из татар Кузнецкого уезда Саратовской губернии);

– Гайса Мусин, от роду 50 лет, принят в рекруты в 1831 г. из мещан города Казани, с 1837 по 1850 г. находился в бегах, предстал перед судом, в связи с добровольной явкой был помилован;

– умерли от ран в Севастопольском морском госпитале: Фахредин Абраев – 31 июня 1855 г., Насыр Хасанов – 7 марта 1855 г.;

⁴ РГАВМФ. Ф.406. Оп.5. Д.799. Л.129 об.

⁵ Там же. Л.497 об.

⁶ Там же. Л.709 об.

– убиты при защите города Севастополя и исключены из списков: Мухамет Салихов – 30 января 1855 г., Абдул Фектулин – 11 марта 1855 г.⁷

Татары, защищавшие Севастополь в составе 35-го флотского экипажа (из личного состава этого экипажа формировалась команда линейного корабля «Париж», все нижеперечисленные лица участвовали в Синопском сражении):

– рекруты из татар Саратовской губернии: Абокелим Алеев (от роду 50 лет, имеет три нашивки за 20-летнюю беспорочную службу и серебряную медаль с надписью «За усердие»), Абдул Сандуков (от роду 37 лет, награжден Знаком отличия военного ордена Св. Георгия №93883), Баход Юмаев (от роду 38 лет, имеет одну нашивку за 10 лет беспорочной службы), Абубекер Ахметов (от роду 33 года);

– матрос 1-й статьи Асан Ахмеров, от роду 50 лет, принят в рекруты в 1831 г. из крестьян д. Бурузинской (Баргузино) Тетюшского уезда Казанской губернии, имеет две нашивки за 15-летнюю беспорочную службу;

– Абдул Абузаров, приказом от 15 ноября 1855 г. переведен в 33-й флотский экипаж;

– убиты при обороне Севастополя 26 мая 1855 г. Абидул Юсупов и Абубекир Агикулов⁸.

Татары, защищавшие Севастополь в составе 36-го флотского экипажа (из личного состава этого экипажа формировалась команда линейного корабля «Ростислав», участвовавшего в Синопском сражении):

– квартирмейстер⁹ Авес Алмакаев, принят в рекруты из д. Старый Атлаш Хвалынского уезда Саратовской губернии;

– матросы 1-й статьи: Хамбик Ахмиров (от роду 25 лет, рост 2 аршина 4 вершка, лицом чист, глаза серые, волосы русые, награжден Знаком отличия военного ордена №1127), Абрей Аббасов, Муфтахетдин Абдулов, Абдул Хаиров, Фахрутдин Рахматулин, Абдул Хасахов (все вышеперечисленные приняты в рекруты в 1848 г. из татар Хвалынского уезда Саратовской губернии), Батырша Бакмаев, Мухамет Рахимов (приняты в рекруты из татар Тамбовской губернии);

– убиты неприятелем при бомбардировке г. Севастополя: Шиахмет Хабиев – 12 апреля 1855 г., Фахрудин Сафаров – 2 августа 1855 г.¹⁰

Татары, защищавшие Севастополь в составе 37-го флотского экипажа:

– матрос 1-й статьи Курехмет Сайфулин, принят в рекруты в 1843 г. из мещан г. Николаева Саратовской губернии, ранен 11 марта 1855 г. на 4-м

⁷ РГАВМФ. Ф.406. Оп.5. Д.799. Л.803 об.

⁸ Там же. Л.1006 об.

⁹ Квартирмейстер – в РИФ воинское звание, соответствующее званию старшины 2-й статьи в ВМФ РФ или младший сержант в РА.

¹⁰ РГАВМФ. Ф.406. Оп.5. Д.799. Л.1309 об.

бастионе, ампутирована половина стопы правой ноги в Николаевском морском госпитале, представлен к награде¹¹;

– матросы 1-й статьи Середрих Хайбулов и Сабит Аптынаев, приняты в рекруты в 1848 г. из татар Петровского и Хвалынского уездов Саратовской губернии¹².

Татары, защищавшие Севастополь в составе 38-го флотского экипажа:

– боцман Рахматулла Салихов, от роду 45 лет, принят в рекруты в 1829 г. из татар д. Старая Кулатка Хвалынского уезда Саратовской губернии; с 1830 по 1850 г. участвовал в кампаниях на кораблях Черноморского флота, с 1850 по 1853 г. находился в бессрочном отпуске, в декабре 1853 г. призван на службу, с 1854 по 1855 г. – на защите Севастополя (грамоту знает, вдов, имеет дочь 9 лет, которая находится на родине; рост 2 аршина 5 вершков (164,5 см), лицом чист, глаза серые, волосы русые, нос посредственный; имеет нашивки за 20 лет беспорочной службы, Серебряную медаль за пребывание на Босфоре в 1833 г., серебряную медаль с надписью «За усердие»);

– принятые в 1829 г. рекруты из татар Саратовской губернии: Маматулла Бактимиров (Хвалынский уезд), Тимир Булат Юсупов (Петровский уезд, после бессрочного отпуска призван на службу в январе 1854 г.);

– принятые в 1831 г. рекруты из татар Петровского уезда Саратовской губернии: боцманмат Сайфуль Абдул Киримов, квартирмейстер Исмин Абдул Киримов;

– матросы 1-й статьи: Мухадес Хаметов (принят в рекруты в 1844 г. из государственных крестьян Хвалынского уезда Саратовской губернии), Мухамет Амин Амиров (принят в рекруты в 1848 г. из татар Хвалынского уезда Саратовской губернии), Абдульмен Салим Юферов (принят в рекруты в 1851 г. из татар Кузнецкого уезда Саратовской губернии);

– матросы 2-й статьи, принятые в рекруты в 1853 г. из государственных крестьян Хвалынского, Кузнецкого и Петровского уездов Саратовской губернии, участвовавшие в обороне Севастополя: Хуметдин Рафиков, Абдул Махмут Медим Киримов, Хайбедул Худабердин, Абдул Напиров, Мустафа Хамендин, Рахматулла Бекмурзин, Сайфалуб Букушев, Абсалим Салихов, Салтан Измайлов, Шаламед Кураев, Абдул Алимбеков, Сайбатал Суямов, Куснанген Сайбатов, Мухамет Ряхим Яхин, Мухамет Алим Абдразаков;

– умерли от ран в Севастопольском морском госпитале: Абдул Азиз Салихов – 4 мая 1855 г.; Бахаб Абдюшев – 5 июня 1854 г.; Мухамет Забаров – 15 марта 1855 г.; Мустафа Абдюшев – 24 декабря 1854 г.;

– умерли от ран в Николаевском морском госпитале: Сафедин Давыдов – 17 мая 1855 г.; Гайматдин Сайматанов – 21 мая 1855 г.;

– убиты на 3-м бастионе: Бакей Алюшев – 4 апреля 1855 г., Амит Чалитов – 6 октября 1854 г.¹³

¹¹ РГАВМФ. Ф.283. Оп.3. Д.5412. Л.5.

¹² РГАВМФ. Ф.406. Оп.5. Д.800. Л.107 об.

В обороне Севастополя также участвовал 44-й флотский экипаж, в котором в начале осады числилось 1277 человек, в августе 1855 г. – 753 человека.

Татары, защищавшие Севастополь в составе 44-го флотского экипажа:

- принятые в рекруты в 1843 г. из государственных крестьян Саратовской губернии барабанщик Сафетул Рахматулов, матрос 1-й статьи Морадин Алтонбаев и матрос 1-й статьи Амир Мустафин (все имели нашивки за 10 лет беспорочной службы);

- принятые в рекруты в 1848 г. из государственных крестьян Кузнецкого уезда Саратовской губернии матросы 1-й статьи Мухамет Рамазанов и Абдулхай Силиканов;

- принятые в рекруты в 1852 г. из государственных крестьян Хвалынского уезда Саратовской губернии матросы 2-й статьи Невматулла Тахтаров, Ахмет Абдулов, Абдул Абдрашитов, Сайфул Самимонов;

- принятый в рекруты в 1852 г. из государственных крестьян д. Эльниз ясачи Таврической губернии матрос 2-й статьи Барабай Амангулов (крымский татарин, в составе команды парохода «Херсонес» принимал участие в Синопском сражении);

- Абсалим Тансаров, умер от ран в Николаевском морском госпитале 21 июня 1855 г.¹⁴

В обороне Севастополя участвовал и 45-й флотский экипаж, в котором в начале осады числилось 1060 человек, в августе 1855 г. – 457 человек¹⁵.

Татары, защищавшие Севастополь в составе 45-го флотского экипажа:

- принятые в рекруты в 1828 г. квартирмейстер Фиктулла Идрисов (из мещан г. Чистополя Казанской губернии, с 1829 по 1848 г. находился в кампании на различных кораблях Черноморского флота, с 19 сентября 1854 г. по 28 августа 1855 г. в составе гарнизона Севастополя оборонялся от неприятеля, был награжден серебряной медалью «За турецкую войну» (1828–1829 гг.)), матрос 1-й статьи Габит Саитов (службу проходил на Черноморском флоте, с 19 сентября 1854 г. по 28 августа 1855 г. в составе гарнизона Севастополя оборонялся от неприятеля, был награжден серебряной медалью «За турецкую войну» (1828–1829 гг.)), матрос 1-й статьи Забир Сальманов (из татар Петровского уезда Саратовской губернии, службу проходил на Черноморском флоте, с 19 сентября 1854 г. по 28 августа 1855 г. в составе гарнизона Севастополя оборонялся от неприятеля. Награжден серебряной медалью за пребывание на Босфоре в 1833 г. и нашивками за 15 лет беспорочной службы)¹⁶.

¹³ РГАВМФ. Ф.406. Оп.5. Д.800. Л.485 об.

¹⁴ РГАВМФ. Ф.406. Оп.5. Д.802. Л.340 об.

¹⁵ РГАВМФ. Ф.256. Оп.1. Д.300. Л.4.

¹⁶ РГАВМФ. Ф.406. Оп.5. Д.802. Л.1068 об.

Вместе с флотскими экипажами в обороне Севастополя участвовали морские рабочие экипажи. Морской рабочий экипаж – военизированное формирование мастеровых в Адмиралтействах. Мастеровые находились на положении военноремесленников. Командир экипажа подчинялся начальнику Адмиралтейства и отвечал за обеспечение мастеровых довольствием, надзор за их поведением и точным исполнением всех обязанностей по прямой службе. Все военноремесленники были разбиты на 8 рот и считались нижними воинскими чинами. Во главе рот стоял командир, он же – мастер. Непосредственными начальниками мастеровых были унтер-офицеры.

В составе *10-го рабочего экипажа* участвовали в обороне Севастополя мастеровые Ематул Зибиров и Абдул Рахматулов, оба были награждены медалями¹⁷.

В обороне Севастополя принимало участие 1102 человека *17-го рабочего экипажа*. Среди них были мусульмане: строевой унтер-офицер Серажедин Башаров, мастеровые 1-го класса Сафетул Рахманкулов, Зелимхан Загитов, Хайбула Рахматулов, Хасьян Минасредин, Сабердин Усюков, казенный денщик Тафетул Ямбулатов. Все награждены медалями.

В составе *18-го рабочего экипажа* значились находившиеся в Севастополе с 13 сентября 1854 г. по 27 августа 1855 г. унтер-офицер Алей Хаметов, мастеровые 1-го класса Ахмет Атнагулов и Тафатул Ишмаматьев, мастеровой 2-го класса Бахтемир Шадаев, мастеровой 4-го класса Емантул Забиров. Все награждены медалями¹⁸.

В составе *19-го рабочего экипажа* находился мастеровой Абдул Шултафов – у него была ампутирована правая рука выше локтя, представлен к награде Знаком военного ордена (Георгиевскому кресту)¹⁹.

В ознаменование завершения Крымской войны (1853–1856) была учреждена государственная награда Российской империи – медаль «За защиту Севастополя». Эта награда считается первой российской медалью, выданной не за победу или взятие, а за оборону.

Кроме медали защитники Севастополя награждались деньгами. Так, исполняющий должность Севастопольского военного муллы Назмудин Хайбулин во время осады Севастополя оставался в городе и, несмотря на обстрелы и атаки неприятеля, с усердием исполнял духовные требы. За усердие во время осады рядовой 2-й половины 4-го ластового экипажа, исполняющий должность военного муллы Севастополя Назмудин Хайбулин вице-адмиралом А.И. Панфиловым был представлен к награде – годовому окладу содержания военного муллы – 135 руб. Ходатайство командующего обороной Севастополя было удовлетворено Высочайшим повелением от 27 июля 1856 г. за №14860²⁰.

¹⁷ РГАВМФ. Ф.256. Оп.22. Д.7062. Л.60.

¹⁸ РГАВМФ. Ф.256. Оп.22. Д.67. Л.9.

¹⁹ РГАВМФ. Ф.283. Оп.3. Д.5412. Л.32 об.

²⁰ РГАВМФ. Ф.283. Оп.3. Д.5479. Л.17.

Оборона Петропавловска-Камчатского. Крымская (Восточная) война велась на всех морских театрах военных действий. Докатилась она и до далекого Петропавловска-Камчатского. Англия давно присматривалась к Авачинской бухте и ждала удобного момента для захвата и создания там своей базы, как ранее было с Гибралтаром. Необходимо отметить, что Петропавловск был слабо подготовлен к обороне, в связи с большой удаленностью не хватало вооружения и боеприпасов. Однако, благодаря энергии и настойчивости губернатора В.С. Завойко, Петропавловск активно готовился к обороне. Большую помощь в обороне города оказал пришедший в порт во время кругосветного плавания фрегат «Аврора» под командованием капитан-лейтенанта И.Н. Изюльметьева. В команде фрегата «Аврора» числились татары: Абдул-Сатар Мазитов, Хайбулла Халитов, Мухамед Галей, Сайфулла Хасамсутдинов, Рахматулла Габидулин, Бикиней Миндубаев, Асон Ильяс, Хусаин Хусаинов, Мухамед Мухамедрахимов, Сатар Матуллапов, Халит Саитов, Идрис Абдрахманов, Абдул Апар-Ахтамов, Мазит Фаизов, Бикбов Тухтаров, Гайфула Ахмадулин. Всего 16 человек мусульман – 5 % из общего числа команды фрегата – 356 человек²¹.

Генеральный штурм города состоялся 5 сентября 1854 г. На этот раз эскадра союзников обрушила огонь на батареи №3 и №7, причем потери на третьей батарее у русских были очень большие из-за ее слабой защиты, вследствие чего она была названа «Смертельная». В помощь на батарею №3 из команды фрегата «Аврора» были назначены 1 кондуктор и 5 матросов под командованием лейтенанта Е.Г. Анкудинова и артиллерийского прапорщика Н.И. Можайского²². В художественной литературе этот эпизод обороны описывается следующим образом: «Но уж батарею сносило огненным смерчем. Столбом поднялась земля, камни. Упал мальчик, сын-нок солдата. Два орудия сбили, прислуга – казаки братаны и матросы валялись. Лег матрос Силаев. Кровь у кого на голове, у кого на рубахе. Один куда-то пополз. Другие стонали, корчились, один лежал мертвый ничком... – Вторая, Хабаров, вторая! – чуть не в ухо ему кричал Гаврилов. Англичане опять грохнули, опять хлестнули камни. Маркешка ложился на время и вскакивал, когда проносился каменный шквал. По батарее бьют два фрегата сразу. Все разбито. Пушки лежат на боку. Вдруг вбегают аврорцы. Впереди рослые белобрысы богатыри матросы Хайбула Халитов, Сайфула Хасамутдинов и Бинбах Тухтаеров. Это из казанских татар, где товары для Кяхты делают. С ними коротконогий белокурый Петр Минин, писарь Кувшинников тоже прибежал. Вот и Васька Егоров, что строил эту батарею. Этим отрядом командует прапорщик Николай Можайский, знакомый. Прямо под ядрами стали исправлять батарею. Матросы – здоровые крепыши, как медведи, сопят, не ругаются. Гаврилов тоже возится с ними. У него рука в крови. И вот уж один из матросов приладил пушку, приложился и бьет. И еще одна пушка наша исправна...» [1, с.862].

²¹ РГАВМФ. Ф.283. Оп.3. Д.5508. Л.39.

²² РГАВМФ. Ф.270. Оп.1–3. Д.7207. Л.223.

Однако, несмотря на помощь матросов «Авроры», батарею удержать не удалось. У захваченных батарей союзники высадили десант, общей численностью в 1000 человек, часть которого должна была подняться на Никольскую сопку, а другая – атаковать батарею №6 и после этого атаковать город с другой стороны. Но попытка занять батарею №6 провалилась из-за картечного огня русских артиллеристов, поэтому в итоге весь десант оказался на господствующей высоте – Никольской сопке.

С одной стороны, союзники лишились возможности атаковать с нескольких сторон, но, с другой – получили мощный кулак, да еще и на господствующей высоте – довольно хороший расклад для штурма города. Осознав важность момента, командующий обороной Петропавловска адмирал В.С. Завойко снял все возможные силы со своих позиций, включая батареи, и бросил на Никольскую сопку – вышло лишь порядка 350 человек, к тому же атаковать приходилось вверх по сопке. От команды фрегата «Аврора» под командованием мичмана Н.Фесуна в контратаку были назначены 1 унтер-офицер и 30 матросов²³. По итогам двухчасового боя десант противника потерпел полное поражение, потеряв, по разным данным, от 200 до 400 человек убитыми. Русские же в этой схватке, которая велась в том числе и врукопашную, потеряли 34 человека убитыми. После боя мичман Н.Фесун письменно доложил командиру фрегата «Аврора»: «...истрелявшие патроны добывали себе новые из рук неприятеля, раненые возвращались в дело, при чем некоторые оказали подвиги такого мужества, о которых нужным нахожу особенно представить Вашему Высокоблагородию: унтер-офицер Василий Васильев был постоянно впереди и с необыкновенным хладнокровием действовал штыком, матрос 1-й статьи Халит Саитов, отбиваясь от наскочившей на него толпы английских солдат, троих положил на месте. Матрос Бикней Миндубаев, будучи ранен пулею, продолжал сражаться...»²⁴.

За оборону Петропавловска по ходатайству губернатора В.С. Завойко были награждены Знаками отличия военного ордена (Георгиевскими крестами) 19 человек. Среди них татары:

– госпитальной роты младший унтер-офицер Невшетулла Абубекеров, был награжден знаком №102478 (за что награжден: «...унтер-офицер Абубакиров. Имел четыре раны, хотя и легких, но также из которых кровь лилась ручьями; я (В.С. Завойко. – *Ш.Н.*) его сам перевязывал, а он отправился снова в дело!» [2, с.203];

– матрос из команды фрегата «Аврора» Халит Саитов, был награжден знаком №102489.

Оборона Архангельска. При попытке захвата Архангельска в 1854 г. англичане произвели промеры глубин устья Северной Двины и выставили бакены для обозначения фарватера. Ночью 23 июня российские гребные суда под обстрелом с английских кораблей сняли все поставленные баке-

²³ РГАВМФ. Ф.270. Оп.1–3. Д.7207. Л.223.

²⁴ РГАВМФ. Ф.283. Оп.3–2. Д.5518. Л.48.

ны. После этого союзная эскадра покинула район острова Мудьюг. За успешное отражение нападения врага всем российским нижним чинам, участвовавшим в этих событиях, было выдано по рублю серебром на человека [3, с.123].

В составе гребной флотилии участвовал в этой операции матрос 1-й статьи Мулей Бураев. Он был принят в рекруты в 1848 г. из крестьян Старочелнинской волости Чистопольского уезда Казанской губернии, приведен в Кронштадт и определен в 21-й флотский экипаж, с 1850 по 1852 г. находился в морских кампаниях на корабле «Ретвизан», в 1852 г. переведен в Архангельск сухим путем, после участия в операции гребной флотилии распределен в береговую оборонительную линию, с 1856 г. служил в Ревельской портовой роте №19²⁵.

В целом война показала отсталость России по сравнению с государствами Европы, особенно в плане экономики (завершение промышленной революции, строительство железных дорог, использование пароходов). Эта война также выявила сильное сопротивление стран-лидеров Западной Европы (Франции и Великобритании) усилению роли России в Восточной Европе, в частности на Балканах. Проигранная война показала и самой России проблемы во внутренней политике.

После этого поражения начались реформы Александра II. Кроме того, в России долгое время назревало желание реванша, что и вылилось в очередную войну с Османской империей в 1877–1878 гг. Но это уже совсем другая история, а Крымская война 1853–1856 гг. была завершена, и Россия в ней потерпела поражение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Задорнов Н.П.* Собрание сочинений. Война за океан. М.: Вече, 2016. 602 с.

2. *Защитники Отечества: Героическая оборона Петропавловска-Камчатского в 1854 году: Сборник официальных документов, воспоминаний, статей и писем.* Петропавловск-Камчатский: Дальневосточное кн. изд-во, 1989. 270 с.

3. *Фруменков Г.Г.* Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI–XIX вв. Архангельск: Северо-Западное кн. изд-во, 1975. 184 с.

Информация об авторе:

Насеров Шамиль Абдурахманович – военный пенсионер, краевед-исследователь (Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: 0009-0003-8640-4603; e-mail: naserovsa@mail.ru

Поступила 18.09.2024

Принята к публикации 16.10.2024

²⁵ РГАВМФ. Ф.406. Оп.5. Д.818. Л.425 об.

Tatar sailors in the Crimean (Eastern) War of 1853–1856

Sh.A. Naserov

Local history researcher

Saint Petersburg, Russian Federation

170 years ago, on October 17, 1854, the 349-day defense of Sevastopol by Russian troops began in the Crimean War. This defense is also called the First Defense of Sevastopol, in contrast to the defense of the city in 1941–1942. The Crimean War began in 1853 and at the initial stage against the Ottoman Empire was accompanied by victories of Russian troops both on the land theatre of military operations and in the Black Sea. However, after France, Great Britain and the Kingdom of Sardinia entered the war on the side of Turkey, the position of the Russian Empire changed for the worse - Russia lost the most important battles on the territory of the Crimean Peninsula. Limited military operations were also conducted in the Baltic, the White Sea and the Pacific Ocean. Tatars of Kazan province were mainly recruited to the Baltic fleet, only a few were sent to the Black Sea Fleet. But from the southern provinces, especially Saratov province, where in some districts there were areas of compact residence of Tatars, Tatar recruits were periodically sent to the Black Sea Fleet. Tatar sailors took part in all the battles of the Crimean War – on land and at sea.

Keywords: Era of Nicholas I (1825–1855), war, Tatar naval officers, military sailors, sailboats, ships, Ottoman Empire, Sinop, Sevastopol, Petropavlovsk-Kamchatsky, Arkhangelsk

For citation: Naserov Sh.A. Tatar sailors in the Crimean (Eastern) War of 1853–1856. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.4, pp.107–119. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.107-119> (In Russian)

REFERENCES

1. Zadornov N.P. Collection of works. War for the ocean. Moscow: Veche Publ., 2016. 602 p. (In Russian)
2. Defenders of the Fatherland. Heroic defense of Petropavlovsk-Kamchatsky in 1854. Collection of official documents, memoirs, articles and letters. Petropavlovsk-Kamchatsky: Far Eastern Book Publ., 1989. 270 p. (In Russian)
3. Frumenkov G.G. Solovetsky Monastery and the defense of the White Sea region in the 16th–19th centuries. Arkhangelsk: North-West Book Publ., 1975. 184 p. (In Russian)

About the author:

Naserov Shamil Abdurakhmanovich – military pensioner, local history researcher (St. Petersburg, Russian Federation); ORCID: 0009-0003-8640-4603; e-mail: naserovsa@mail.ru

Received September 18, 2024

Accepted for publication October 16, 2024

УДК 929(47)

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-4.120-125

Нугман Кушаев.
Военный ахун на службе Российской империи

С.Р. Хамидуллин

*Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

Статья посвящена жизни и деятельности военного ахуна Ярмарочной мечети в Нижнем Новгороде Нугмана Кушаева. Его служение было посвящено исполнению религиозных обрядов среди воинских чинов из мусульман Нижегородской губернии в середине XIX в. Не менее важной задачей военных имамов было приведение к присяге на верность императору всех мусульман в военных частях при смене правителей, либо при поступлении на службу новобранцев мусульман. Еще более сложной задачей было найти подходящие слова для единоверцев во время войн с Османской империей. Такие задачи ставились перед Н.Кушаевым во время службы в Нижнем Новгороде. Например, именно он благословлял татарских солдат воевать во время Крымской войны.

Ключевые слова: Нижегородская губерния, ислам, мусульманское военное духовенство, военнослужащие мусульмане, самодержавие, императоры Николай I, Александр II

Для цитирования: Хамидуллин С.Р. Нугман Кушаев. Военный ахун на службе Российской империи // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №4. С.120–125. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.120-125>

Как видно из документов, Нугман Кушаев (1811–1879) родился в д. Шемякино Среднебалтаевской волости Тетюшского уезда (ныне д. Шемяково Апастовского района Республики Татарстан). Он происходил из служилых татар, как он сам писал в одном из своих прошений, был лашманом¹, то есть занимался тяжелым физическим трудом по заготовке корабельного леса.

В 1844 г. Н.Кушаев был избран Среднебалтаевским волостным головой и проработал на этой должности 10 лет. Вместе с тем он также занимался торговыми делами, посещая ежегодную Нижегородскую ярмарку. С этого времени начинается его активная религиозная деятельность. В 1854 г. Н.Кушаев успешно сдал экзамены в Оренбургском магометанском

¹ Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.1 Оп.2. Д.1805. Л.118; Ф.3 Оп.2. Д.367. Л. 427 об.–428.

духовном собрании (ОМДС) и был допущен «к исправлению должности имама при военно-служащих магометанах в Нижнем Новгороде, а в 1855 г. утвержден в этой должности»². Эта должность оказалась как нельзя кстати для губернской администрации – была в разгаре Крымская война с Османской империей, а в Нижегородской губернии проживало большое количество мусульман, и необходимость набора солдат, в том числе и среди них, никто не отменял.

В рассматриваемый период в Нижнем Новгороде действовала всего одна – Ярмарочная – мечеть, построенная из камня, по словам Шигабутдина Марджани, еще в 1823 г. [2, с.155]. Н.Кушаев добился у губернского начальства разрешения проводить богослужения в этой мечети. Таким образом, он фактически выполнял обязанности имама, причем, как пишет О.Н. Сенюткина, без утверждения муфтия ОМДС [3]. Через несколько лет неофициальный формат его службы стал поводом для острейшего конфликта между ахуном Н.Кушаевым и ОМДС, что в конечном итоге приведет к краху всей его религиозной деятельности и потере свободы (3 года в тюрьме).

Пока же он стремительно поднимался по карьерной лестнице. В 1856 г. Н.Кушаев «за отлично усердную службу утвержден Военным и Ярмарочным Старшим Ахуном»³. В этом же году указом Александра II Н.Кушаев получил звание тархана, которое освобождало его носителя от податей и фактически приравнивало к привилегированному сословию, однако в ревизской сказке д. Шемякино 1858 г. он по-прежнему значился государственным крестьянином⁴. Сухой бюрократический язык императорского указа гласил: «Дана сия ... грамота Нашему верноподданному... Нугману Негаметову Кушаеву в том, что Мы во внимание к засвидетельствованным МВД и местными начальствами в Нижегородской губернии отличному исполнению имамом Кушаевым лежащих на нем обязанностей и к оказанным им в продолжение последней войны, услугам, содействием к успокоению умов Магометанского народонаселения Нижегородской губернии, встревоженного некоторыми ложными слухами, в 16 день июня 1856 г. по докладу Министерства Иностранных Дел (так в документе. – С.Х.), Всемиловейше его пожаловать соизволили в звание Тархана между нашими подданными магометанского исповедания»⁵. На самом деле эти услуги заключались в том, что Н.Кушаев сумел успокоить некоторых сергачских татар, которые оказали «неповиновение властям, отказавшись от поставки ратников в государственное ополчение» [3, с.167], что в период войны фактически являлось бунтом. В таких условиях авторитет Н.Кушаева в мусульманском мире вырос настолько, что стал известен да-

² ГА РТ. Ф.1. Оп.2. Д.1805. Л.117.

³ Там же.

⁴ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.367. Л. 427 об.–428.

⁵ ГА РТ. Ф.1. Оп.2. Д.1805. Л.160 об.

леко за пределами Нижегородской губернии. Растущая популярность тархана, видимо, вызвала недовольство ОМДС и его муфтия Габдулвахиды Сулейманова. Думая о причинах такого взлета Н.Кушаева, можно предположить, что ему благоволил нижегородский губернатор Михаил Александрович Урусов (1802–1883), руководивший губернией в 1843–1855 гг., известный своим происхождением от хана Ногайской орды и даже получивший прозвище «Урус-хан». В 1858 г. Н.Кушаев стал старшим «мухтасибом и эфенди»⁶, то есть главным начальником имамов и мулл Нижегородской губернии (ахуном). Видимо, эти высокие звания и достижения пробудили у Н.Кушаева амбиции занять высший мусульманский пост в империи – стать муфтием. Естественно, это противоречило интересам тогдашнего муфтия Г.Сулейманова и, главное, богатейшего купца Казани Ибрагима Юнусова. Эти амбиции стали началом заката карьеры Н.Кушаева, так как губернатора-покровителя М.А. Урусова давно уже не было в Нижнем Новгороде.

В деле Н.Кушаева сохранились тексты Наставления и двух публичных увещаний времен Крымской войны для мусульманских солдат Нижнего Новгорода и губернии. Это очень интересные, проникнутые глубоким патриотическим чувством, документы эпохи, особенно если учесть блестящее знание Н.Кушаевым правил и норм русского языка. Наставление даже было опубликовано в газете «Русский инвалид» в №181 от 14 августа (по ст.ст.) 1854 г. Вот некоторые извлечения из него:

«При выступлении из Нижнего Новгорода 2 бригады Резервной Гренадерской дивизии Нижегородский военный имам... Н.Н. Кушаев после короткого напутственного нравоучения нижним чинам этой бригады магометанского исповедания снабдил их особым наставлением о верной службе Всероссийскому Престолу и защите своего отечества..., проникнутое чувством истинной преданности России и Государю Императору слово мусульманского Имама к своим единоверцам.

Со взятия Казани царем Иоанном Васильевичем Грозным более 300 лет, Магометане, расселившиеся по разным губерниям, не только не были никогда стесняемы в жизни, но всегда пользовались Царскими милостями и защитой правосудия... Мы другого исповедания, но считаемся наравне с Христианами. Собственность наша ограждена, честь неприкосновенна, невинность оправдана, проступок исправляется отечески. Во время неурожая хлеба, получаем оный из казенных запасных магазинов, как на продовольствие семейств, так и на посев; подати отсрочиваются, налоги соразмерны силам, снисхождение истинно отеческое.

В каком же государстве можете видеть столь высокое попечение о народе? Оно только в России. Следственно мы счастливы... Чего ж нам еще не достает? Спокойствия нашего Великого Государя... Мы... должны...

⁶ ГА РТ. Ф.1. Оп.2. Д.1805. Л.117 об.

всеми силами стараться успокоить Отца Отечества..., охранять Российское Государство от нападения вражия, не щадя последней капли крови.

Предки мои произошли от Болгарских магометан, которые и поныне проживают на прежних местах спокойно, дыша свободою... построены для нас на казенный счет мечети, именно: в Нижнем Новгороде, в Тифлисе, при Казанском пороховом и Ижевском оружейном заводах, и прочих городах, в коих богослужение позволено отправлять свободно...

Верные и храбрые воины! Умоляю вас изданным от Бога пророку Магомету элькораном, не страшитесь врагов России...

Верноподданные! Будьте тверды духом исполняйте свою обязанность. Подвиги ваши не останутся без должной награды: за них Бог простит грехи ваши, а на земле наградит вас... Государь» [1, с.1].

В марте 1855 г. на престол вступил император Александр II. Мусульманский праздник Курбан-байрам пришелся в тот год на 12 августа (по старому стилю). Обращение Н.Кушаева к военнослужащим Нижегородской губернии по поводу этого праздника было первым при новом императоре, поэтому оно носило особенно торжественный и верноподданнический характер:

«Публичное увещание.

Нижегородского Военного Ярмарочного имама Н.Н. Кушаева всем пребывающим на Нижегородской ярмарке своим единоверцам, купечеству и прочим сословиям в день торжественного Богомолия в ярмарочной соборной мечети в годовой праздник Курбан-Байрам 12 августа 1855 г.

Болгарские магометане! Настоящий день торжества нашего призвал нас сюда для принесения теплой молитвы и благодарения Богу!

Оставит ли при этом нас мысль о том попечении... Всемиловитейшего Государя Императора Александра Николаевича, коим мы по Его милосердию здесь пользуемся. Далее следует пожелание о продолжении «вечно потомственного царствования Августейшего дома и драгоценного здоровья Монарха, так и об одержании над врагами победы, на Россию восставшими. Но это желание должны мы выражать усердием, заключающимся как в денежных и других жертвованиях для Российского войска, храбро отличающегося на поле брани, так и готовностью вступить в ряды его...

Итак... заключим наше торжество сердечным приношением молитвы Богу о здравии августейшего Монарха нашего Императора Александра Николаевича и об одержании над врагами блистательной победы к спокойствию всей Европы»⁷.

Таким образом, можно заключить, что мусульманское духовенство было полностью вписано в вертикаль власти Российской империи и верноподданно решало поставленные ею задачи. Многочисленные войны с Османской империей требовали от мусульманского военного духовенства предельно серьезно отнестись к своим обязанностям, так как на поле боя

⁷ ГА РТ. Ф.1. Оп.2. Д.1805. Л.160.

российскому мусульманину приходилось противостоять с неприятелем единоверцем.

Шигабутдин Марджани отмечал, что мулла Н.Н. Кушаев умер в 1879 г. в Казани, погребальную молитву по нему возглавил мулла Закир бин Хаммад. Последний покой он обрел на Новотатарском кладбище [2, с.155]. В ходе фронтального обследования этого некрополя в 2017 г. сотрудники Института истории им. Ш.Марджани АН РТ выявили и идентифицировали более 1300 арабграфичных надгробий, к сожалению, памятник Нугумана Кушаева не был обнаружен и, вероятно, не сохранился до наших дней. Возможно, данный факт свидетельствует о том, что к концу жизни ни сам Н.Кушаев, ни его родные и близкие не располагали достаточными средствами для установки долговечного памятника из камня. Сказались многолетние следственно-судебные тяжбы, которые не могли не привести к ухудшению материального положения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кушаев Н.Н.* Наставление Нижегородского Военного Имама Хатыпа и Учителя Нугумана Негаметова Кушаева всем нижним воинским чинам магометанского исповедания 2-й бригады Резервной Гренадерской дивизии // Русский инвалид. 1854. 14 августа.
2. *Марджани Ш.* Полезные вести о состоянии Казани и Булгара (Мустафа ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). Часть вторая / перевод Р.К. Адыгамова. Казань: Магариф-Вақыт, 2022. 272 с.
3. *Сенюткина О.Н.* Особенности развития мусульманских махалля на Нижегородчине // Татарские мусульманские приходы в Российской империи. Материалы научно-практической конференции (27–28 сентября 2005 г., г. Казань). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2006. С.158–172.

Информация об авторе:

Хамидуллин Сайрус Русланович – младший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0001-8404-4611; e-mail: tatartarih@mail.ru

Поступила 14.10.2024

Принята к публикации 05.11.2024

Nugman Kushaev. Military akhun in the service of the Russian Empire

S.R. Khamidullin

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article is dedicated to the life and work of the military akhun of the Fair Mosque in Nizhny Novgorod, Nugman Kushaev. His service was dedicated to the per-

formance of religious rites among the military ranks from the Muslims of the Nizhny Novgorod province in the middle of the 19th century. An equally important task of military imams was to bring all Muslims in military units to the oath of allegiance to the emperor when the rulers changed, or when new Muslim recruits entered the service. An even more difficult task was to find suitable words for co-religionists during the wars with the Ottoman Empire. Such tasks were set before N. Kushaev during his service in Nizhny Novgorod. For example, it was he who blessed the Tatar soldiers to fight during the Crimean War.

Keywords: Nizhny Novgorod province, Islam, Muslim clergy, Muslim soldiers, autocracy, emperor Nicholas I, emperor Alexander II

For citation: Khamidullin S.R. Nugman Kushaev. Military akhun in the service of the Russian Empire. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.4, pp.120–125. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.120-125> (In Russian)

REFERENCES

1. Kushaev N.N. Instructions of the Nizhny Novgorod military imam khatyp and teacher Nuguman Negametov Kushaev to all lower military ranks of the Mohammedan confession of the 2nd brigade of the Reserve Grenadier division. *Russian invalid*, 1854, August 14. (In Russian)
2. Marjani Sh. *Useful news about the state of Kazan and Bulgar. Mustafa al-akhbar fi ahwali ahvali Kazan va Bulgar*. Part 2. Translated by R.K. Adygamov. Kazan: Magarif-Vakyt Publ., 2022. 272 p. (In Russian)
3. Senyutkina O.N. Features of the development of Muslim mahallas in the Nizhny Novgorod region. *Tatar Muslim parishes in the Russian Empire. Materials of the scientific and practical conference (September 27–28, 2005, Kazan)*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2006. Pp.158–172. (In Russian)

About the author:

Khamidullin Sayrus Ruslanovich – Junior Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0001-8404-4611; e-mail: tatartarih@mail.ru

Received October 14, 2024

Accepted for publication November 5, 2024

УДК 94(47)"1914/1918"

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-4.126-138

Исторические предпосылки возникновения понятия «сестра милосердия» в татарском языке

Л.Р. Габдрафикова

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казанский научный центр Российской академии наук

Казань, Российская Федерация

В статье рассматривается участие татарских женщин в сфере военной медицины в начале XX в.: от отмеченной государственной наградой службы врача Р.Кутлюяровой-Сулеймановой во время Русско-японской войны до добровольцев и сестер милосердия Первой мировой войны (Х.Акчурина, Г.Ижбирдеева, М.Саинова, Г.Саинова, З.Тальковская и др.). Отмечается, что многие имена из визуальных источников остаются не идентифицированными и вопрос требует дальнейшего изучения. Также рассматривается введение в татарскую лексику понятия «шафкать туташы» во время Первой мировой войны. Автор приходит к выводу, что сохранение данного понятия и после 1917 г. было обусловлено его поздним появлением и отсутствием смысловой нагрузки в виде устойчивых ассоциаций с татарской культурой имперского периода.

Ключевые слова: Первая мировая война, татары, история медицины, Первая Балканская война 1912–1913 гг., татарский язык

Для цитирования: Габдрафикова Л.Р. Исторические предпосылки возникновения понятия «сестра милосердия» в татарском языке // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №4. С.126–138. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.126-138>

Введение. Сегодня все большую актуальность приобретают исследования междисциплинарного характера и одно из таких направлений – когнитивная лингвистика, изучающая роль языка в осмыслении различных понятий. Словосочетание «сестра милосердия» вошло в русский язык в XIX столетии и было тесно связано с деятельностью благотворительных религиозных (христианских) сообществ, в частности Общества Красного Креста. Между тем, в татарском языке этот термин приобрел несколько иное звучание, которое тоже является отражением определенного этапа развития татарской культуры начала XX в.

При этом данная научная проблематика никогда не становилась темой специальных исследований. Хотя в научной литературе исторического характера неоднократно упоминался факт участия четырех татарок в качестве сестер милосердия в Первой Балканской войне 1912–1913 гг. [2, с.133; 16, с.134]. Кроме того, тема татарской женщины и войны затрагива-

лась нами в монографии «Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918)» [4, с.267–288].

Целью публикации является рассмотрение медицинских практик в условиях войн начала XX в. и участие в них татарок, а также культурологического генезиса обозначения «медсестра» в татарском языке.

Вкратце обозначим основные источники проведенного исследования. Нам пока не удалось установить широкий круг документов делопроизводственного характера, связанных с работой татарских девушек в госпиталях в тылу или же на фронте. В фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) выявлена информация только об одной татарке-добровольце [12]. Если учесть, что электронный ресурс РГВИА постоянно дополняется, то в дальнейшем эти сведения могут быть скорректированы. Поэтому на данном этапе были использованы источники, главным образом, личного происхождения. В частности, сюжет о сестрах милосердия времен Первой Балканской войны нашел широкое освещение в татарской прессе тех лет, поэтому и в литературе мемуарного характера ряд авторов касались подробностей биографий этих девушек. Кроме того, в последние годы становятся доступны материалы из семейных архивов, что тоже расширяет наши представления о прошлом¹. Помимо этого источником для изучения татарской лексики начала XX в. является периодическая печать и публицистика тех лет [7, 9, 17, 18, 21].

Общество «Красный Крест» и первые сестры милосердия. В истории России эпохи модерна начало участия женщин на войне в качестве медицинских работников связывают с Крымской войной 1853–1856 гг., когда сестры милосердия Крестовоздвиженской общины из Петербурга стали помогать раненым и больным военным под руководством выдающегося врача Н.И. Пирогова. Община была создана в начале Крымской войны по инициативе великой княгини Елены Павловны Романовой, в дальнейшем сестры милосердия участвовали и в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В сословном отношении община была разной, но, безусловно, исповедовали сестры православие. Позднее, в 1894 г., Крестовоздвиженская община сестер милосердия вошла в состав Российского общества Красного Креста [3].

Международный комитет Красного Креста появился в 1863 г., а в следующем году 16 государств приняли Женевскую конвенцию об улучшении участи раненых и больных воинов. Российская империя ратифицировала конвенцию в 1867 г. Тогда же императором Александром II был

¹ Великая война 1914–1918 гг. (Народный архив Первой мировой войны). URL: <https://web.archive.org/web/20200629223450/http://pomnimvseh.histrf.ru/> (дата обращения: 23.09.2024); Загиров Р. История одного человека: как татарский дворянин прошел пять войн и нашел свое счастье в Поднебесной // Миллиард татар. 4 мая 2022 г. URL: <https://milliard.tatar/news/istoriya-odnogo-celoveka-kak-tatarskii-dvoryanin-prosel-pyat-voin-i-nasel-svoe-scaste-v-podnebesnoi-1600> (дата обращения: 23.09.2024).

утвержден устав Общества попечения о раненых и больных воинах (в 1879 г. было преобразовано в Российское общество Красного Креста) [1, с.134]. Уже под началом именно этой организации осуществлялась сестринская помощь во время различных военных кампаний.

Первыми сестрами милосердия из татарок были в основном выпускницы русских учебных заведений: гимназий и высших женских курсов. Так, самой первой известной татаркой, активно работавшей в начале XX в. в сфере военной медицины, стала Биби-Разия Тазетдиновна Кутлюярова-Сулейманова (1866–1923). Она была уроженкой города Касимова Рязанской губернии, в 1886–1891 гг. прошла обучение на Рождественских курсах лекарских помощниц и фельдшерниц в Санкт-Петербурге. Данные медицинские курсы работали с 1870 г. под эгидой Российского общества Красного Креста. После окончания курсов, в 1892 г., Б.-Р.Кутлюярова дополнительно получила звание женщины-врача. Сначала она работала на своей малой родине – в Касимовском уезде Рязанской губернии. На конец XIX в. пришлось неурожайные годы, эпидемии сыпного тифа и холеры. Молодой специалист оказалась в центре этих событий и проявила себя как самоотверженный медицинский работник. С 1902 г. Биби-Разия ханым жила в Оренбурге и работала врачом, ее очень высоко ценило местное татарское сообщество. Именно на этот период ее жизни выпала Русско-японская война 1904–1905 гг., во время которой она помогала раненым солдатам в госпиталях Красного Креста в Оренбурге. Впоследствии за свой труд она была награждена медалью [6, с.342–343].

Тем временем работа Биби-Разии-ханым в госпитале по уходу за больными и ранеными российскими военнослужащими не получила специального освещения в татарской прессе тех лет. Впрочем, еще в 1891 г. газета «Тарджеман» опубликовала сообщение о том, что Б.-Р.Кутлюярова окончила медицинские курсы, тем самым подчеркнув факт появления первой женщины-врача (*табибэ*) из мусульманок России. Однако в условиях революционных преобразований в Волго-Уральском регионе только появлялись первые татарские газеты, а их страницы тогда занимали проблемы, далекие от медицинских практик.

Балканская война и татарки в стамбульском госпитале. Спустя семь лет, в 1912 г., татарские газеты начали писать о четырех отважных девушках: Гульсум Камаловой из Чистополя, Рукие Юнусовой из Петербурга, Марьям Якуповой из Ташкента и Марьям Паташевой из Ростова, отправившихся во время Первой Балканской войны в Османскую империю в качестве сестер милосердия. Интервью и фотографии этих девушек были опубликованы во многих татарских периодических изданиях. Они делились своими впечатлениями о турецком обществе, рассказывали о работе в госпитале [16, с.134]. Все они до отправления в Стамбул являлись студентками различных высших учебных заведений в Петербурге. Г.Камалова училась на Высших женских педагогических курсах [2, с.149], М.Паташева и Р.Юну-

сова – в Психо-неврологическом институте², М.Якубова – в Женском медицинском институте [2, с.148]. В столице Османской империи они провели пять месяцев и работали в госпитале Общества Хилал Ахмер (позднее оно было переименовано в «Турецкий Красный Полумесяц»).

Во время Первой Балканской войны Россия сохраняла нейтралитет, а работа студенток в госпитале иностранного государства проводилась при поддержке российского консульства. Они работали в медицинском учреждении, где трудилась фельдшером еще одна российская подданная – княгиня Елизавета Оболенская. В целом, по свидетельству писателя и журналиста Фатиха Карими, супруга российского консула М.Н. Гирс продвигала тогда влияние Российского общества Красного Креста, однако после досадного инцидента с российским броненосцем «Ростислав» (29 января 1913 г.) на Босфоре эта деятельность была свернута. Студентки из России – Г.Камалова, Р.Юнусова, М.Якупова и М.Паташева тоже оставили работу в стамбульском госпитале и уехали из страны [9, с.402–403].

В популяризации их деятельности в Стамбуле большую роль сыграли публикации в прессе. Об отважных татарских девушках неоднократно писал Ф.Карими в своих «Письмах из Стамбула». Любопытно, что в 1912 г. он не применял к ним татарское обозначение «сестры милосердия». Публицист называл их по-разному: например, «заботившиеся о раненых в госпитале» (*«хастаханэда мэжрухлар караучы»*), «приехавшая служить в госпитале» (*«хастаханэда хезмэт итү өчен барган»*), «служившие в госпитале россиянки» (*«хастаханэда хезмэт итүче русияле»* «ханымнар») и т.д. [9, с.167, 176, 296]. Автор других стамбульских писем, писатель Галиасгар Камал в 1912 г. упомянул о студентках лишь вскользь: «Слышал, что четыре ханым уехали в Стамбул» (*«дүрт ханымның Истанбулга киткәннәрен ишеткән идем»*) [19, с.351]. Наконец, в 1913 г. одна из сестер милосердия Марьям Паташева в публикации в газете «Вақыт» обозначила род своей службы довольно просто: *«хадимә»*, т.е. служащая в госпитале [14, с.151]. В том же 1913 г. в журнале «Аң» вышла большая статья Гаяза Исхаки «Татарские девушки, которыми можно гордиться», где тоже говорилось о помощи раненым (*«мэжрухларга ярдам»*) в госпитале «Хилал Ахмер». Здесь писатель уже называет своих героинь *«туташилар»*, т.е. незамужние девушки или барышни [7, с.6–8]. Все это указывает на то, что в татарском языке еще не было устоявшегося обозначения для младшего медицинского персонала. Не был адаптирован и термин «сестра милосердия».

Татарские женицины в тылу и на фронте Первой мировой войны. Тем временем в следующем 1914 г. началась Первая мировая война. В сферу военной медицины призывались, прежде всего, действующие медицинские работники, подключались и их родственницы. Например, стала сестрой милосердия Гульганбар Ижбирдеева – супруга казанского врача

² Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф.115. Оп.2. Д.7099, 11078.

Исмагила Усманова. Он работал в университетской клинике и вел частную практику в Ново-Татарской слободе г. Казани. Когда Исмагила-доктора мобилизовали, отправилась на фронт вместе с ним и Гульганбар. Она сама была родом из Петербурга. Так, работая в госпиталях, супруги прошли вместе всю войну [4, с.282]. Трудилась в тылу в системе Российского общества Красного Креста и вышеупомянутая Биби-Разия Сулейманова (Кутлюярова), имевшая опыт в этой среде еще со времен Русско-японской войны [6, с.343].

Женщины не подлежали военной мобилизации, тем не менее, в годы Первой мировой войны вызвались добровольцами на фронт даже татарки. Хотя они, по умолчанию, воспринимались как ведущие замкнутый домашний образ жизни и очень далекие от публичной активности. Вероятно, уходили на фронт те, кто искренне верил в идеалы патриотизма. Так, по данным историков О.Н. Сеньютиной и Ю.Н. Гусевой, «ушли на войну, рука об руку со своими родными» Сабира Хакимова и Ханафия Рахимова, уроженки татарской деревни Ишеево Нижегородской губернии [15, с.37]. В базе данных РГВИА удалось обнаружить информацию еще об одной татарке-добровольце – Сафаргалеевой Хадиче Хайрулловне, которая была родом из Степно-Шенталинской волости Самарской губернии. 23-летняя девушка крестьянского сословия служила в Ижорском пехотном полку, получила в мае 1915 г. тяжелое ранение и оказалась в госпитале [12]. Добровольцы служили сестрами милосердия в зоне боевых действий.

Интересно, что упомянутые выше сестры милосердия Первой Балканской войны уже не участвовали в помощи раненым и больным военнослужащим Первой мировой войны. Судя по всему, это было связано с разными жизненными обстоятельствами. Например, петербурженка Р.Юнусова переехала в уездный город Троицк (Оренбургская губерния) и работала там мугаллимой в женской школе [11, с.395]. Там же она нашла свое семейное счастье. Г.Камалова тоже после возвращения из Стамбула вышла замуж за представителя рода промышленников Акчуриных, уехала в фабричный поселок Гурьевка в Симбирской губернии, а в 1914 г. у супругов родился первенец. Ростовчанка М.Паташева переехала в Казань и также вышла замуж. Из четырех сестер милосердия нашла себя в сфере медицины лишь М.Якубова, которая вернулась в родной Ташкент и окончила там медицинский институт. В советское время она работала в этом же учебном заведении преподавателем [11, с.399].

Возможно, пример Гульсум Камаловой-Акчуриной вдохновил молодую студентку, художницу Хадичу Акчуринову из Симбирской губернии уйти на фронт добровольцей. Она родилась в 1893 г., училась сначала в женской гимназии в Симбирске, потом – в Строгановском художественном училище в Москве и делала первые шаги в книжной графике. Например, некоторые ее иллюстрации были опубликованы в детском журнале «Ак юл» (издавался в Казани) [22]. Однако Х.Акчурина пропала без вести на Кавказском фронте [13, с.14].

Сестрами милосердия в это время чаще всего становились молодые студентки или гимназистки, татарские девушки получившие образование в русских учебных заведениях. Перед этим они проходили краткосрочное обучение, сдавали экзамены. Например, Казанская община Красного креста (действовала с 1886 г.) организовала в начале сентября 1914 г. курсы сестер милосердия военного времени. В течение двух месяцев слушательницам курсов (около 200 чел.) преподавали В.Л. Боголюбов, С.С. Зимницкий, А.В. Вишневский и другие ученые-медики. По окончании курсов желающие сдавали экзамены по анатомии, физиологии, общей патологии, бактериологии, гигиене и уходу за ранеными, внутренним болезням, по уходу за больными, а также по латинскому языку и рецептуре. Первый выпуск составлял 59 человек, они поступали на работу в городские лазареты, при необходимости отправлялись на фронт. Главной попечительницей Казанской общины сестер милосердия Красного Креста в 1914–1915 гг. была супруга местного губернатора Елизавета Боярская. К 1915 г. на учете Общины числилось 260 сестер милосердия. Из них активно были задействованы 203 сестры: 170 – находились на фронте, 33 – служили в тыловых госпиталях [8, с.58–60].

Курсы сестер милосердия Казанской общины Красного креста прошли и сестры Саиновы – Марьям и Гайша. Весной 1914 г. они окончили Мариинскую женскую гимназию в Казани, а уже летом началась война. На фронте оказались их родные братья Юсуф и Осман. Сестры Саиновы после окончания медицинских курсов поступили на службу в открывшийся в ноябре того же 1914 г. в Казани – Мусульманский госпиталь [2, с.133]. Это военно-лечебное учреждение было организовано силами татарской общности Казани (купечества, интеллигенции). Рассчитан был госпиталь на 60 мест. Примечательно, что и врачами в нем трудились татары. Среди них была и женщина-врач Суфия Агиева (Кулахметова) [4, с.188–190].

Пациентами Мусульманского госпиталя были военнослужащие разных вероисповеданий. После выздоровления они снова отправлялись на фронт. Некоторые писали потом письма сестрам милосердия. Например, в семейном архиве Чанышевых сохранились письма с адресатом «Казань, Московская улица, 43, мусульманский госпиталь. Сестре милосердия Мариам Саиновой».

В Мусульманском госпитале поначалу даже форма сестер милосердия отличалась от служащих в лазаретах Красного Креста – они носили на рукаве знаки шестиконечной красной звезды. Этот знак был альтернативой красному кресту, и в 1914–1915 гг. мусульманские комитеты в различных городах проводили благотворительные акции, например, «День красной звезды». Однако позднее власти сочли, что красная звезда напоминает символику противника – элемент османского флага, и эти акции сошли на нет. Судя по всему, такое отношение повлияло и на униформу сестер милосердия Мусульманского госпиталя. Так, у Марьям и Гайши Саиновых сохра-

нились фотоснимки, датируемые январем 1917 г., где они были облачены в традиционную форму сестер милосердия Красного креста³.

Работа в госпиталях требовала большой самоотверженности и героизма. Некоторые моменты больничной повседневности отпугивали молодых сестер милосердия. Например, известен циркуляр Российского общества Красного Креста от 15 апреля 1916 г. «О недопустимости отказа сестер милосердия работать в заразных госпиталях», в котором раскрываются реалии военной медицины. В условиях нарастающих эпидемий некоторые сестры милосердия, действительно, отказывались ухаживать за больными в инфекционных отделениях, просили отправить их в резерв или же на фронт. Поэтому в своем циркуляре Главное Управление просило общины Красного Креста провести разъяснительную работу среди сестер милосердия и донести до них мысль о том, что они обязаны оказывать помощь не только раненым солдатам, но и заразным больным⁴.

Еще одной сестрой милосердия из татарок во время Первой мировой войны стала дочь генерала-майора Искандера Тальковского – Зулейха (Зинаида) Тальковская (в замужестве – Апанаева). Она происходила из польско-литовских татар и училась в Женском медицинском институте в Петербурге и после начала войны начала служить сестрой милосердия. Сохранилась ее фотография той поры с пациентами госпиталя и другими сестрами милосердия [8].

Конечно, помимо этих девушек были и другие татарки, посвятившие себя благородному делу – уходу за ранеными и больными в госпиталях. Например, в личном фонде Фатихи и Сулеймана Аитовых в семейном фотоальбоме имеются два групповых снимка (ГА РТ, ф.74, оп.1, д.18), где запечатлены неизвестные сестры милосердия времен Первой мировой войны [8]. Таким образом, многие имена пока не идентифицированы и остаются в забвении.

Некоторые сестры милосердия продолжали свою службу и во время Гражданской войны. Так, Марьям и Гайша Саиновы служили медсестрами Приволжской татарской стрелковой бригады, вместе с красноармейцами оказались на Туркестанском фронте. М.Саинова была супругой военкома бригады, будущего генерала-лейтенанта Я.Д. Чанышева. Была замужем за военнослужащим и ее сестра, но Г.Саинова рано потеряла супруга⁵.

³ Великая война 1914–1918 гг. (Народный архив Первой мировой войны). URL: <https://web.archive.org/web/20200629223450/http://pomnimmvseh.histrf.ru/> (дата обращения: 23.09.2024).

⁴ Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.350. Оп.2. Д.378. Л.133а.

⁵ Загиров Р. История одного человека: как татарский дворянин прошел пять войн и нашел свое счастье в Поднебесной // Миллиард татар. 4 мая 2022 г. URL: <https://milliard.tatar/news/istoriya-odnogo-celoveka-kak-tatarskii-dvoryanin-prosel-ryat-voin-i-nasel-svoe-scaste-v-podnebesnoi-1600> (дата обращения: 23.09.2024).

В тылу в этот период также продолжали работать медсестрами «ту-ташлар», или татарские барышни из «бывших людей», т.е. образованные девушки из привилегированных семей. Например, одной из таких советских сестер милосердия была Гайша Апанаева, супруга писателя и ученого Гали Рахима. В 1919–1922 гг. она работала медсестрой в Казани, в Старотатарской слободе, в бывшем особняке своего дяди – купца Бадретдина Апанаева. Несмотря на «неправильное» социальное происхождение, Г.Апанаевой удалось получить диплом о высшем медицинском образовании в 1925 г. (поступила она в Казанский университет еще во время Первой мировой войны, в 1915 г.) и стать врачом [10, с.17].

Татарская адаптация «сестры милосердия». Во время Первой мировой войны вопросы ухода за ранеными и больными солдатами и офицерами, помощи российской армии пронизывали всю повседневную жизнь, поэтому они нашли отражение и в сфере искусства. Например, в декабре 1914 г. казанской труппой «Сайяр» была поставлена пьеса «Шэфкать туташы» («Сестра милосердия»). Это было не оригинальное татарское произведение, а перевод с русского языка (судя по всему, в основе постановки была пьеса М.Кирьяковой 1877 г.). В произведении эпохи Русско-турецкой войны был представлен идеальный образ сестры милосердия, который особенно актуально звучал в свете патриотической пропаганды той поры. Об этой постановке в журнале «Аң» в том же 1914 г. вышла статья критика Габдрахмана Карама, которая так и называлась «Шэфкать туташы (Сестра милосердия)». Критик отмечал, что вряд ли спектакль будет иметь успех в мирное время, а вся актуальность пьесы связана с текущей ситуацией [5, с.174–179]. Обозначение как татарского, так русского варианта названия спектакля указывает на то, что понятие «шэфкать туташы» еще не получило широкого распространения в татарском сообществе и в тексте нужно было специальное пояснение. Пожалуй, это было одним из первых примеров адаптации словосочетания «сестра милосердия» на татарский лад. Напрямую перевели только слово «милосердие» (*шэфкать*), а вместо «сестры», которая в данном случае имело религиозный контекст, был выбран более светский вариант «барышня» («*туташи*»). В татарской культуре той поры так обращались к незамужним образованным девушкам, выделявшимся своим европеизированным внешним видом, которых ассоциировали в большей степени с «обществом», нежели с «народом».

Об отсутствии специального термина для обозначения сестер милосердия свидетельствуют и публикации в татарском женском журнале «Сююмбике», где уделялось особое внимание деятельности женщин в общественной сфере. Например, в 1914 г. журнал дал короткую информацию о том, что в Казани открылся Мусульманский госпиталь и сестрами милосердия туда взяли Марьям и Гайшу Саиновых. При этом их деятельность обозначили русским словосочетанием «сестра милосердия», с пояснением, что так называют «девушек, помогающих больным» (*авыруларга ярдамче кызлар*) [17, с.20]. В следующем 1915 г. на обложке одного из номеров

был опубликован снимок французских сестер милосердия с ранеными солдатами. Подпись к иллюстрации тоже была довольно простой: «Оказание французскими женщинами помощи раненым на войне» (*Француз хатыннарының мәжрухларга ярдам күрсәтүләре*) [18, с.1].

В том же 1915 г. в Казани в издательстве «Магариф» (которое выпускало, в том числе, и журнал «Сююмбике») вышло иллюстрированное издание «Сугыш», подготовленное Гильметдином Шарафом. Книга включала в себя информацию разного характера: от причин войны и описания стран-противников до новостей тыла (помощь армии и беженцам, благотворительность и т.д.) и рекламы. В ней представлены сведения о Мусульманском госпитале в Казани, изображения пациентов лазарета вместе с сестрами Саиновыми. Интересно, что здесь уже они отмечены как «сестры милосердия» (*«шәфкатъ туташлары»*) [21, с.25]. Таким образом, мы видим, что недавнее литературное обозначение начинает применяться в отношении реальных персон, работавших в сфере военной медицины. Определенным закреплением в художественной литературе этого термина можно считать стихотворение-посвящение Габдерахмана Сунгати, которое так и называлось «Шәфкатъ туташларына» и было опубликовано в журнале «Сююмбике» в 1916 г. (№12).

Между тем, в русском языке уже в 1926 г. на смену термину «сестра милосердия» пришло понятие «медицинская сестра» [20, с.110]. В этом словосочетании не было отсылки на человеколюбивый характер службы, хотя сохранилось слово «сестра», несмотря на свое религиозное звучание. Перемены были связаны с желанием советских властей избавить лексику от дореволюционных смыслов. Вместе с тем, изменения отражали и новую структуру медицинских учреждений в Советском государстве, где медсестры уже не были частью благотворительной общины сестер, а стали важной составляющей советской системы здравоохранения.

Любопытно, что эти изменения советского периода не коснулись татарского языка, где перемен тоже было очень много. Тем не менее, дореволюционный вольный перевод понятия «сестра милосердия» сохранился – *шәфкатъ туташы* («барышня милосердия»). При этом обращение *туташ* (барышня), как, впрочем, *ханым* (госпожа) и *әфәнде* (господин) были практически вытеснены из лексики. Если в отношении членов РКП(б) их заменил гендерно-нейтральный «товарищ», то в сфере образования вместо *туташ/ханым* и *әфәнде* стали применять псевдо-родственные дополнения к личным именам (*ана* – старшая сестра, *абый* – старший брат). На наш взгляд, это произошло и из-за того, что само понятие *шәфкатъ туташы* вошло в дореволюционную татарскую культуру довольно поздно, лишь во время Первой мировой войны. Вероятно, поэтому слово не вызывало стойких ассоциаций со старым миром.

Выводы. Таким образом, понятие «сестра милосердия» (*шәфкатъ туташы*) появилось в татарском языке в конце 1914 г., при этом его введению в лексикон предшествовала деятельность некоторых татарских де-

вушек в сфере военной медицины во время Русско-японской, Первой Балканской и Первой мировой войн. Эти военно-медицинские практики были вызовом традиционному татарскому сообществу, где женщины редко выделялись своей активностью в общественной сфере. Поэтому случай четырех татарских студенток, служивших сестрами милосердия в стамбульском госпитале Красного Креста, получил широкое освещение в татарской прессе 1912–1913 гг. Однако их деятельность еще не имела специального обозначения в татарском языке. Распространению понятия «сестра милосердия» способствовала одноименная театральная постановка труппы «Сайяр» – адаптация русской пьесы для татарского зрителя. При этом термин был переведен с русского языка не буквально и отразил специфику татарской повседневной культуры начала XX в. Служение сестрами милосердия тогда выбирали девушки из европеизированных татарских семей, получившие образование в русских учебных заведениях. Поэтому для обозначения сестринского служения в татарском языке в качестве одной из составляющих, помимо «милосердия» (*шафкатъ*), используется и слово «барышня» (*тутаиш*), указывающее на социальный статус этих девушек. В советское время из татарского языка были вытеснены многие дореволюционные слова, в том числе буржуазные обращения начала XX в. Однако обозначение медицинской сестры сохранилось в татарском языке в таком виде до наших дней. Это объясняется тем, что понятие *шафкатъ тутайши* появилось лишь за несколько лет до 1917 г. и поэтому не имело особой смысловой нагрузки, как в случае с сестрой милосердия в русском языке, и не ассоциировалось с дореволюционной сферой медицины.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абашидзе А.Х., Бисултанов А.К., Сюняева М.Д. Эмблема Красного Креста и Красного Полумесяца через призму отечественной истории // Вестник Волгоградского университета. Сер. 5, Юриспруденция. 2014. №3(24). С.132–137.
2. Биктимирова Т.А. Ступени образования до Сорбонны. Казань: Татарское книжное издательство, 2011. 168 с.
3. Вакин М.А., Болдырева И.И., Фомина Н.Н. Крестовоздвиженская община сестёр милосердия: у истоков сестринского дела в России // Молодежный инновационный вестник. 2019. Т.8. №2. С.20–21.
4. Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. 396 с.
5. Габдулла Кариев: тарихи-документаль жыентык / төз.-авт. М.Г. Арсланов. Казань: Жыен, 2011. 608 б.
6. Ислам на Урале. Энциклопедический словарь. Вып. V. М.-Нижний Новгород: Медина, 2009. 475 с.
7. Исхакый Г. Мактанырлык татар кызлары // Аң. 1913. №16. Б.6–8.
8. Казанская губерния в годы Первой мировой войны. Сборник документов и материалов / под ред. Д.И. Ибрагимова. Казань: Главное архивное управление при Кабинете Министров Республики Татарстан, 2014. 208 с.
9. Кәрим Ф. Истанбул мәктүпләре. Казан, 2022. 601 б.

10. Махмутова А.Х. «Учите нас – равны мы их ученым будем...» // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2004. №2. С.9–19.
11. Милли-мәдәни мирасыбыз. Чиләбе өлкәсе татарлары. Казан: ТӘҺСИ, 2017. 428 б.
12. Сафрағалиева Хадыча Хайрулова // Памяти героев Великой войны 1914–1918 гг. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/?last_name=Сафрагалиева%20&first_name=Хадича%20&middle_name=Хайрулловна&groups=awd:ptr:frc:cmd:prs&types=awd_nagrady:awd_kart:potery_doneseniya_o_poteryah:potery_gospitali:potery_spiski_zahoroneniya:potery_voennoplen:frc_list:cmd_commander:prs_person&page=1 (дата обращения: 23.09.2024).
13. Рәми И.Г., Даутов Р.Н. Әдәби сүзлек (элекке чор татар әдәбияты һәм мәдәнияте буенча кыскача белешмәлек). Казан: Татар. кит. нәшрияты, 2001. 399 б.
14. Руhi мирас: эзләнүләр һәм табышлар. Сәяхәтнамәләр / төз. А.Х. Алиева, Г.М. Ханнанова. Казан: ТӘҺСИ, 2021. 300 б.
15. Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н. Нижегородские мусульмане на службе Отечеству (конец XVI – начало XX вв.). Нижний Новгород: Махинур, 2005. 58 с.
16. Сибгатуллина А.Т. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М.: Исток, 2010. 264 с.
17. Сөембикә. 1914. №1.
18. Сөембикә. 1915. №7.
19. Татар сәяхәтнамәләре / төз. Ә.Алиева. Казан: Татар. кит. нәшрияты, 2015. 431 б.
20. Человек в революции: Казанская губерния. Культура / под ред. Л.Р. Габдрафиковой. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2019. 368 с.
21. Шәрәф Г. Сугыш. Казан: Магариф, 1915. 58 б.
22. Ак юл. 1913. №5.

Информация об авторе:

Габдрафикова Лилия Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; ведущий научный сотрудник Лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии ФИЦ «Казанский научный центр РАН» (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-9940-9097; e-mail: bahetem@mail.ru

Поступила 30.09.2024

Принята к публикации 21.10.2024

Historical prerequisites of the "Sister of Mercy" concept in Tatar language

L.R. Gabdräfikova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

This article is a study about the participation of Tatar women in military medicine in the early 20th century: from the state-awarded service of doctor R. Kutluyarova-

Suleimanova during the Russo-Japanese War to volunteers and nurses of the World War I (H.Akchurina, G.Izhbirdeyeva, M.Sainova, G.Sainova, Z.Talkovskaya, etc.). The names of many heroines from visual sources have not yet been identified, so new research is needed in this area. The introduction of the concept of "shafkat tutashi" into the Tatar vocabulary during World War I is also considered. The author concludes that the preservation of this concept after 1917 was due to its late appearance and the absence of semantic load in the form of stable associations with the Tatar culture of the imperial period.

Keywords: World War I, Tatars, history of medicine, Balkan War, Tatar language

For citation: Gabdrafiikova L.R. Historical prerequisites of the "Sister of Mercy" concept in Tatar language. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.4, pp.126–138. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.126-138> (In Russian)

REFERENCES

1. Abashidze A.Kh., Bisultanov A.K., Syunyaeva M.D. The Emblem of Red Cross and Red Crescent in terms of National History. *Bulletin of Volgograd University*. Series 5, Jurisprudence, 2014, no.3(24), pp.132–137. (In Russian)
2. Biktimirova T.A. *Steps of education to the Sorbonne*. Kazan: Tatar book Publ., 2011. 168 p. (In Russian)
3. Vakin M.A., Boldyreva I.I., Fomina N.N. Krestovozdvizhensk Community of Sisters of Mercy: at the origins of nursing in Russia. *Youth Innovation Bulletin*. 2019, vol.8, no.S2, pp.20–21. (In Russian)
4. Gabdrafiikova L.R., Abdullin Kh.M. Tatars during the World War I (1914–1918). Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2015. 396 p. (In Russian)
5. Gabdulla Kariev: historical and documentary collection. Ed. by M.G. Arslanov. Kazan: Jien Publ., 2011. 608 p. (In Tatar)
6. *Islam in the Urals Region. Encyclopedic Dictionary*. Vol.5. Moscow-Nizhny Novgorod: Medina Publ., 2009. 475 p. (In Russian)
7. Iskhakiy G. Tatar girls who make you feel proud. *Ang*, 1913, August 20. (In Tatar)
8. *Kazan province during the World War I. Collection of documents and materials*. Ed. by D. Ibragimov. Kazan: Archival Administration by the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan Publ., 2014. 208 p. (In Russian)
9. Karimi F. *Letters from Istanbul*. Kazan, 2022. 601 p. (In Tatar)
10. Makhmutova A.Kh. "Teach us – we will be equal to their scientists...". *Gasyrlar avazy – Echo of centuries*, 2004, no.2, pp.9–19. (In Russian)
11. *Our national and cultural heritage. Tatars of the Chelyabinsk region*. Kazan: Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2017. 428 p. (In Tatar)
12. Safragalieva Khadycha Khairulova. *In memory of the heroes of the Great War of 1914–1918*. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/?last_name=Сафрагалиева%20&first_name=Хадича%20&middle_name=Хайрулловна&groups=awd:ptr:fr:cmd:prs&types=awd_nagrody:awd_kart:potery_doneseniya_o_poteryah:potery_gospitali:potery_s

piski_zahoroneniy:potery_voennoplen:frc_list:cmd_commander:prs_person&page=1 (accessed: 23.09.2024). (In Russian)

13. Rami I.G., Dautov R.N. *Literary Dictionary (a brief guide to Tatar literature and culture of the past era)*. Kazan: Tatar book Publ., 1988. 399 p. (In Tatar)

14. *Spiritual Heritage: Searches and Discoveries. Travelogues*. Ed. by A.Kh. Alieva, G.M. Khannanova. Kazan: Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2021. 300 p. (In Tatar)

15. Senyutkina O.N., Guseva Yu.N. *Nizhny Novgorod Muslims in the service of the Fatherland (late 16th – early 20th centuries)*. Nizhny Novgorod: Makhinur Publ., 2005. 58 p. (In Russian)

16. Sibgatullina A. *Contacts of Muslim Turks of the Russian and Ottoman Empires at the turn of the 19th–20th centuries*. Moscow: Istok Publ., 2010. 264 p. (In Russian)

17. *Syuyumbike*. 1914, no.1. (In Tatar)

18. *Syuyumbike*. 1915, no.7. (In Tatar)

19. *Tatar travelogues*. Ed. by A. Alieva. Kazan: Tatar book Publ., 2015. 431 p. (In Tatar)

20 *Man in the Revolution: Kazan Province. Culture*. Ed. by L.Gabdräfikova. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2019. 368 p. (In Russian)

21. Sharaf G. *War*. Kazan: Magarif Publ., 1915. 58 p. (In Tatar)

22. *White Road*. 1913, no.5. (In Tatar)

About the author:

Gabdräfikova Liliya Ramilevna – Dr. Sci. (history), Chief Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; Leading Researcher of the Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, Federal Research Center "Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences" (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-9940-9097; e-mail: bahetem@mail.ru

Received September 30, 2024

Accepted for publication October 21, 2024

УДК 364.4

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-4.139-156

Освещение деятельности отделений Уфимской губернии Временного мусульманского комитета по оказанию помощи воинам и их семьям на страницах дореволюционных татарских газет

А.В. Ахтямова

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

В статье рассматривается процесс становления и развития отделений Временного мусульманского комитета по оказанию помощи воинам и их семьям в Уфимской губернии. Этот комитет являлся самой крупной официально разрешенной организацией российских мусульман периода Первой мировой войны. К анализу привлекаются следующие дореволюционные газеты на татарском языке: «Тормыш» (Уфа), «Вакыт» (Оренбург), «Кояш» (Казань). Изучение материалов прессы дает возможность оценить вклад региональных лидеров в развитие Временного мусульманского комитета, сформировать представление о способах оказания благотворительной помощи населением Уфимской губернии, о человеческих качествах видных мусульманских деятелей, которые отстаивали интересы Отечества в годы войны. В частности, в центре исследовательского внимания находятся Салимгирей Джантюрин, Ибниямин Ахтямов, Габдулла Ибрагимов (Шнаси) и многие другие. Отмечается роль мусульманских женщин в организации помощи военнослужащим.

Ключевые слова: Первая мировая война, мусульманское благотворительное общество, Временный мусульманский комитет по оказанию помощи воинам и их семьям, отделения, Уфимская губерния, татарская периодическая печать

Для цитирования: Ахтямова А.В. Освещение деятельности отделений Уфимской губернии Временного мусульманского комитета по оказанию помощи воинам и их семьям на страницах дореволюционных татарских газет // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №4. С.139–156. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.139-156>

Введение. Первая мировая война 1914–1918 гг., одна из наиболее крупномасштабных войн в истории, оказала не только существенное влияние на разные сферы жизни российского общества, но стала переломным событием в судьбе всей человеческой цивилизации. Начало войны вызвало в России всплеск патриотизма, который затронул так или иначе все слои населения.

В годы военного лихолетья был накоплен уникальный опыт оказания помощи жертвам войны. С первых месяцев военных действий мусульман-

ское население, как и большинство других народов империи, активно включилось в решение социальных проблем. Главные направления благотворительной деятельности мусульман были сосредоточены на оказании помощи единоверцам. Можно выделить следующие основные категории населения, которым была оказана поддержка: воины и их семьи, турецкие военнопленные, карские мусульмане и беженцы.

В начале XX столетия ислам являлся второй после православия по численности своих последователей религией в России. По оценкам статистиков, к 1917 г. в стране проживало около 18 миллионов мусульман (более 10% населения) [1, с.418].

Особенностью рассматриваемого региона был многонациональный состав его населения. Согласно данным переписи 1897 г., в Уфимской губернии проживало 2196642 чел. Основную часть населения составляли башкиры (40,98%) и русские (37,97%). За ними следовали татары – 8,41%, черемисы (марийцы) – 3,69%, чувашаи – 2,76%, другие народности – 6,19% [29, с.VII]. Еще одной отличительной чертой губернии являлся высокий удельный вес мусульман (49,88%) [29, с.VIII].

В губернии было шесть городов (губернский город Уфа и пять уездных городов – Мензелинск, Бирск, Белебей, Стерлитамак, Златоуст). Численность городского населения по итогам переписи 1897 г. составила 107303 жителя (4,88% от общей массы населения губернии). Основная его масса была представлена русскими (84%), далее следовали татары (7,48%), башкиры (5,29%) и др. [28, с.40–41].

Изучение вопросов тыловой повседневности является одним из актуальных направлений исторической науки. Предлагаемая статья посвящена участию мусульман Уфимской губернии в организации помощи военнослужащим, а также членам их семей в период Первой мировой войны (1915–1916). В ней на основе анализа публикаций в татарских газетах «Тормыш» (Уфа, 1913–1918), «Вакыт» (Оренбург, 1906–1918), «Кояш» (Казань, 1912–1918) рассматривается процесс становления и развития местных отделений Временного мусульманского комитета по оказанию помощи раненым воинам и их семьям, подчеркивается вклад представителей мусульманских интеллектуалов Уфы в достижение его целей.

Деятельность отделений Уфимской губернии Временного мусульманского комитета – малоизученная исследователями тема. Некоторые важные аспекты изучаемой области знания нашли свое отражение в работах Л.А. Ямаевой [61], Р.Н. Сулеймановой [37], в совместной монографии Л.Р. Габдрафиковой и Х.М. Абдуллина [8] и др. При исследовании темы особый интерес вызвал сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Первая мировая война как первый военный конфликт мирового масштаба», которая состоялась 16 октября 2014 г. в Уфе [26]. Ряд публикаций был посвящен 100-летию начала Первой мировой войны. Благодаря этим публикациям в научный оборот введены новые ис-

точники, позволяющие расширить понимание общественных процессов среди мусульман Волго-Уральского региона в эпоху перемен.

В том же году увидел свет сборник документов и материалов «Башкирия в годы Первой мировой войны. 1914–1918» [3]. В него включены документы, отражающие страницы истории края в период Первой мировой войны. Среди них сведения об участии населения помощи фронту, обращение оренбургского муфтия М.Султанова к ахунам и хатыбам Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) от 5 апреля 1915 г. с призывом произвести в приходах сбор пожертвований на нужды Временного мусульманского комитета [3, с.350; см. также: 26, с.46–47].

Временный мусульманский комитет по оказанию помощи воинам и их семьям (1914–1917): история создания. Временный мусульманский комитет был создан по решению Всероссийского съезда мусульманских благотворительных организаций, состоявшегося 6–11 декабря 1914 г. в Петрограде. На открытии мероприятия присутствовали 28 делегатов с Кавказа, из Крыма, Сибири, Туркестана, Поволжья и с Урала, а в последующие дни число участников выросло, по некоторым данным, до 35¹ [7].

Съезд рассмотрел широкий круг вопросов, связанных с координацией деятельности благотворительных обществ российских мусульман по оказанию помощи воинам и их семьям. В частности, было принято решение о создании передового санитарного отряда, или подвижного лазарета («*күчмә лазарет*»), для отправки на фронт, снабдив его всем необходимым. Также по предложению полковника Равиля Сыртланова² участники встречи постановили ходатайствовать о направлении на фронт за счет средств казны группу имамов³, «знающих русский язык». Кроме того,

¹ Среди делегатов были Габдулла Апанаев, Валидхан Таначев (Казань), Закир Ишмухамедов (Архангельск), Зия Янгаличев (Саратов), Нурулла Карпов (Томск), Бурган Шараф (Оренбург), Шакир Мухаммедъяров (Орск), Ибниямин Ахтямов, Салимгирей Джантюрин, Назип (Мухаметназип) Хакимов, Сабирзян Шамгулов (Уфа), Шарафутдин Махмудов (Стерлитамак), Фатих Шаммазов (Астрахань), Равиль Сыртланов, Хусаин Байбиков (Москва), Захид Шамиль, Вассан-Гирей Джабагиев, Хусаин Мансуров (Мансырев), Сафа (Мухаммед-Сафа) Баязитов, Марьям Базаревская, Амина Сыртланова, Исмагил Леманов, Усман Токумбетов (Токмбетов) (Петроград), Сафиулла Гизатуллин (Вологда), Заисанов (Туркестан), Исмаил Муфтий-заде (Симферополь), Галимуллаев (Карасубазар), Челеби-заде (Евпатория), Мирза Асадуллаев (Баку) и др. Съезд открыл С.-Г.Джантюрин. Председателем съезда был избран И.Ахтямов, первым сопредседателем – Муфтий-заде, вторым сопредседателем – М.Асадуллаев, секретарями С.-Г.Джантюрин (для записи на русском языке) и Б.Шараф (для записи на татарском языке) [18, б.2–3; 21, б.1].

² Сыртланов Равиль Шах-Айдарович (Равиль-Шах Айдарович) (1877–1916), командир 166-го пехотного Ровненского полка. Погиб в бою 20 июня 1916 г. Посмертно произведен в генерал-майоры (29.07.1916) и награжден орденом св. Георгия 4-й степени (Высочайший приказ от 27.01.1916 г.) [6, с.240; 8, с.66].

³ По одному мулле в каждую дивизию [8, с.111].

съезд признал необходимость обращения к Оренбургскому магометанскому духовному собранию, Таврическому магометанскому духовному правлению (ТМДП), Закавказским магометанским духовным правлениям (ЗМДП) с просьбой призвать мусульман принять участие в сборе пожертвований. Съезд также поддержал предложение направить в соответствующие органы прошение о разрешении передать Комитету часть вакуфных средств ТМДП. На съезде были озвучены следующие пожелания: сбор статистических данных по российским солдатам-мусульманам (о количестве раненых и погибших) и по общим объемам помощи, перевод на татарский язык законов о выплате пенсий и пособий лицам, пострадавшим от военных действий. В целях обеспечения планомерного осуществления намеченных мероприятий было принято решение об учреждении в Петрограде комитета, который получил наименование «Центральный комитет российских мусульманских общественных организаций» (*«Русия мөселман җәмгыятьләренең мәркәз комитеты»*) и имел право открывать отделения на местах [13, б.1; 19, б.3; 20, б.2; 21, б.1; 27, б.2].

Однако, как отмечают исследователи, власти не пошли на создание мусульманской организации с широкими полномочиями [об этом подробнее см.: 15, с.14; 61, с.209–211]. 5 февраля 1915 г. Министерством внутренних дел было утверждено «Положение о Временном мусульманском комитете по оказанию помощи воинам и их семьям» [30]. Об этом руководству новой организации неофициально было объявлено на следующий день, 6 февраля, а по истечении 10 дней, 16 февраля 1915 г., – официально [9, б.1–2].

Возглавил Комитет генерал-майор Абдул-Азиз Давлетшин (председатель правления Петербургского мусульманского благотворительного общества в 1908–1909 гг.). В его состав в числе других также вошли Ибниямин Ахтямов (товарищ председателя), Салимгирей Джантюрин (секретарь), Кутлу-Мухаммед Тевкелев. В качестве представителя Временного мусульманского комитета для участия в переговорах с оренбургским муфтием (по вопросу привлечения имамов к делу организации сбора пожертвований) был назначен Сабирзян Шамгулов [9, б.1–2].

Отметим, что осенью 1915 г. в устав (пункты 1 и 3) Комитета были внесены поправки (объявление петроградского градоначальника от 28 ноября 1915 г., №3442), но основные принципы его деятельности оставались неизменными. В частности, документ расширил круг лиц, которым оказывалась помощь. Так, согласно 1-му пункту устава, «Комитет учрежден в Петрограде в целях оказания всякого рода помощи больным и раненым воинам и прочим лицам, пострадавшим в войну с Германией, Австро-Венгрией и Турцией. Деятельность Комитета распространяется на всю Империю» [23, б.4].

Являясь самой крупной официально разрешенной организацией российских мусульман, Комитет проводил большую работу по организации социальной работы в период Первой мировой войны [15, с.16].

Уфимское отделение Временного мусульманского комитета. В январе 1915 г. в разных городах империи действовало 34 отделения Временного мусульманского комитета [7]. Весной в этом направлении наметились серьезные сдвиги и в Уфимской губернии. Так, 1 марта 1915 г. состоялось общее собрание «Уфимского попечительства о бедных мусульманах» («*Уфа жәмгыяте хәйриясе*»). По решению собрания правление Попечительства перечислило в распоряжение Комитета из своих средств 1000 руб. [41, б.3].

25 марта и 4 апреля 1915 г. мусульманам удалось провести конструктивные встречи по поводу открытия отделения Комитета в Уфе. Уже 5 апреля 1915 г. татарская газета «Тормыш» («Жизнь») сообщила читателям о получении разрешения губернатора на открытие 30 апреля уфимского отделения Временного мусульманского комитета [43, б.3].

В состав нового отделения вошли: Гисматулла Гайнуллин (председатель), Гариф Хамидов (Хамитов) (казначей), Камалетдин Байбулатов (секретарь), Багаутдин Максудов, Хабибрахман Забиров, Дауд Шейх-Али. Помимо них в уфимское отделение Временного мусульманского комитета входил руководящий состав «Уфимского попечительства о бедных мусульманах»⁴, а именно: председатель Салимгирей Джантюрин (1907–1915 гг.), члены правления Назип Хакимов, Хусаин Асанович, Хабибулла Ахтямов, казначей Сабирзян Шамгулов, секретарь Шахбазгирей Еникеев, кандидатами в его члены являлись Ибрагим Ахтямов, Гумер Терегулов, Габдулла Терегулов, Рустем Еникеев [45, б.4; 48, б.3].

В общественную жизнь было вовлечено и женское мусульманское сообщество Уфы. Еще в 1907 г. в Уфе возникло «Уфимское мусульманское дамское общество», деятельность которого распространялась на всю Уфимскую губернию [38, с.3]. Знаменательно, что на собрании «Уфимского попечительства о бедных мусульманах», состоявшемся 25 марта 1915 г., было выдвинуто предложение (единогласно поддержано) о сотрудничестве женского общества с уфимским отделением Временного мусульманского комитета [48, б.3].

Так же как и мужчины, мусульманские женщины стремились оказать посильную помощь армии. Общество на свои средства открыло и содержало лазарет на 10 кроватей [36, с.290; 63, б.73]. Благое деяние не осталось незамеченным. Так, например, в поддержку мусульманок и их начинаний имам Мензелинской мечети Исмагил Усманов (Гусманов) распорядился передать Фатиме Алкиной на содержание лазарета часть денежных средств, собранных на ярмарке во время пятничной молитвы [39, б.3].

В годы войны в разных регионах России проводилась акция «День звезды» («*Йолдыз көне*»). В частности, такое благотворительное мероприятие, организованное 26 июня 1915 г. уфимским отделением Комите-

⁴ С сентября 1915 г. – «Уфимское мусульманское благотворительное общество».

та⁵, было с воодушевлением воспринято жителями Уфы. Кружечный сбор с продаж значков в пользу солдат и их семей, принесший около 2 тыс. руб.⁶, сплотил горожан разного пола, возраста и вероисповедания.

Это знаменательное событие запечатлела пресса тех лет [см. также: 8, с.186–187], в частности татарская газета «Кояш» («Солнце») в номере от 2 июля 1915 г. Как писало издание, продавали значки на улицах города местные мусульманки в своих оригинальных головных уборах – колпаках – и татарская молодежь. На кружках и лентах были надписи с призывом о помощи воинам и их семьям на русском и татарском языках («*Гаскәрләргә вә аларның гаиләләренә ярдәм итегез!*»). Вся Александровская улица (ныне – Карла Маркса), украшенная флажками, выглядела нарядно. Перед магазином купца С.С. Шамгулова, который находился на углу улиц Александровской и Малой Казанской, вывесили большой плакат с надписью «*Мусульмане воинам / Мөселманнардан гаскәргә*». Между тем перед зданием городской администрации⁷, по словам газеты, «какое-то новшество», не виданное прежде на праздниках и в дни благотворительности. «На более крупных улицах Уфы, таких как Центральная и Пушкинская, особенно оживленно, независимо от национальности, на груди у каждого сверкала звезда», – писало татарское издание [47, б.3]. Помимо членов уфимского отделения Временного мусульманского комитета С.Джантюрина и С.Шамгулова, среди активных организаторов мероприятия были татарские предприниматели – Гибадулла Усманов, Хасан Каримов, Назировы. Следует отметить, что инициативе мусульман оказало большую поддержку и русское население, в числе которых, согласно газете, было много представительниц женского пола и молодых людей [47, б.3].

Белебеевское отделение Временного мусульманского комитета. Благородное дело объединило также мусульман Белебеевского уезда. 17 мая 1915 г. с разрешения уфимского губернатора в уездном центре состоялось многолюдное собрание представителей духовенства, купечества и интеллигенции, в повестке дня которого был вопрос об открытии местного отделения Временного мусульманского комитета. В его состав было избрано 18 человек, из них двенадцать представителей от города: Ямалет-

⁵ Председатель уфимского отделения Комитета распорядился изготовить к этому дню 100 тыс. значков, однако, поскольку реализация проекта в пределах только одного города – задача сложная, поэтому было намечено часть продукции передать другим отделениям [46, б.4]. О том, какие меры были приняты, нам неизвестно.

⁶ Участниками акции было собрано и передано Комитету всего 1945 руб. 98 коп. [32, б.2].

⁷ В этом здании, которое находилось на углу улиц Центральная (ныне – Ленина) и Большая Успенская (ныне – Коммунистическая), в дореволюционный период располагались Городская дума, Городская управа и Городской общественный банк [11, с.76–77].

дин Хурамшин (председатель⁸), Гумер Еникеев, Хайрулла Мамлеев, Нуриахмед Ильясов, Хайдарминле Газимов, мугаллимы Сулейман Амиров и Газим Касимов, Имамутдин Халфин, Мухаметдин Рамазанов, Миннихмед Ильясов, Габдулнасыр Хусаинов, Исхак Вахитов; шесть – от уезда: ахун Искандер Ишаев (д. Давлеканово), имамы Исмагил Исламгулов (д. Никифарово), Сибгатулла Хабилов (д. Метев-Тамак), Миргалим Исламов (д. Карамалы-Губеево), Мухамедмагсум Ямалетдинов (д. Тюрюшево), купец Лотфулла Вильданов (д. Мекаш). Кандидатами в члены белебеевского отделения Временного мусульманского комитета было избрано 6 человек (Г.-Х.Халилов, Х.Юсупов, И.Габбасов, А.Хамзин, Г.Сакаев, С.Ямалетдинов). Здесь же на цели Комитета было собрано около 30 руб. Мероприятие прошло в целом спокойно, единодушно и завершилось общим чаепитием [53, б.3].

Учредительное заседание белебеевского отделения Временного мусульманского комитета состоялось 23 августа 1915 г. На нем был окончательно определен руководящий состав филиала: ахун Белебея Я.Хурамшин – председатель, инструктор общества мелкого кредита Г.Еникеев – товарищ председателя, учитель Х.Мамлеев – секретарь, мугаллим Г.Касимов – товарищ секретаря, купец Миннихмед Ильясов – казначей [5, б.3]. Собрания проходили в доме Я.Хурамшина. Источниками средств являлись денежные пожертвования или лотереи [4, б.3; 5, б.3].

Оказывалась помощь детям военнослужащих. Например, в газете «Тормыш» было объявлено, что в белебеевском медресе, которое в предстоящем 1915/16 учебном году открыло свои двери благодаря стараниям белебеевского ахуна, не будет взиматься плата с учащихся из числа детей призванных на фронт солдат, а также с детей из бедных семей. Кроме того, как отмечало издание, они будут бесплатно обеспечиваться учебными принадлежностями [52, б.3].

Остановимся еще на одном сюжете, имеющем отношение к Я.Хурамшину. К лету 1916 г. Временным мусульманским комитетом был сформирован санитарный транспорт (отряд) имени «Российских мусульман» для оказания медицинской помощи больным и раненым на театре военных действий. Также для отправки в действующую армию были подготовлены подарки (мыло, полотенца, нитки и иголки, конфеты и прочие вещи). Попечителем транспорта являлась Амина-ханум Сыртланова (член Центрального комитета), в качестве военного муллы был приглашен Я.Хурамшин. В газете «Тормыш» было опубликовано письмо белебеевского ахуна, где он описывал путь и первые дни пребывания на передовой. Согласно этому письму, с особой теплотой Я.Хурамшина и А.Сыртланову встретил врач И.М. Потапов – особоуполномоченный Красного Креста (при 12-й армии Северо-Западного фронта по состоянию на 1 марта 1915 г.

⁸ На этом же собрании товарищем председателя был избран давлкановский ахун Искандер Ишаев (ранее имам-хатыб мечети д. Ст. Кункас).

[31, с.2, 14]). Желание руководства санитарного транспорта посетить близлежащие лазареты и встретиться с мусульманскими военнослужащими нашло живой отклик у доктора. Кроме того, со страниц газеты Я.Хурамшин обратился к читателям с просьбой прислать ему газеты и книги, которые он передал бы солдатам [59, б.2].

Следует отметить, что первоначально санитарный транспорт состоял из 85 лошадей и 38 повозок, одной кухни, в его штате находилось около 60 чел. Однако по прибытии на фронт выяснилось, что этого было недостаточно. Благодаря ходатайству Амины-ханум, которая отправилась в столицу для решения вопроса [22, б.2], штат отряда увеличился до 120 чел.⁹ Помимо этого, было передано два автомобиля и два конных экипажа [24, б.2].

Стерлитамакское отделение Временного мусульманского комитета. 17 мая 1915 г., в Стерлитамаке, в зале Стерлитамакской уездной земской управы, прошло собрание мусульман, посвященное вопросам открытия местного отделения Временного мусульманского комитета и организации Сабантуя. Собрание приняло резолюцию об открытии филиала и выделении Комитету денежных средств в размере 200 руб. [56, б.3]. Уже меньше чем через месяц, на очередном июньском заседании благотворительного общества мусульман, был определен его состав: председатель – Гилязутдин Баязитов, помощник председателя – Ходжатулыслам Газыев, казначей – Камалетдин Кайгулов, помощник казначея – Закир Курбангалеев, секретарь – Хабибрахман Забиров, помощник секретаря – Нигметзян Маматов [55, б.3]. Согласно другим сведениям, отделение состояло из 10 человек [10, с.80, 152].

В Стерлитамакском уезде, как и во многих других регионах, и до открытия в уездном центре отделения Временного мусульманского комитета оказывалась помощь семьям крестьян, ушедших на войну, осуществлялся сбор пожертвований в пользу Комитета. Например, весной 1915 г. во многих деревнях односельчане помогали засеивать хлебные поля семьям военнослужащих [50, б.3]. В том же году с 9 по 11 мая в Стерлитамаке отмечался Сабантуй (чистый доход составил около 400 руб.) [51, б.3]. На протяжении месяца благотворительное общество готовилось к национальному празднику. По итогам чрезвычайного собрания общества, состоявшегося 5 апреля 1915 г., был принят ряд решений. В частности, участники собрания в рамках проведения Сабантуя планировали организовать лотерею, а

⁹ В том числе увеличилась численность медицинского персонала. По сведениям газеты «Тормыш», главным врачом отряда состоял «доктор из мусульман по имени Карабаев» (вероятно, речь идет о Мухамеджане Карабаеве (1858–1928), известном представителе казахской национальной интеллигенции). В качестве его помощников были приглашены 6 студентов из мусульман. Кроме того, в отряде находились две сестры милосердия («шафкатъ хамишрәсе» – шафкатъ туташы) [24, б.2].

часть выручки от проведения игры (200 руб.) перечислить в распоряжение Комитета [35, б.4].

Мензелинское отделение Временного мусульманского комитета.

Еще одним уездным городом, в котором действовало отделение Временного мусульманского комитета, был Мензелинск (примечательно, что оно возникло раньше, чем Мензелинское мусульманское благотворительное общество¹⁰). Председателем отделения являлся вышеупомянутый имам Мензелинской мечети Исмагил Усманов. По его инициативе 31 мая 1915 г. в Мензелинске в целях сбора средств на оказание помощи воинам и их семьям поставили спектакли на русском (по мотивам водевиля П.С. Федорова «Аз и Ферт») и татарском (по пьесе Г.Камала «*Беренче театр*» («Первый театр»)) языках. На вечере также в рамках концертной программы были прочитаны отрывки из произведений русской и татарской литературы [49, б.3]. Чистый доход от спектаклей составил 75 руб. [57, б.3].

Кроме того, отделения Временного мусульманского комитета действовали в ряде населенных пунктов региона: это селения Бирского уезда¹¹, Верхние Киги (Златоустовский уезд)¹², Новые Каргалы (Белебеевский уезд) [33, с.95], Мелеуз (Стерлитамакский уезд) [17, б.4] и т.д.

В целом по стране количество отделений Временного мусульманского комитета увеличилось почти вдвое в период с января по август 1915 г. К этому времени насчитывалось около 60 отделений, в пользу солдат и их семейств было собрано приблизительно 33 тыс. руб. [25, б.4]. Повидимому, в дальнейшем этот процесс замедлился. Так, в марте 1916 г. действовало 57 отделений Комитета, лишь 28 из которых были открыты официально, а в его кассе числилось 32 тыс. руб. [7]. Впоследствии география их деятельности расширилась. Всего «в разных губерниях было открыто до 100 его отделений»¹³ [цит. по: 61, с.210].

Большую роль в открытии новых отделений сыграли представители Временного мусульманского комитета. В их числе были Габдулла Гисма-

¹⁰ В реестр обществ и союзов Уфимской губернии Мензелинское мусульманское благотворительное общество было внесено 28 декабря 1915 г. [62, б.4].

¹¹ 2 мая 1915 г. по разрешению земского начальника 12-го участка состоялось совещание жителей ряда селений Исмаиловской волости (Юннино, В.-Чирикулево, Ишкарово и др.). Ходатайство на имя губернатора о разрешении на открытие местного отделения Временного мусульманского комитета подписали более 40 человек. Председателем местного отделения Комитета был избран имам д. Ишкарово Миргасим Мустафин [14, б.3].

¹² На собрании от 22 апреля 1915 г. после долгих дискуссий было принято решение об открытии отделения Временного мусульманского комитета (председатель – мулла Багаутдин-эфенди). Следующее собрание местного отделения Комитета состоялось 5 и 6 ноября 1915 г. после его официального открытия [16, б.3–4; 58, б.3].

¹³ Данные за вторую половину 1916 г.

ти¹⁴ (совершил поездку в города Поволжья и Туркестана) [7] и Габдулла Ибрагимов¹⁵. Кратко остановимся на деятельности последнего. На этом примере раскрывается роль региональных мусульманских интеллектуалов в общественно-политических событиях страны. К тому же результаты их деятельности отражают общественные настроения.

Габдулла Шнаси – представитель Временного мусульманского комитета. Весной 1915 г. Временный мусульманский комитет обратился к Г.Шнаси с просьбой оказать содействие в открытии новых отделений, сборе пожертвований, поиске агентов и т.д. [40, б.3]. Для реализации данных задач ему предлагалось отправиться в Уфимскую, Оренбургскую, Вятскую и Пермскую губернии, и 30-летний мударрис, долго не раздумывая, дал свое согласие. 7 мая 1915 г. он был намерен выехать из Уфы в Троицк [44, б.3]. На страницах татарской печати периодически освещались итоги посещения им населенных пунктов. В качестве примеров приведем описанные в газете «Тормыш» события, связанные с Оренбургской губернией.

Вот как повествовал местный житель о встрече с представителем Комитета: «...Шнаси-эфенди 19 мая (1915 г. – А.А.) был в деревне Ахунова Верхнеуральского уезда, и там, собрав народ, рассказал им о значении Комитета, о необходимости открытия его отделений. Несмотря на то, что хазраты немного прохладно отнеслись, народ очень тепло принял Шнаси-эфенди. Было принято решение об открытии отделения Комитета в составе 9 человек и обратиться к губернатору за получением разрешения. По словам Габдуллы-эфенди, в каждой местности народ, придавая большое значение этому вопросу, выразил искреннюю готовность принять участие. По этой причине он (Шнаси. – А.А.) смотрит с большой надеждой на перспективы Комитета...» [34, б.3].

О том, как мусульманская община Челябинска радушно встретила гостя, написано в статье Г.Шнаси, опубликованной в газете «Тормыш». Участники собрания, состоявшегося 12 июня 1915 г. в Челябинске, единогласно приняли резолюцию о необходимости открытия местного отделения Временного мусульманского комитета и по возвращении председателя

¹⁴ В 1911–1914 гг. учился на юридическом факультете Психоневрологического института в Петербурге, прервал свою учебу из-за сложного материального положения, поступил на службу в Полевое строительное управление. В качестве агента Юрьевского участка Везенбургского района проработал до начала Февральской революции 1917 г. [12, с.161].

¹⁵ Габдулла (Абдулла) Сабирович Ибрагимов (Шнаси, Шөнаси, псевд.) (1885–1938) – педагог, автор учебников по естественным дисциплинам для татарских школ, общественный деятель. В 1912–1915 гг. заведующий учебной частью медресе «Галия» (Уфа), в 1915–1918 гг. преподаватель медресе «Усмания» (Уфа). В конце 1915 г. стал кандидатом в члены правления «Уфимского мусульманского благотворительного общества», с 1917 г. – член правления.

мусульманского благотворительного общества¹⁶ из Москвы решили ходатайствовать перед губернатором. «Мечеть была полна прихожанами, и каждый из них ждал новое слово от мусафира (*«мөсафир»*, юлчы – путник. – А.А.)», – писал автор [60, б.3–4]. Г.Шнаси особо подчеркнул поддержку со стороны ахуна Хакима Салимова, купцов Закира Галеева и Мухамеджана Валеева, общественных деятелей Гарифа Бурнаева и Шакира Салимова.

Читая корреспонденции, можно сделать вывод о плотном графике Г.Шнаси. Уже в ночь с 12 на 13 июня 1915 г. он прибыл поездом в Курган. В своем письме представитель проинформировал о дальнейшем маршруте (Курган – Петропавловск – Омск – Ишим – Ялуторовск – Тюмень – Екатеринбург – Кунгур – Пермь – Оса – Сарапул – Елабуга – Чистополь – Казань – Пенза – Кузнецк – Бугуруслан – Белебей – Давлеканово – Уфа) [60, б.3–4]. Но, очевидно, это далеко не полный список. Известно, например, что 23 и 24 июля 1915 г. Г.Шнаси посетил Нижегородскую ярмарку, и об этом была опубликована небольшая заметка в газете «Тормыш». О том, что на местах осознавалось большое значение такого начинания, свидетельствует еще один факт, связанный с этой крупнейшей ярмаркой Российской империи начала XX в. Имам Второй соборной, или Караван-Сарайской, мечети Оренбурга Нигматулла Тимошев подготовил пятничную проповедь, однако, поприветствовав присутствующих на ярмарке, он представил гостя и передал ему слово. В корреспонденции отмечалось, что Г.Шнаси выступал с речью во многих городских мечетях и покориł сердца слушателей. Лаконичное и доступное выступление оратора так же и здесь вдохновило и мотивировало участников ярмарки, которые, по словам корреспондента, были намерены открыть ящик (*ташкилат* – ячейка) для сбора пожертвований [54, б.3].

В одном из ноябрьских номеров за 1915 г. газеты «Тормыш» также было отмечено, что Г.Шнаси назначили членом химического отдела военно-промышленного комитета [42, б.3].

Заключение. С первых месяцев войны мусульмане Уфимской губернии развернули разноплановую социальную деятельность, основной их задачей была помощь своим единоверцам. В военный период дело оказания помощи военнослужащим и их семьям стало одним из первостепенных направлений общественной работы. Весной 1915 г. в Уфимской губернии начинается процесс образования отделений Временного мусульманского комитета по оказанию помощи воинам и их семьям. В течение года было открыто по меньшей мере 8 местных отделений. Была организована работа по сбору пожертвований, поставлены благотворительные

¹⁶ В этот период полное официальное наименование организации: «Челябинское мусульманское благотворительное общество, учрежденное в память юбилея 300-летия царствования Дома Романовых». Председатель правления – Закир (Мухамет-Закир) Залялетдинович Ахунов (1873–1951) [2, с.14].

спектакли, устроена благотворительная акция «День звезды» и т.д. Таким образом, координируя деятельность по оказанию помощи нуждающимся на местах, они внесли свою лепту в дело благотворительности в годы Первой мировой войны.

В развитие организации российских мусульман «Временный мусульманский комитет по оказанию помощи воинам и их семьям» внесли вклад видные мусульманские интеллектуалы из Уфы – Салимгирей Джантюрин, Ибниямин Ахтямов, Габдулла Ибрагимов (Шнаси), Сабирзян Шамгулов и другие.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арапов Д.* Мусульмане России в годы Первой мировой войны // Ислам в мультикультурном мире: мусульманские движения и механизмы воспроизводства идеологии ислама в современном информационном пространстве / отв. ред. Д.В. Брилев. Казань: Казанский ун-т, 2014. С.418–425. URL: <http://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/111108> (дата обращения: 25.09.2024).
2. *Ахунов Р.Н.* «Тридцать три Ахуна» 3.3. Ахунова. К 150-летию татарского общественного деятеля // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №2. С.10–24. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.10-24>
3. Башкирия в годы Первой мировой войны. 1914–1918: Сборник документов и материалов / сост. Р.Н. Рахимов [и др.]. Уфа: Китап, 2014. 448 с.
4. Бәләбәй // Тормыш. 1915. 15 август.
5. Бәләбәйдә Мувәккәт комитет // Тормыш. 1915. 18 сентябрь.
6. Биографический словарь. Высшие чины Российской Империи (22.10.1721 – 2.03.1917). Т. III. Р-Я / сост. Е.Л. Потемкин. М.: [б. и.], 2017. 597 с.
7. Временный мусульманский комитет по оказанию помощи раненым воинам и их семьям (1914–17) // Ислам в Санкт-Петербурге: энциклопедический словарь / редкол.: Д.З. Хайретдинов (сост. и отв. ред.) [и др.]. Вып.3. М.: Издательский дом «Медина», 2009. С.55.
8. *Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М.* Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.): монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. 396 с.
9. *Дәүләтшин Г.-Г.* Петроградтагы Мувәккәт мөселман комитеты / Г.-Г.Дәүләтшин, Х.Мансуров, С.-Г.Жантурин // Тормыш. 1915. 12 март.
10. Дневник татарского муллы Мухамметгарифа Рамеева = Татар мулласы Мөхәммәтгариф Рәмиев көндәлеге / сост. Р.Ф. Масагутов, пер. А.М. Гайнутдинов. Казань: Грумант, 2022. 180 с.
11. *Егоров П.* Путеводитель по исторической части Уфы / П.Егоров, А.Чечуха. 2-е изд., перераб. Уфа: Белая река, 2019. 208 с.
12. *Ергин Ю.В.* А.Т. Гисматуллин – нарком просвещения Башкирской республики в 1926–1928 годах // Педагогический журнал Башкортостана. 2010. №5. С.159–167.
13. *Жантурин.* Хосусый телеграмм // Тормыш. 1914. 14 декабрь.
14. *Зәйнәшев М.* Шөгъбә ачу // Тормыш. 1915. 22 май.

15. Миннуллин З.С. Татарские благотворительные общества: от общины к обществу // Научный Татарстан. 2017. №2. С.5–18.
16. Морадый Х. Авыл жәмгыяте жыены // Тормыш. 1915. 5 май.
17. Мөгаллим Мисыр әл-галими. Мөселман комитетының Мәләвез шөгъбәсендә // Вақыт. 1915. 31 декабрь.
18. Мөселман жәмгыятләре съезды // Вақыт. 1914. 11 декабрь.
19. Мөселман жәмгыятләре съезды // Вақыт. 1914. 12 декабрь.
20. Мөселман жәмгыятләре съездының карарлары // Тормыш. 1914. 21 декабрь.
21. Мөселман жәмгыятләренң съезды // Тормыш. 1914. 18 декабрь.
22. Мөселман отряды зурайтылу // Тормыш. 1916. 10 июль.
23. Мувәккәт мөселман комитеты идарәсеннән // Вақыт. 1915. 24 декабрь.
24. Мувәккәт мөселман комитетының отряды // Тормыш. 1916. 5 октябрь.
25. Мувәккәт мөселман комитетының циркуляры // Тормыш. 1915. 9 август.
26. Отечественные войны 1812–1814 и 1914–1917 гг.: Память и уроки: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Первая мировая война как первый военный конфликт мирового масштаба» (г. Уфа, 16 октября 2014 г.) / сост.: Р.Н. Рахимов, З.Р. Сабирова. М.Н. Фархшатов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. 464 с.
27. Петроградта Мөселман жәмгыятләренң съезды // Тормыш. 1914. 19 декабрь.
28. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / изд. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел / под ред. Н.А. Тройницкого. Т.XLV. Уфимская губерния: тетрадь 2 (последняя). СПб.: Изд-е ЦСК МВД, 1904. 189 с.
29. Плешко С.П. Краткий обзор цифровых данных по Уфимской губернии // Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / изд. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел / под ред. Н.А. Тройницкого. Т.XLV. Уфимская губерния: тетрадь 2 (последняя). СПб.: Изд-е ЦСК МВД, 1904. С.III–XI.
30. Положение о Временном мусульманском комитете по оказанию помощи воинам и их семьям [Утв. 5 февр. 1915 г.]. Петроград, 1915. 4 с.
31. Российское общество Красного Креста. Список лиц, состоящих на службе общества в районе армий Северо-Западного фронта. Исправлен по 1 марта 1915 года / Российское общество Красного Креста. Седлец, 1915. 28, VI с.
32. Самад. Бер еллык Уфа хяте // Тормыш. 1916. 13 гыйнвар.
33. Санчулеев. Внешкольное образование в Каргалинском районе, Белеб[еевский] у[езд] // Бюллетень отдела народного образования Уфимской губернской земской управы. 1916. №1. С.95–96.
34. Солтанов И. Верхний Урал өязендә Габдулла Шнаси әфәнде // Тормыш. 1915. 31 май.
35. Стәрлетамак хәбәрләре (үз мөхбирләребездән) // Вақыт. 1915. 17 апрель.
36. Сулейманова Р.Н. Благотворительное движение в России в годы I мировой войны (на примере Уфимской и Оренбургской губерний) // Отечественные войны 1812–1814 и 1914–1917 гг.: Память и уроки: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Первая мировая война как первый военный конфликт мирового масштаба» (г. Уфа, 16 октября 2014 г.) / сост. Р.Н. Рахимов, З.Р. Сабирова. М.Н. Фархшатов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С.283–295.

37. Сулейманова Р.Н. В единении – сила! Женские общества в Башкортостане на рубеже XIX–XX вв. Краткий исторический очерк. Уфа: Изд-во «Белая река», 2008. 135 с.

38. Устав Уфимского мусульманского дамского общества. Уфа: Электро-Типография «Восточная печать», 1913. 37, [1] с.

39. Уфада // Тормыш. 1915. 25 гыйнвар.

40. Уфада // Тормыш. 1915. 28 апрель.

41. Уфада // Тормыш. 1915. 4 март.

42. Уфада // Тормыш. 1915. 4 ноябрь.

43. Уфада // Тормыш. 1915. 5 апрель.

44. Уфада // Тормыш. 1915. 6 май.

45. Уфада // Тормыш. 1915. 7 апрель.

46. Уфада йолдыз көне // Тормыш. 1915. 17 июнь.

47. Уфада йолдыз сату көне // Кояш. 1915. 2 июль.

48. Уфада. Жәмгыятьләр жыены // Тормыш. 1915. 27 март.

49. Үз мөхбирләребездән (кичегеп килде). Минзәлә // Тормыш. 1915. 4 июнь.

50. Үз мөхбирләребездән (Стәрлетамактан) // Тормыш. 1915. 30 апрель.

51. Үз мөхбирләребездән (Стәрлетамактан) // Тормыш. 1915. 4 июнь.

52. Үз мөхбирләребездән. Бәләбәй мәдрәсәсе // Тормыш. 1915. 18 сентябрь.

53. Үз мөхбирләребездән. Бәләбәйдән // Тормыш. 1915. 22 май.

54. Үз мөхбирләребездән. Мәкәржәдә Мөселман комитеты вәкиле // Тормыш. 1915. 6 август.

55. Үз мөхбирләребездән. Стәрлетамак // Тормыш. 1915. 24 июнь.

56. Үз мөхбирләребездән. Стәрлетамак // Тормыш. 1915. 29 май.

57. Үз мөхбирләребездән. Хосусый телеграмм. Минзәлә // Тормыш. 1915. 7 июнь.

58. Үрге Кыйгыда Мөселман комитетының шөгъбәсе // Тормыш. 1915. 18 ноябрь.

59. Хурамышин Ж. Мөселман отряды // Тормыш. 1916. 10 июль.

60. Шнаси Г. Мувәккәт мөселман комитетының шөгъбәләре. Сигезенче шөгъбә Чиләбедә // Тормыш. 1915. 18 июнь.

61. Ямаева Л.А. Мусульманский либерализм начала XX в. как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний). Уфа: Гилем, 2002. 300 с.

62. Яңа жәмгыяте хәйрия // Тормыш. 1916. 22 гыйнвар.

63. XX гасыр башы татар вакытлы матбугатында хатын-кыз мәгарифе мәсьәләләре (документлар жыйнагы) / төз.-авт.: Л.Р. Мортазина, А.Ә. Зиннәтуллина. Казан: ТР ФА Ш. Мәржани исем. Тарих институты, 2020. 380 б.

Информация об авторе:

Ахтямова Алсу Вазиховна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-0076-0731; e-mail: alsu_was@mail.ru

Поступила 01.10.2024

Принята к публикации 05.11.2024

Coverage of the activities of the Ufa province branches
of Temporary Muslim Committee for assistance to soldiers
and their families on the pages of pre-revolutionary Tatar newspapers

A.V. Akhtyamova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article examines the process of formation and development of the branches of the Temporary Muslim Committee for assistance to soldiers and their families in the Ufa province. This committee was the largest officially authorized organization of Russian Muslims during the World War I. The following pre-revolutionary newspapers in the Tatar language are used for analysis: "Tormish" (Ufa), "Vakyt" (Orenburg), "Koyash" (Kazan). The study of press materials makes it possible to assess the contribution of regional leaders to the development of the Temporary Muslim Committee, to form an idea of the methods of providing charitable assistance to the population of the Ufa province, and the human qualities of prominent Muslim figures who defended the interests of the Fatherland during the war. In particular, the focus of the research is on Salimgirey Dzhantyurin, Ibniyamin Akhtyamov, Gabdulla Ibragimov (Shnasi) and many others. The role of Muslim women in organizing assistance to military personnel is noted.

Keywords: World War I, Muslim charitable society, Temporary Muslim Committee for assistance to soldiers and their families, branches, Ufa province, Tatar periodical press

For citation: Akhtyamova A.V. Coverage of the activities of the Ufa province branches of Temporary Muslim Committee for assistance to soldiers and their families on the pages of pre-revolutionary Tatar newspapers. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.4, pp.139–156. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.139-156> (In Russian)

REFERENCES

1. Arapov D. Muslims in Russia during World War I. *Islam in a Multicultural World: Muslim Movements and Mechanisms of Reproduction of islamic ideology in the modern information space*. Ed. by D.V. Brilev. Kazan: Kazan Federal University, 2014. Pp.418–425. URL: <http://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/111108> (accessed: 25.09.2024). (In Russian)
2. Akhunov R.N. "Thirty-three Ahuns" of Z.Z. Akhunov. To the 150th anniversary of the Tatar public figure. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.2, pp.10–24. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.10-24> (In Russian)
3. *Bashkiria during the World War I. 1914–1918. Collection of documents and materials*. Ed. by R.N. Rakhimov and others. Ufa: Kitap Publ., 2014. 448 p. (In Russian)

4. Belebey. *Tormysh*, 1915, August 15. (In Tatar)
5. Temporary Committee in Belebey. *Tormysh*, 1915, September 18. (In Tatar)
6. *Biographical dictionary. Highest ranks of the Russian Empire (1721/10/22–1917/03/02)*. Vol.3. R-Ya. Ed. by E.L. Potemkin. Moscow, 2017. 597 p. (In Russian)
7. Temporary Muslim Committee for the relief of wounded soldiers and their families (1914–17). *Islam in Saint Petersburg: encyclopedic dictionary*. Ed. by D.Z. Khayretdinov and others. Vol.3. Moscow: Medina Publ., 2009. P.55. (In Russian)
8. Gabdrafikova L.R., Abdullin Kh.M. *Tatars during the First World War (1914–1918): monograph*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2015. 396 p. (In Russian)
9. Davletshin A.-A., Mansurov Kh., Dzhanturyin S.-G. Temporary Muslim Committee in Petrograd. *Tormysh*, March 12, 1915. (In Tatar)
10. *Diary of Tatar mullah Mukhammetgarif Rameev*. Ed. by R.F. Masagutov, trans. by A.M. Gaynutdinov. Kazan: Grumant Publ., 2022. 180 p. (In Russian, In Tatar)
11. Egorov P., Chechukha A. *Guide to the historical part of Ufa*. 2nd ed. Ufa: White River Publ., 2019. 208 p. (In Russian)
12. Ergin Yu.V. A.T. Gismatullin – People's Commissar of Education of the Bashkir Republic in 1926–1928. *Pedagogical journal of Bashkortostan*, 2010, no.5, pp.159–167. (In Russian)
13. Dzhanturyin. Special telegram. *Tormysh*, 1915, December 14. (In Tatar)
14. Zaynashev M. Opening of a branch. *Tormysh*, 1915, May 22. (In Tatar)
15. Minnullin Z.S. Tatar charitable societies: from community to society. *Scientific Tatarstan*, 2017, no.2, pp.5–18. (In Russian)
16. Muradi Kh. Rural Community meeting. *Tormysh*, 1915, May 5. (In Tatar)
17. Mugallim al'-galimi M. In the Meleuzovsky branch of the Muslim Committee. *Vakyt*, 1915, December 31. (In Tatar)
18. Congress of Muslim organizations. *Vakyt*, 1914, December 11. (In Tatar)
19. Congress of Muslim organizations. *Vakyt*, 1914, December 12. (In Tatar)
20. Decisions of the Congress of Muslim Organizations. *Tormysh*, 1914, December 21. (In Tatar)
21. Congress of Muslim organizations. *Tormysh*, 1914, December 18. (In Tatar)
22. Expansion of the Muslim detachment. *Tormysh*, 1916, July 10. (In Tatar)
23. From the leadership of the Temporary Muslim Committee. *Vakyt*, 1915, December 24. (In Tatar)
24. Detachment of the Temporary Muslim Committee. *Tormysh*, 1916, October 5. (In Tatar)
25. Circular of the Temporary Muslim Committee. *Tormysh*, 1915, August 9. (In Tatar)
26. *Patriotic Wars of 1812–1814 and 1914–1917: memory and lessons: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference "The First World War as the first military conflict of a global scale" (Ufa, October 16, 2014)*. Ed. by R.N. Rakhimov, Z.R. Sabirova, M.N. Farkhatov. Ufa: Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2014. 464 p. (In Russian)
27. Congress of Muslim Organizations in Petrograd. *Tormysh*, 1914, December 19. (In Tatar)

28. *First general census of the population of the Russian Empire in 1897*. Ed. by N.A. Troinitsky. Vol.45. Ufa Province: notebook 2 (last). St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1904. 189 p. (In Russian)
29. Pleshko S.P. Brief overview of digital data on the Ufa province. *First general census of the population of the Russian Empire in 1897*. Ed. by N.A. Troinitsky. Vol.45. Ufa Province: notebook 2 (last). St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1904. Pp.3–11. (In Russian)
30. *Regulations on the Temporary Muslim Committee for assistance to soldiers and their families*. Petrograd, 1915. 4 p. (In Russian)
31. *Russian Red Cross Society. List of persons serving the society in the area of the armies of the Northwestern Front*. Sedlec, 1915. 28, [6] p. (In Russian)
32. Samad. One year in the life of Ufa. *Tormysh*, 1916, January 13. (In Tatar)
33. Sanchuleev. Extracurricular education in Kargalinsky district, Belebeevsky district. *Bulletin of the Department of Public Education of the Ufa Provincial Zemstvo Council*. 1916, no.1, pp.95–96. (In Russian)
34. Sultanov I. Gabdulla Shnasi-effendi in Verkhneuralsk district. *Tormysh*, 1915, May 31. (In Tatar)
35. Sterlitamak news (from our correspondent). *Vakyt*, 1915, April 17. (In Tatar)
36. Suleymanova R.N. Charitable movement in Russia during the First World War (on the example of Ufa and Orenburg provinces). *Patriotic Wars of 1812–1814 and 1914–1917: memory and lessons: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference "The First World War as the first military conflict of a global scale" (Ufa, October 16, 2014)*. Ed. by R.N. Rakhimov, Z.R. Sabirova, M.N. Farkhshatov. Ufa: Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2014. Pp.283–295 (In Russian)
37. Suleymanova R.N. *Strength in unity! Women's societies in Bashkortostan at the turn of the 19th and 20th centuries. A brief historical essay*. Ufa: Belaya Reka Publ., 2008. 135 p. (In Russian)
38. *Charter of the Ufa Muslim Ladies' Society*. Ufa: Eastern Printing Publ., 1913. 37 p. (In Russian, In Tatar)
39. In Ufa. *Tormysh*, 1915, January 25. (In Tatar)
40. In Ufa. *Tormysh*, 1915, April 28. (In Tatar)
41. In Ufa. *Tormysh*, 1915, March 4. (In Tatar)
42. In Ufa. *Tormysh*, 1915, November 4. (In Tatar)
43. In Ufa. *Tormysh*, 1915, April 5. (In Tatar)
44. In Ufa. *Tormysh*, 1915, May 6. (In Tatar)
45. In Ufa. *Tormysh*, 1915, April 7. (In Tatar)
46. Star Day in Ufa. *Tormysh*, 1915, June 17. (In Tatar)
47. Star Sales Day in Ufa. *Koyash*, 1915, July 2. (In Tatar)
48. In Ufa. Meeting of societies. *Tormysh*, 1915, March 27. (In Tatar)
49. From our correspondent (arrived late). Menzelinsk. *Tormysh*, 1915, June 4. (In Tatar)
50. From our correspondent. From Sterlitamak. *Tormysh*, 1915, April 30. (In Tatar)
51. From our correspondent. From Sterlitamak. *Tormysh*, 1915, June 4. (In Tatar)
52. From our correspondent. Belebeevsky Madrasah. *Tormysh*, 1915, September 18. (In Tatar)
53. From our correspondent. From Belebey. *Tormysh*, 1915, May 22. (In Tatar)

54. From our correspondent. Representative of the Muslim Committee in Makaryevo. *Tormysh*, 1915, August 6. (In Tatar)
55. From our correspondent. Sterlitamak. *Tormysh*, 1915, June 24. (In Tatar)
56. From our correspondent. Sterlitamak. *Tormysh*, 1915, May 29. (In Tatar)
57. From our correspondent. Special telegram. Menzelinsk. *Tormysh*, 1915, June 7. (In Tatar)
58. Branch of the Muslim Committee in Upper Kigah. *Tormysh*, 1915, November 18. (In Tatar)
59. Khuramshin Ya. Muslim detachment. *Tormysh*, 1916, July 10. (In Tatar)
60. Shnasi G. Branches of the Temporary Muslim Committee. The eighth branch in Chelyabinsk. *Tormysh*, 1915, June 18. (In Tatar)
61. Yamaeva L.A. *Muslim liberalism at the beginning of the 20th century as a socio-political movement (based on documents of Ufa and Orenburg provinces)*. Ufa: Gilem Publ., 2002. 300 p. (In Russian)
62. New Charity Society. *Tormysh*, 1916, January 22. (In Tatar)
63. *Issues of women's education in the Tatar periodical press of the early 20th century: collection of documents*. Compiled by Murtazina L.R., Zinnatullina A.A. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2020. 380 p. (In Tatar)

About the author:

Akhtyamova Alsu Vazikhovna – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-0076-0731; e-mail: alsu_was@mail.ru

Received October 1, 2024

Accepted for publication November 5, 2024

УДК 929(47)"1914/1918"

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-4.157-163

Индерцы – участники Первой мировой войны

Р.Х. Абдуллина

МБОУ СОШ с. Индерка

с. Индерка, Пензенская обл., Российская Федерация

Данная статья посвящена изучению участия жителей татарского села Индерка Сосновоборского района Пензенской области в Первой мировой войне. Центральным является вопрос о судьбе участников войны. Основная цель исследования – проследить их боевой и жизненный путь. Статья содержит краткие биографии ветеранов.

Ключевые слова: Индерка, Пензенская область, история села, татары, Первая мировая война

Для цитирования: Абдуллина Р.Х. Индерцы – участники Первой мировой войны // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №4. С.157–163. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.157-163>

110 лет назад, 1 августа 1914 г., началась Первая мировая война, ставшая бедствием не только для жителей европейских стран и России – она затронула более 80% населения земли. В ней погибли миллионы людей и еще больше стали инвалидами. В этой войне противостояли друг другу два военных союза: с одной стороны, Германия, Австро-Венгрия, Османская империя и Болгария, с другой – союз России, Франции и Англии (так называемая Антанта) [2].

Первая мировая война не обошла стороной и жителей д. Индерки Сюzumской волости Кузнецкого уезда Саратовской губернии. Многие мужчины были мобилизованы на фронт [3]. Для татар Пензенского края защита Отечества всегда являлась делом чести. Примером тому служат их ратные подвиги в Отечественной войне 1812 г. [1]. В начале XX в. Первую мировую войну часто именовали Второй Отечественной и придавали участию в ней такое же значение, как и отражению вторжения наполеоновской армии в Россию в 1812 г.

На сегодняшний день выявлено 10 индерцев – участников Первой мировой войны: Аббясов Ибрагим Сулейманович (1893–1954), Баишев Исхак Юнусович (1881–1966), Куликов Айнетдин Зарифович, Абубекеров Юнус Мухаммеджанович (1894–1957), Баишев Ибрагим Хусаинович (1880–1950), Куликов Абдельман Хусаинович, Надеев Ибрагим, Зябиров Хайрулла Мустафович (1892 г.р.), Баишев Ибрагим Зарифович (1892–1974), Баишев Муса Зарифович (1878–1952).

Одним из участников Первой мировой войны был Аббясов Ибрагим Сулейманович. Он родился 28 июня 1893 г. в д. Индерка в семье кузнеца. Ибрагим освоил кузнечное дело и стал помогать отцу. В 1914 г. Ибрагима, вместе с другими сельчанами, мобилизовали в армию. Воевать пришлось в Закавказье. И.С. Аббясов служил в прославленном Грузинском 14-м гренадерском полку. Полк входил в состав 2-го кавказского армейского корпуса.

В его семье сохранилось удостоверение о награждении Георгиевским крестом 4-й степени за №93030. Это была исключительно почетная боевая награда. Будучи ефрейтором Грузинского 14-го гренадерского полка, он храбро сражался против турков, награжден 29 февраля 1916 г. Эта серебряная награда, вероятно, была обменена им на подарки. В конце 1917 г. он демобилизовался из армии, вернулся в родное село, помогал родителям по хозяйству, строил свой дом, затем женился на односельчанке по имени Хабибя; открыл пекарню, которую в период коллективизации национализировали. Ибрагим Сулейманович вынужден был работать на суконной фабрике в пос. Сосновоборск (Литвино). Жизнь вновь постепенно налаживалась. Вместе с Хабибей Хасяновной (1895–1979) вырастили шестерых детей: Джафяр, Зейтюня, Хайдар, Гаяз, Ярулла, Сания. Потомки И.С. Аббясова знают и гордятся подвигом своего предка и спустя 110 лет¹.

Интересна судьба Баишева Исхака Юнусовича. Его младшая дочь Кафтаева Айша Исхаковна (1931 г.р.) умерла в 2013 г. Она любила рассказывать о своем отце, на долю которого выпала нелегкая судьба. Исхак Юнусович родился в 1881 г. в д. Индерка. Отца звали Юнус, а мать – Азизя. У Баишева Юнуса было 8 детей: 4 сына и 4 дочери: Исхак, Хасян, Хусяин, Ибрагим, Камяр, Кадича, Айша, Сярви. В 1912 г. Исхак женился на Мельзетдиновой Деляфрус Ибрагимовне. После женитьбы молодожены уехали в Польшу. Жили в Варшаве, он занимался коммерцией, продавал мануфактуру купца Мубина Баишева. С началом войны Исхака Баишева мобилизовали на фронт, а жену с дочерью Джавяр эвакуировали на Родину.

Исхак был отправлен на Кавказский фронт – в район города Трапезунд. По названию этого города он получил и свое местное прозвище «Трапезунд». На вопрос, где он воевал, он неизменно отвечал: «Трапезунд». А со временем Трапезунд сократился до Трпай. В 1918 г. был ранен в ногу. Лечился в госпитале в Тифлисе. Поначалу ногу хотели ампутировать, однако пожилой и опытный военный хирург посоветовал отказаться от ампутации, т.к. кость не была задета. В том же году по ранению был демобилизован. Когда эшелон остановился в Кузнецке (тогда уездный центр в Саратовской губернии), выяснилось, что город занят чехами и всех, кто был за большевиков, расстреливали около моста. С Первой мировой войны он попал на Гражданскую. Исхак прямо с эшелона на костылях двинулся в родное село.

¹ Ахмерова Иркям. Доблестные сыны Отечества (исследовательская работа) // Музей боевой и трудовой славы МБОУ СОШ с. Индерка.

В 1921 г., в годы НЭПа, получив разрешение от властей в уездном центре (долгое время этот документ хранился в семье, но потом потеряли), он создал пасеку на берегу реки Суры: расчистил территорию, посадил медоносные деревья и кустарники, построил дом, помещение для пчелиных ульев. И.Ю. Баишев был очень честным и трудолюбивым человеком. Он занимался и земледелием, имел два гектара земли, в зимнее время столярничал – делал сундуки. За неделю получалось сделать 1 сундук. Жена с детьми помогали с продажами, ходили в соседние села: Бестянку, Тарлаково, Марьевку. Времена были тяжелые, иногда меняли сундук на мешок картошки. В 1930 г. во время коллективизации все его имущество было конфисковано в административном порядке: 50 пчелосемей, 1 лошадь, 1 корова, овцы и все остальное². Его ульи стали основой колхозной пасеки. И.Ю. Баишев вынужден был вступить в колхоз. Работал на своей бывшей, уже колхозной, пасеке.

Исхак Баишев трудился на пасеке несколько десятилетий. Ушел на заслуженный отдых, когда ему уже было 80 лет³. В последний год своей жизни Исхак бабай, или Трапезунд бабай, как его называли в селе, часто посещал пасеку, которую он основал и которую у него отняли, и не мог сдерживать слез. Умер И.Ю. Баишев в 1966 г. в возрасте 85 лет. У него было 6 детей: Джавяр, Адиля, Мяхмюзя, Зюгря, Хайдар, Айша. Жители с. Индерка до сих пор вспоминают его как честного и трудолюбивого человека. В подвалах сельчан еще хранятся сундуки, сделанные его руками. В конце XX в., когда началась новая волна реабилитаций, его дочери Айше приснился сон, где отец просил ее пойти на их пасеку. Для себя она истолковала его как просьбу отца хлопотать о возвращении пасеки своей семье. Несмотря на преклонный возраст, она занялась судебными хлопотами по этому вопросу. Обращалась в архивы. В 2005 г. И.Ю. Баишев был реабилитирован⁴. Суд назначил компенсацию по 5 тыс. руб. двум наследникам. Но пасеку не вернули. Айша Исхаковна принципиально отказалась от своей доли. Она считала, что это будет предательством по отношению к памяти отца⁵.

В школьном музее с. Индерка также хранятся письма Куликова Айнетдина Зарифовича – участника Первой мировой войны. Всего их 15, большинство написаны, будучи в плену.

О судьбе Айнетдина Зарифовича после марта 1916 г. ничего не известно. Из одного письма становится понятно, что на фронте был и Аб-

² Воспоминания А.И. Кафтаевой // Музей боевой и трудовой славы МБОУ СОШ с. Индерка.

³ Абдуллина Фарида (двоюродная правнучка Исхака Баишева). История одной пасеки (исследовательская работа) // Музей боевой и трудовой славы МБОУ СОШ с. Индерка.

⁴ Справка о реабилитации И.Ю. Баишева // Музей боевой и трудовой славы МБОУ СОШ с. Индерка.

⁵ Абдуллина Фарида. Исследовательская работа, 2007 г. // Личный архив Р.Х. Абдуллиной.

дулла (Абдельмян) Куликов, который через него передавал привет. Возможно, эти письма написаны его сослуживцами – почерк на открытках разный. Так же интересен факт, что письма написаны на кириллице, несмотря на то, что татары в начале XX в. использовали арабскую графику. Это может быть связано с цензурой и пропускали только такие письма. Есть предположения, что Айнетдин Зарифович после войны остался в Австрии или перебрался в Турцию. В одном из последних писем он сообщает, что женился и остается там⁶.

Кузнецкий краевед Сергей Васильевич Самарин поделился документами, которые он выявил в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и Российского государственного военного архива (РГВА), где упоминаются индерские солдаты: И.З. Баишев, Х.М. Зябиров. В них есть информация о том, что в Индерке в годы Первой мировой войны находился военный госпиталь. О существовании госпиталя упоминали и индерские старожилы. Из этих документов (уведомлений о приеме в госпиталь) стали известны следующие факты об участниках войны.

Баишев Ибрагим Зарифович
(1892–1974)
с семьей. 1920-е годы XX в.
Фото из личного архива потомков

Зябиров Хайрулла Мустафович (1892 г.р.), до войны занимался торговлей. Был женат. Воевал в 408-м пехотном Кузнецком полку в 7-й роте рядовым. В 1915 г. находился на излечении в Москве. Болел брюшным тифом. Во время военных действий 7 июля 1916 г. был ранен за Луцком. После ранения лечился в лазарете г. Таганрога.

Баишев Ибрагим Зарифович (1892 г.р.), из крестьянского сословия. Был гвардейцем Лейб-гвардии Драгунского Императорского Высочества Великой княгини Марии Павловны полка. Принимал участие в сражениях на фронтах Первой мировой войны. В декабре 1914 г. был легко ранен (контузия). Поступил в госпиталь 1-й Кавалерийской дивизии в Москве 21 декабря 1914 г.⁷

⁶ Интервью с Р.Саксуновой. 15 февраля 2017 г. // Личный архив Р.Х. Абдуллиной.

⁷ Баримаев Ильдар. Баишевы на защите Отечества (исследовательская работа) // Музей боевой и трудовой славы МБОУ СОШ с. Индерка.

Баишев Муса Зарифович (брат Ибрагима Баишева) был офицером царской армии. О его судьбе рассказала внучка Дамиря Салиховна, которая проживает в Пензе. Муса Зарифович родился в 1878 г. в Индерке. В молодости занимался торговлей, ездил с товарами в Кузнецк, Харьков, Лодзь. Был призван в армию. Принял участие в Первой мировой войне. Дослужился до звания офицера. После войны работал на кирпичном заводе в Индерке. Был женат. Родились 7 детей, 4 из них умерли в детстве. В живых остались Алия, Джафяр, Салих⁸. О братьях Баишевых было упомянуто и в исследовательской работе Ильдара Баримаева (2021 г.), который является их потомком по линии матери.

Следующий герой – Абубекиров Юнус Мухамеджанович. Информацией о нем поделилась его внучка Гафарова Сайдя Умяровна. Юнус родился 15 мая 1894 г. в крестьянской семье. В начале войны ему было 20 лет, и он был мобилизован. Служил в Грузинском 14-м гренадерском полку вместе со своими односельчанами. В одном из боев он попал в плен. Долгие шесть лет он провел в неволе, вдали от родного дома в чужой стране. Именно там, в далеком баварском городке Пуххайм, ему суждено было встретить свою первую любовь – девушку по имени Хельга (сохранилась фотография в семейном архиве Абубекировых). После войны Юнус вернулся домой, а Хельга осталась в Баварии.

Ю.М. Абубекиров начинает вместе со своими односельчанами строить новую жизнь. Работает бригадиром строительной бригады в районе, занимается строительством дороги Сосновоборск – Сюзюм. Односельчане отмечали его хозяйственность, природный ум и смекалку. 21 апреля 1921 г. он женился на Аделовой Айнелхаят Хусяиновне. У них родились трое детей: мальчик и две девочки. В 1943 г. в возрасте 17 лет его сын Абубекиров Адгем Юнусович был призван на фронт. И ему, как когда-то его отцу, пришлось воевать против Германии. Но вернуться с войны, к сожалению, ему было не суждено – пропал без вести.

Строителем Юнус работал до самой пенсии. По воспоминаниям односельчан, был человеком, который «болел» за свое дело, старался за счет рационализаторских идей облегчить тяжелый труд колхозников. До наших дней сохранились чертежи и расчеты зданий, созданных Юнусом Мухамеджановичем. Умер Ю.М. Абубекиров в феврале 1957 г. в окружении любящих детей и родственников⁹.

Таким образом, д. Индерка не осталась в стороне от большой мировой политики. Индерские мужчины воевали на разных фронтах Первой мировой войны. Их жизнь после войны сложилась по-разному. На территории самой Индерки в 1914–1918 гг. действовал военный госпиталь, рас-

⁸ Интервью с Дамирой Салиховной Баишевой. 5 августа 2024 г. // Личный архив Р.Х. Абдуллиной.

⁹ Интервью с Сайдой Умяровной Гафаровой. 30 июля 2024 г. // Личный архив Р.Х. Абдуллиной.

полагавшийся в Доме Баишевых (ныне памятник архитектуры XIX в.)¹⁰. Поиски сведений по этой теме продолжаются.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдуллин Х.М.* Татары и войска ополчения в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах 1813–1814 гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №1. С.84–93. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.84-93>

2. *Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М.* Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.): монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. 396 с.

3. *Кондрашин В.В.* Пензенская губерния в годы Первой мировой войны // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. №1(61). С.112–134. <https://doi.org/10.21685/2072-3024-2022-1-10>

Информация об авторе:

Абдуллина Ряшидя Хамзиевна – учитель истории, муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа села Индерка Сосновоборского района Пензенской области (с. Индерка, Пензенская обл., Российская Федерация); ORCID: 0009-0003-5617-0498; e-mail: abdullina-ral@yandex.ru

Поступила 30.09.2024

Принята к публикации 21.10.2024

Inderka residents – participants of the World War I

R.Kh. Abdullina

Inderka village secondary general education school

Inderka village, Penza region, Russian Federation

This article is devoted to the study of participation of residents of the Tatar village Inderka of Sosnovoborskiy district of the Penza region in the World War I. The central issue is the fate of the war participants. The primary goal of the research is to trace their military and personal journeys. The article includes brief biographies of veterans.

Keywords: Inderka village, Penza region, village history, Tatars, World War I

¹⁰ В статье использованы документы Музея боевой и трудовой славы МБОУ СОШ с. Индерка, сведения, предоставленные потомками ветеранов, материалы из исследовательских работ учащихся Индерской средней школы.

For citation: Abdullina R.Kh. Inderka residents – participants of the World War I. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.4, pp.157–163. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.157-163> (In Russian)

REFERENCES

1. Abdullin Kh.M. Tatars and militia troops in the Patriotic War of 1812 and Foreign campaigns of 1813–1814. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.1, pp.84–93. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.84-93> (In Russian)
2. Gabdräfikova L.R., Abdullin Kh.M. *Tatars during the First World War (1914–1918): monograph*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2015. 396 p.
3. Kondrashin V.V. Penza province during the First World War. *News of higher educational institutions. Volga region. Humanities*. 2022, no.1(61), pp.112–134. <https://doi.org/10.21685/2072-3024-2022-1-10>

About the author:

Abdullina Ryashidya Khamzievna – history teacher, Inderka village secondary general education school in Sosnovoborsky district of Penza region (Inderka village, Penza region, Russian Federation); ORCID: 0009-0003-5617-0498; e-mail: abdullinaral@yandex.ru

Received September 30, 2024

Accepted for publication October 21, 2024

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКА

УДК 94(470.5)"15/17"

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-4.164-176

Новые материалы по истории рода каринских (арских) князей Давлетьяровых (XVI–XVIII вв.)

Р.Р. Исхаков, О.О. Владимиров

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

В публикации представлены документы из фонда «Уфимская приказная изба» Российского государственного архива древних актов (РГАДА), раскрывающие ряд вопросов по истории рода каринских князей Давлетьяровых. Данные материалы расширяют источниковую базу для исследования истории каринских татар, а также процессов их миграции в Приуралье и интеграции в социальную структуру населения Уфимского уезда в XVII в. Публикация может быть полезной при изучении социальных процессов, происходивших в Волго-Уральского регионе в XVI–XVIII вв., а также для исследований по генеалогии и краеведению.

Ключевые слова: Уфимский уезд, каринские татары, князья Давлетьяровы, Приуралье, Карино, Вятская земля

Для цитирования: Исхаков Р.Р., Владимиров О.О. Новые материалы по истории рода каринских (арских) князей Давлетьяровых (XVI–XVIII вв.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №4. С.164–176. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.164-176>

Одним из богатых архивных собраний, в котором отложились разноплановые материалы по социальной истории татарского народа, является фонд «Уфимская приказная изба» Российского государственного архива древних актов. В нем представлены документы писцового делопроизводства по Уфимскому уезду, а также актовые материалы одного из центральных органов власти Русского государства – приказа Казанского дворца. Специфика местного управления и деятельность уфимской администрации, имевшей широкий круг полномочий, обусловили появление в данном фонде ценных материалов о фискальном учете ясачного населения, судебном делопроизводстве по земельным спорам и т.д. Наличие документов по такому широкому спектру вопросов делает этот фонд наибо-

лее значимым для изучения системы землевладения и социальной стратификации населения Приуралья в XVII в., а также специфики инкорпорации данного региона в состав Московского государства [2, с.42].

Кроме информации о служилых и ясачных людях Уфимского уезда в XVII – начале XVIII в., в фонде Уфимской приказной избы содержатся материалы, раскрывающие процессы формирования различных социальных групп населения Казанского и Вятского края в период позднего средневековья и Нового времени. Отложение таких документов в фонде объясняется разными причинами, в первую очередь, с взаимодействием переезжавших в Приуралье переселенцев с уфимской администрацией.

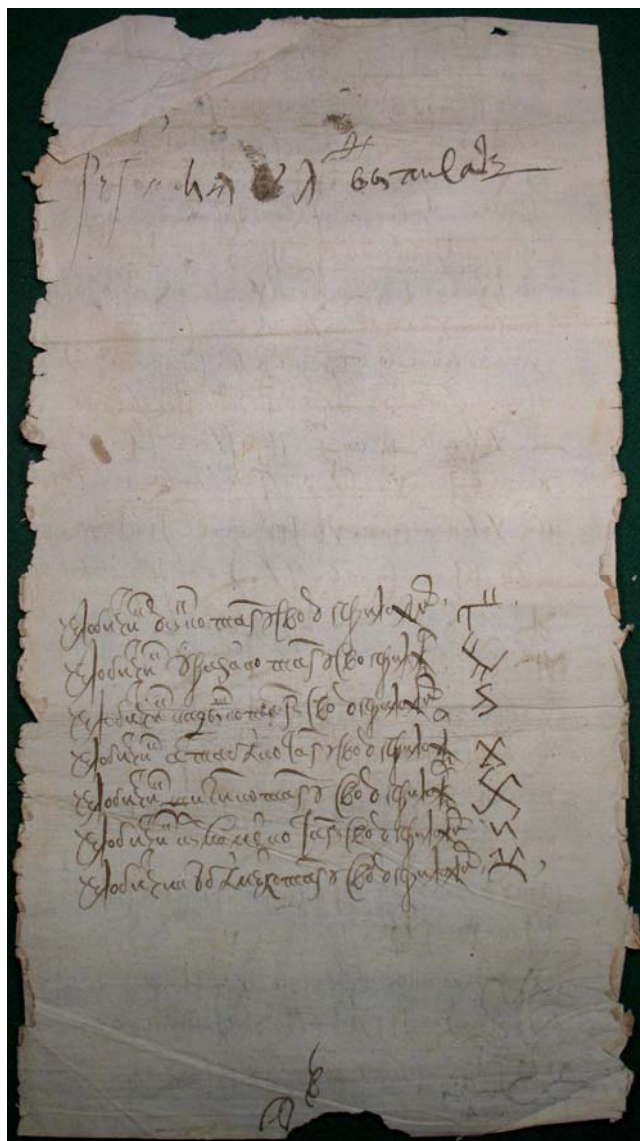
В числе документов фонда можно выделить комплекс архивных источников, связанных с историей каринских (арских) князей. Каринцы в конце XV в. создали на территории Вятской земли удельное татарское княжество, впоследствии подчинившееся московским великим князьям [3].

В документах фонда содержатся исторические сведения об одном из крупных татарских феодальных кланов, связанные с массовой миграцией каринских татар в первой половине XVII в. с территории Каринского погоста Хлыновского уезда в район нижнего течения р. Иж Уфимского уезда (совр. Агрызский район Татарстана). Первоначально, войдя в состав ясачного населения Уфимского уезда (бобылей и башкирцев), каринские князья стремились вернуть свой прежний статус, который имели в период проживания на Вятской земле. Для обоснования своего «высокого» положения они использовали акты, выдававшиеся их предкам московскими правителями, а также другие значимые документы.

Так, в материалах делопроизводства уфимской канцелярии отложились копии (списки) документов о роде князей Давлетьяровых. Родоначальником рода был Давлетьяр Мухаметказыев. 16 февраля 1685 г. представитель этого рода Юсуп Давлетьяров с «товарыши» обратились с челобитной об исключении их из тяглого состояния и записи в уфимские служилые татары, так как «в прошлых годах прадеды и деда их служили в Вятском уезде в князьях и за службы дан[ы] им жалованные грамо[ты] за красною вислою печатью и служа они померли, а отцы их остались в малых летех и оскудали и от той де скудости перешли в Уфинской уезд»¹.

В ходе разбирательства этого дела в Уфе была составлена роспись представителей рода Давлетьяровых и связанных с ней семейств, проживавших в Уфимском уезде, а именно: 1) Юсупа Давлетьярова; 2) Мамийки Юнусова; 3) Янбая Уразакова; 4) Лукашки Танатарова; 5) Кулмаша Танатарова; 6) Серкейки Кангилдина; 7) Алиша Тленчеева; 8) Рязки Тлянчеева; 9) Кадырмета Ямеева (жил в д. *Атабаево*); 10) Мамычки Ишмаметева;

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.1173. Оп.1. Д.861. Л.1.

Фрагмент документа с тамгами каринских татар.

РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.861. Л.4 об.

11) Сулемана Ишмаметева; 12) Каныша Ишмаметева; 13) Килейки Келдыбекова; 14) Ямея Ахмаметева; 15) Уразая Ахмаметева; 16) Баймета Ахмаметева; 17) Курмаша Шигимкова; 18) Алки Алишева (жил в д. Атабаево); 19) Тленчея Балтаева (жил в д. Варзи); 20) Кангилдки и 21) Сафара Айгилдиных (жили в д. Бавбековы); 22) Калмычки Манашева и 23) Урусая Богданова (жили в д. Кабаны); 24) Акбулата Айбулатова (переехал из д. Шабиз в д. Атабаево); 25) Килиша Тенякова (жил в д. Мушуге); 26) Сюлея

Девлеткилдеева (жил в д. *Варзи*); 27) Ураза Кулмамбеткова (жил в д. *Рысово*); 28) Уркея Курбанова; 29) Тебяча Итешева; 30) Сеина Янбулатова (жил в д. *Варзи*); 31) Ямея Васильева (жил в д. *Мушуге*); 32) Маметомина Семёнова (жил в д. *Атабаево*).

Писцами Уфимской приказной избы были сняты копии с предоставленных татарами актовых материалов, которые и стали основными правоустанавливающими документами при рассмотрении челобитной. 8 июня 1685 г. уфимский воевода И.П. Кондырев принял решение об исключении просителей из ясака и записи в списки уфимских служилых татар, о чем им была выдана оберегательная память. Эти же документы XVI–XVII вв., а также составленная в 1785 г. родословная князей Давлетъяровых, стали основой для рассмотрения прошения потомков Юсупа Давлетъярова (16 человек) от 10 февраля 1785 г. о включении их в состав российского дворянства. Сами они проживали в Сеитовом посаде под Оренбургом и в разных деревнях Уфимского наместничества².

Предлагаемые читателю документы включают: списки с жалованных грамот московских правителей каринским князьям, датируемые 1510, 1520, 1542 гг. (№1–3); список с памяти (наказа) 1616 г. (№4), список с оберегательной памяти 1685 г. (№5) и родословная князей Давлетъяровых 1785 г. Первые три документа ранее были опубликованы М.В. Гришкиной по списку, хранящемуся в Государственном архиве Кировской области [1]. Необходимость издания данных актовых материалов по «уфимским» спискам обусловлена тем, что документы, хранящиеся в РГАДА, имеют значительно лучшую сохранность и дополняют «кировские» списки. Кроме того, их репрезентация в рамках данной публикации важна для комплексного рассмотрения истории одного из основных княжеских родов каринских татар. Три заключительных документа публикуются впервые. Эти материалы содержат ценную информацию как по истории каринских татар и их потомков XVI–XVIII вв. в целом, так и о роде князей Давлетъяровых в частности.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№1. Список с жалованной грамоты великого князя Василия III Ивановича князю Давлетъяру Мухаметказыеву о призыве людей из зарубежья на жительство в Вятскую землю, 18 декабря 1510 г.

// (Л.9) Василей, божиею милостию государь всеа Руси и великий князь Владимирский и Московский, и Ноугордцкий, Псковский, Тверски, Югорски, Пермски, Болгорский, Вяцкий и иных, пожаловал есми Девлечяра Магмет Казыева сына, что за ним наше жалованье в нашей отчине на Вятке в Хлыновском уезде в Чеперском стану, ловля Ивановская Оникиева, да деревня Васильевская Юрчакова, и те де их деревни запустили, да за ним же де жили наши люди чюваша на Якимцове и на Иштинине и ож будет так и яз князь великий пожаловал Девлечяра

² РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.861. Л.18.

звати ему в те деревни к себе жити людей из зарубежья, а не из моей вотчины великого княжества и кого к себе Девлечьяр в те деревни призовет жити людей и тем людям не надобе моя великого князя дань до письма, доколе Вяцкую землю писцы наши опишут, а наместницы наши хылыновские и их тиуни кормов своих у них не емлют до писма, а кому будет чего искати на Девлечьяре или на его приказщиков и на его слобожанех, и коих судит наш наместник хылыновской // (Л.10) сам, а тиун его их не судит, писан на Москве, лета 7019 году, декабря в 18 день³.

А у подлинной грамоты печать вислая красная.

На зади у подлинной грамоты написано:

Василей божиею милостию государь всеа Русии и великий князь.

// (Л.9 об.) *Вписано на старотатарском языке*: Мин Кудаш бу сказкага куйлым [куйдым] юлдашларым өчен⁴.

РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.861. Л.9–10. Список 1685 г.

Ранее было опубликовано по списку, хранящемуся в Государственном архиве Кировской области: Гришкина М.В. Служилое землевладение арских князей в Удмуртии XVI – первой половины XVIII веков // Проблемы аграрной истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С.35–36.

№2. Список с жалованной грамоты великого князя Василия III Ивановича князю Давлетьяру Мухаметказыеву и его детям Семенцу и Иванцу Давлетьяровым о пожаловании им половины погоста Карина с арянами, татарами и вотяками, 20 сентября 1520 г.

// (Л.13) Се аз князь великий Василей Иванович всеа Русии пожаловал есми татарина Довлечьяра Магметказыева сына, да его детей Семенца, да Иванца на Вятке половиною Карина аран, татар и вотяков, что было за Шептяком за Агзяновым сыном, да за его детми, да за Шептяковым братом за Момачем, да за его сыном за Шагабом опричь другие половины, что за Тахтамышем, да за Тонешем со всем потому как была та половина за Шептяком и за его братом и за их детми и наместницы наши⁵ хылыновские и их тиуни Довлечьяра и у его детей и тех арян и вотяков не судят ни в чем, опричь душегубства и разбоя с поличным, а приводчики и доivotчики поборов своих у них не емлют и не въезжают к ним ни по что, а ведает и судит тех арян, татар и вотяков Довлечьяр сам, да его дети Сенька // (Л.14), да Ивашко, да и я к себе на них емлют по старине ж, как с них шло Тептяку, да его брату Момачю з детми, а случитца суд с месной тем его аряном татаром и вотяком з городскими людьми или с волосными [людми] и с вотяки и наместницы наши хылыновские и их тиуни судят, а Довлечьяр и его дети с ними ж судит, а присылно делятца на полы, а кому будет чего искати на Довлечьяре и на его детех иной ж судят наши наместники хылыновские сами, а тиуни их не судят, а корм дают наместником хылыновским и их тиуном по старине, а збирают тот корм Довлечьяр и его дети сами, дают наместником хылыновским, а наместничих пошлин никому с них того корму самим не брати, а мою великого князя дань и ям-

³ 18 декабря 1510 г.

⁴ Перевод с татарского языка: «Я Кудаш (Кузесейтов. – Р.И., О.В.) поставил руку (подпись) за своих спутников».

⁵ В списке слово «наши» написано дважды подряд.

ские деньги дают с тех арян и вотяков в мою казну по писцовым книгам, а дана грамота лета 7029 году, сентября в 20 день⁶.

У подлинной грамоты печать вислая красная.

// (Л.15) А назади у подлинной грамоты написано:

«Князь и великий Василей Иванович всеа Русии».

Да у той же грамоты назади ж написано:

«Князь и Великий Иван Васильевич всеа Русии, по сей грамоте пожаловал Семенца, да Иванца Девлечьяровых детей на Вятке половиною Кариной арян, татар и отяков, что было за отцом за их и за ними всем, потому что в сей грамоте писано⁷ сее у них грамоты рушати не велел никому ничем, а наместником хлыновским и их тиуном и всем пошлин никому велел у них ходить о всем, потому как в сей грамоте писано: «писан на Москве, лета 7042 году, июня в 18 день⁸, а подписал дьяк Федор Мишурин, приказал великого князя казначей Юрей Дмитриевич».

РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.861. Л.13–15. Список 1685 г.

Ранее опубликовано по списку, хранящемуся в Государственном архиве Кировской области: Гришкина М.В. Служилое землевладение арских князей в Удмуртии XVI – первой половины XVIII веков // Проблемы аграрной истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С.36–37.

№3. Список с жалованной опасной грамоты великого князя Московского Ивана IV Васильевича князьям Сяйтяку Алисуфова, Казыму Газыеву и Шеисламу Мурзетову о призыве на жительство в Вятку казанских людей, вотяков и чувашей, на имя великого князя, 6 мая 1542 г.

// (Л.11) Список з грамоты.

Се яз, князь великий Иван Васильевич всеа Русии⁹, пожаловал¹⁰ есми с Вятки арских князей Сяйтяка Алисуфова, да Казыма Газыева, да Шеислама Мурзетова, о том мне били челом, а сказывали, что, де, ис казанских мест казанские люди, вотяки и чуваше, не хотят итти на мое, великого князя, имя на опас на Вятку жити, или у которых у вотяк и у чуваш жены их и дети в¹¹ мое¹², великого князя, вотчине в полону на Вятке, и они, де, хотят приити¹³ на мое ж имя на Вятку жити за своими женами и за детьми, да не смеют, де, итти без моего ведома, и мне бы тех¹⁴ арских князей пожаловати, велети¹⁵ б им ис казанских мест вотяков и чуваш призывати жити на Вятку, жити на мое, великого князя, имя на опас, да и грамота бы мне им дати своя опасная, чтобы им казанских вотяков и чуваш ис казанских мест за меня, за великого князя, призывати жити волно. И яз, князь

⁶ 20 сентября 1520 г.

⁷ В списке слово «писано» написано дважды подряд.

⁸ 18 июня 1534 г.

⁹ Буква -у- исправлена из буквы -о-.

¹⁰ Конечная буква -ъ исправлена из буквы -и.

¹¹ Предлог в приписан.

¹² Так в ркп.

¹³ Слог при- приписан позже над строкой.

¹⁴ Слово «тех» приписано над строкой.

¹⁵ Слово «велети» исправлено позже из слова «виити».

Иван Васильевич всеа Русии¹⁶, арских князей Сяйтяка Алисуфова, да Кызыма, да Шеислама пожаловал, дал есми им сю свою жалованную грамоту опасную, а велел есми им по сей нашей грамоте изс¹⁷ казанских мест казанских людей, которые похотят, вотяки и чюваша, итти жити на Вятку на мое, великого князя, имя, и тем арским князем тех казанских¹⁸ людей, вотяков и чюваш, призывать на мое, великого князя, имя вольно, и которые люди, вотяки и чюваша, придут на мое, на великого князя, имя на Вятку за которого //(Л. 12) за арского князя жити, за тем живет, а тот князь того вотяка и чювашу являют хлыновскому наместнику, а явки дают наместнику с семьи куницу, а будет без семьи одна мужская голова болшая, и они с нее явки дают по три белки, а которые старые вятцкие каринские вотяки и чюваше не ходят¹⁹ в казанские места своего полону жон и детей окупати да, окупив жоны и дети, приходят опять на Вятку жити, и наместнику с тех вотяков и с чюваш явки нет. А которые люди, вотяки и чюваши, изс²⁰ казанских мест²¹, а х которому²² арскому князю придут жити на мое, на великого князя, имя, и тому арскому князю того вотяка и чювашенина ведати по старине, как прежних своих вотяков ведают о всем, потому как у них в жалованной грамоте писано: да что, де, тех пришлых, новых и старых, вотяков и чюваш, которые придут жити на Вятку на мое, великого князя, имя, вятчания, де, их бьют, и грабят, и обиды чинят им многое, и которые вятчания вотяков и чюваш пришлых, новых и старых, станут бити и грабить или какие обиды чинить без суда и без ысца, и тем вятчаням от меня бити в опале и в продаже. А дана грамота на Москве лета 7050-го мая в 6 день²³. У подленной грамоты печать вислая красная, а назади у подленной грамоты написано: князь Иван Васильевич всеа Русии – да ниже того написано: а приказал боярин и дворецкой князь Иван Иванович Кубенской.

РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.861. Л.11–12. Список 1685 г.

Ранее опубликовано по списку, хранящемуся в Государственном архиве Кировской области: Гришкина М.В. Служилое землевладение арских князей в Удмуртии XVI – первой половины XVIII веков // Проблемы аграрной истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С.37–38.

№4. Список с памяти князьям Кибикею Иванову и Калине Балезину на засеку вдоль Никольского острожка, 19 декабря 1616 г.

// (Л.16) Список с памяти лета 7124 году, декабря в 19 день²⁴. По государеву, цареву и великого князя Михаила Феодоровича, всеа Русии ук[азу] память на засеку в Никольской ост[рожек] князю Кибикею Иванову, да Калине Балезину, декабря в 19 день писали вы к воеводам, ко князю Федору Андреевичу Звенигородцкому да к Василью Терентьевичу Жемчужникову, да к дья-

¹⁶ Буква -у- исправлена из буквы -о-.

¹⁷ Так в ркп.

¹⁸ Буква -х- исправлена из буквы -м-.

¹⁹ Буква -д- исправлена позже из буквы -т-.

²⁰ Так в ркп.

²¹ Слово «мест» приписано позже над строкой.

²² Слог ко- приписан позже над строкой.

²³ 6 мая 1542 г.

²⁴ 19 декабря 1616 г.

ку к Михаилу Ординцову, что вы со всеми ратны[ми] людьми пришли в Николской острожек декабря в 17 день и острожек и на долобы и засеки прибавили и в подъезды до Ношуля дву человек послали, а тово вы имянно не написали сколько засеки вдоль и поперег прибавили и как к вам ся память придет и вы б засеки велели засечь вдоль от Николского острожку на обе стороны по версте и болши, а поперег сажень по сту и болши, а как засеку засечете и на долобы поделаете и острожек совсем укрепите и вы б к воеводам, ко князю Федору Андреевичу Звенигородцкому, да к Василью Терентьевичу Жемчужникову, да к дьяку Михаилу Ординцову отписали по государеву указу воеводы князь Федор Андреевич Звенигородцкой с товарищи вам указ учинят, а как подъеззичики ис подъезду из Ношуля приедут к вам и вы б прислали их в Хлынов того ж часу, к сей памяти воеводы Федор Андреевич Звенигородцкой, да Василей Терентьевич Жемчужников печати свои приложили.

А назади подлинной памяти припись дьяка Михаила Ординцова.

РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.861. Л.16. Список 1685 г.

**№5. Список с оберегательной памяти каринским татарам
Юсупу Давлетьярову с товарищи о записи их в число уфимских
служилых татар, 8 июня 1685 г.**

// (Л.22 об.) Лета семь тысяча сто девяносто третьяго года, июня в 8 день²⁵, били челом великим государем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцем, а на Уфе в приказной избе думному дворянину и воеводе Ивану Петровичу Кондыреву, подали челобитную Уфинского уезду, Казанские дороги деревни Варзи каринские татаровя: Юсуп да Уразай Девлетьяровы, Кадыш Кузесеитов, Ахтабай Зянчюрин, Шигим Хилялов, Кулмамет Сейтяков, Баймамет Касимов з братьями и с племянники, чтоб великие государя пожаловали, велели отверстав их по свой великих государей указ учинить. И в нынешнем в 7193 году, майя в 28 день²⁶, в грамоте великих государей, царей и Великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, писано на Уфу к думному дворянину и воеводе к Ывану Петровичу Кондыреву по челобитье их Юсупа с товарищи в прошлых де годах // (Л.23) прадеды, деды их служили в Вятцком уезде в князьях и за службы даны де им жалованные грамоты за красною вислою печатью и служа они померли, а отцы их остались в малых летех и от скудости перешли в Уфимской уезд в тое деревню Варзи и поселились около тое деревни, пашни распахни на диком поле в порозжих землях и написаны в бобыльской ясак, платят и по сей число, а жалованные де грамоты и ныне у них есть и великим государем пожаловати б за службы прадедов и дедов их, велеть им с той земли вместо денежнаго жалованья великих государей службу служить по Уфе и ясак с них сложить и положить на бобыльских детей и на братьев и на племянников их, которые живут безьясашно и по той великих государей грамоте думному дворянину и воеводе Ивану Петрову по тому их челобитью и по жалованным грамотам, каковы они положат на Уфе в приказной избе учинить по указу великих государей и думной дворянин и воевода Иван Петрович прежних грамот, которые написаны в

²⁵ 8 июня 1685 г.

²⁶ 28 мая 1685 г.

их, Юсупове с товарищи, челобитье досматривал и по досмотру жалованныя грамоты за красными вислыми печатми прошлых 7019²⁷, да 29²⁸, до 80²⁹ годов блаженныя памяти государя и великого князя Василья Ивановича всеа России да сына ево блаженныя ж памяти великого государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всеа России, а в них написано: Девлетъяр Магметказыев сын, да ево дети Иванец да Семенец да князь Сибиkey Иванов и выписки они Юсуп с товарищи сказали: Девлетъяр Магметказыев // (Л.23 об.) сын им прадед, а ево дети Семенец да Иванец, да князь Сибиkey Иванов деда, в тех же грамотах написаны: Сейтяк Инисефов, Кызыл Газлеев, Шеислам Мурзесеитов и про них Кадыш Кузачитов, Итабай Алчюрин, Шигим Хилялов, Кулмаммет Сейтяков, Букмаммет Касимов сказали, что они Сейтяк и Казым и Шеислам, им Кадышу с товарищи прадеды, а которые нынешние челобитчики их Юсуповы и Кадышевы с товарищи сродичи, братья и племянники, били челом по тем же старым жалованным грамотам и хто братья и племянники и тем людям имяны поданы, они к выписке под челобитною роспись и в росписи написаны, деревни Варзи Мандей Юнусов, Анбай Уразаков, Лукашка, Дурмиш Танатаровы, Серкей Кангилдин, Аниш да Ряз Тлянчевы, Селеман Ишмамметев, Ямей, да Уразай, да Баймаммет Ахмамметевы, Курмаш Шигимов, Тлянчей Болтаев, Сюлея Девлеткилдиев, Ишик Янбулатов, деревни Алтабаевы Кадыр Ямеев, Калей Калдибеков, Алко Алишев, Анбулат Анбулатов, Малитдей Семенов, деревни Ишмамметевы, деревни Баубековы Кандилда, да Сафар Айгильдины, деревни Кабановы Калмык Манашев, Урусай Бегданов, деревни Мугуши Кимуш Теняков, Имей Васильев, деревни Рысовы Ураз Калмамметев, деревни Лагуш Уркес Курбанов, Утебяс Утешев. И по указу великих государей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России самодержцев и по выписке // (Л.24) за пометою думного дворянина и воеводы Ивана Петровича Кондырева, велено их Юсупа, да Уразая Девлетъяровых, Кадыша Кузесеитова, Ахтабай Зянчюрин, Шигима Хилялова, Кулмаммет Сейтякова, Баймамметя Касимова с братьями и племянники написать на Уфе в список с служилыми татары и служить им с той старинной пашенной земли и ясак с них снять и написать на безьясашных бобылей и они Юсуп и Кадыш с товарищи, на Уфе в список с служилыми татары написаны и к ним Юсупу с товарищи и ясашным сборщиком и иным посыльщиком не примишеватца и ясаки и подвод с них не имать и ничем их не убытчить, к сей памяти великих государей, царей и Великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России самодержцев печать Уфимского города думной дворянин и воевода Иван Петрович Кондырев приложил.

На подлинной грамоте на обороте по столпам подписано тако: дворянин и воевода Иван Петрович Кондырев. Справил Стенка Власьев.

РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.861. Л.22 об.–24. Список 1685 г.

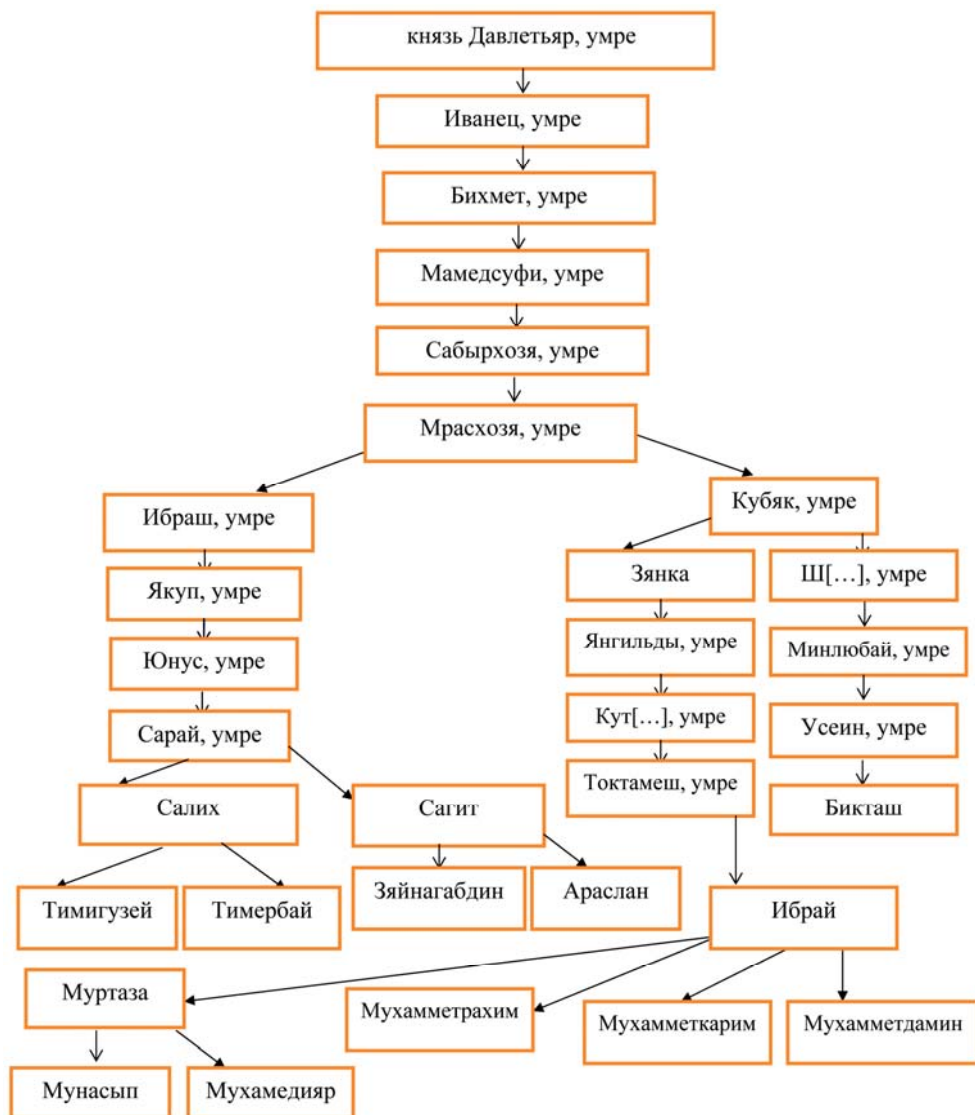
²⁷ Дата соответствует периоду с 1 сентября 1510 по 31 августа 1511 г.

²⁸ Дата соответствует периоду с 1 сентября 1520 по 31 августа 1521 г.

²⁹ Дата соответствует периоду с 1 сентября 1571 по 31 августа 1572 г.

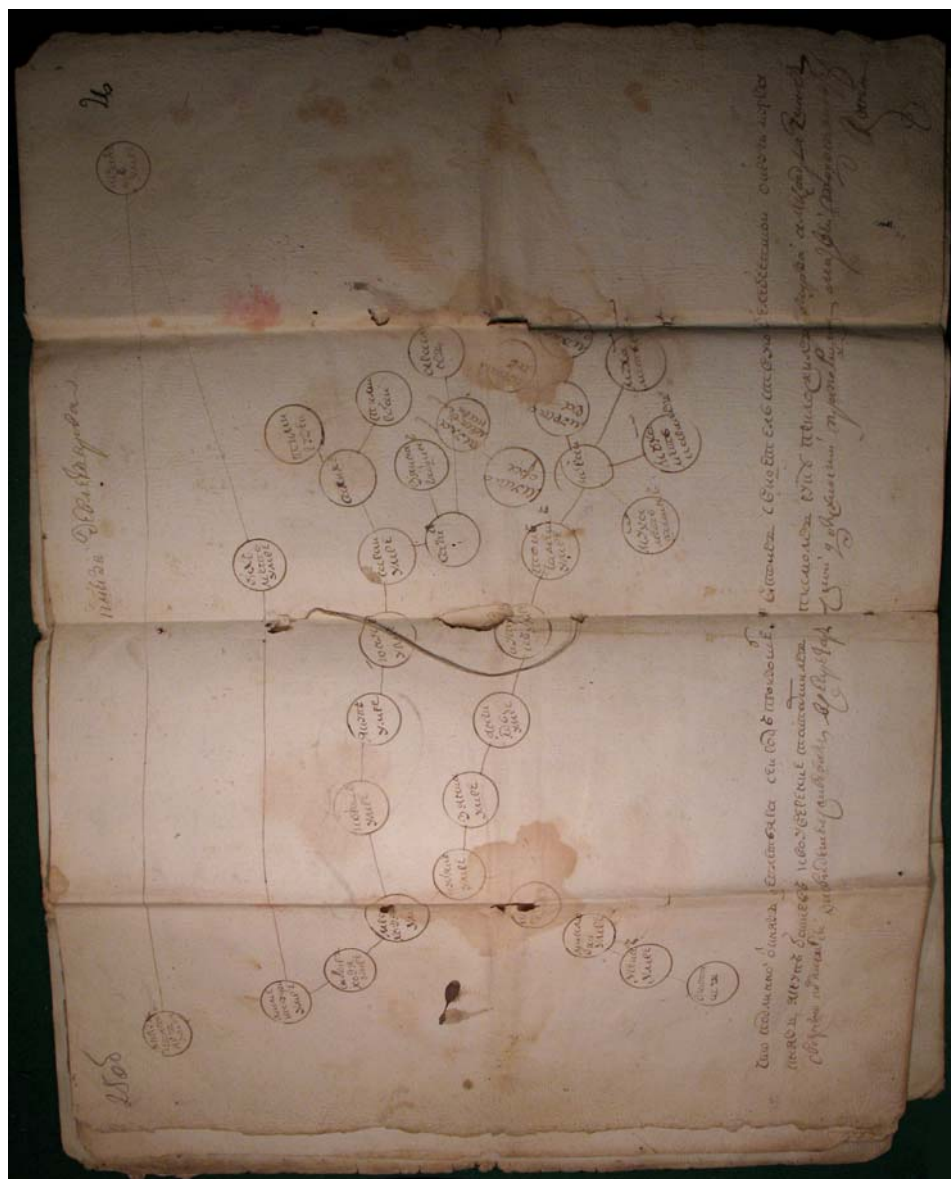
**№6. Родословная каринских князей из рода
Давлетъяра Мухаметказыева, 1789 г.**

По: РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.861. Л.25 об.–26.

Что подлинно от князь Девлетъяра сей род произошел, в том свидетельствую Белебеевской округи мурза, князь Якуп Байкиев и во уверение татарским писмом руку приложил, мурза Александр Алчинов своеручно подписался, засвидетельствовал в секретарской должности прапорщик Матвей Водопьянов.

РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.861. Л.25 об.–26.

Фрагмент документа. РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.861. Л.25 об.–26.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гришкина М.В. Служилое землевладение арских князей в Удмуртии XVI – первой половины XVIII веков // Проблемы аграрной истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С.20–40.

2. История татар Западного Приуралья в документах и материалах из фонда «Уфимская приказная изба» Российского государственного архива древних актов. Т.1. Ясачное землевладение и поземельные волости / сост., авторы вступ. статьи, археогр. предисл., примеч., научно-справочного аппарата Р.Р. Исхаков, О.О. Владимиров. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2024. 168 с.

3. *Исхаков Д.М.* Арские князья и нукратские татары. Казань: Изд-во Фэн, 2010. 224 с.

Информация об авторах:

Исхаков Радик Равильевич – доктор исторических наук, заведующий отделом истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7303-408X; e-mail: ishakovist@gmail.com

Владимиров Олег Олегович – научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0008-6803-3550; e-mail: olegvladimirov@list.ru

Поступила 01.10.2024

Принята к публикации 05.11.2024

New materials on the history of the Karinsk (Arsk) princes Davletyarovs family of the 16th – 18th centuries

R.R. Iskhakov, O.O. Vladimirov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The publication presents documents from the Ufa Prikaznaya Izba collection of the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA), which reveal a number of issues on the history of the Karinsk princes Davletyarovs family. These materials expand the source base for studying the history of the Karinsk Tatars, as well as the processes of their migration to the Urals and integration into the social structure of the population of the Ufa district in the 17th century. The publication may be useful in studying the social processes that took place in the Volga-Ural region in the 16th – 18th centuries, as well as for research in genealogy and local history.

Keywords: Ufa district, Karinsk Tatars, princes Davletyarovs, Ural region, Karino, Vyatka land

For citation: Iskhakov R.R., Vladimirov O.O. New materials on the history of the Karinsk (Arsk) princes Davletyarovs family of the 16th – 18th centuries. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.4, pp.164–176. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.164-176> (In Russian)

REFERENCES

1. Grishkina M.V. Service land tenure of the Arsk princes in Udmurtia in the 16th – first half of the 18th centuries. *Problems of the agrarian history of Udmurtia*. Izhevsk, 1988. Pp.20–40. (In Russian)
2. *History of Tatars of the Western Urals in documents and materials from Ufa Prikaznaya Izba collection of the Russian State Archive of Ancient Acts*. Vol.1. Yasak land tenure and land volosts. Compiled by R.R. Iskhakov, O.O. Vladimirov. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2024. 168 p. (In Russian)
3. Iskhakov D.M. Arsk princes and Nukrat Tatars. Kazan: Fen Publ., 2010. 224 p. (In Russian)

About the authors:

Iskhakov Radik Ravilevich – Dr. Sci. (history), Head of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7303-408X; e-mail: ishakovist@gmail.com

Vladimirov Oleg Olegovich – Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0008-6803-3550; e-mail: olegvladimirov@list.ru

Received October 1, 2024

Accepted for publication November 5, 2024

НОВЫЕ КНИГИ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(470.4)"17/18"

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-4.177-182

Рецензия на книгу: История Казанского адмиралтейства в документах и материалах (сост., автор предисловия, примечаний, научно-справочного аппарата И.З. Файзрахманов; Казань, 2023)

А.И. Ногманов

*Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

Настоящая рецензия посвящена недавно вышедшему из печати сборнику документов и материалов, связанных с развитием военно-морского судостроения в России в XVIII – первой трети XIX в. Автор-составитель сборника И.З. Файзрахманов давно и успешно разрабатывает данную проблематику. В рецензируемом издании им вводится в научный оборот большой корпус источников, выявленных в фондах Российского государственного архива Военно-Морского флота (г. Санкт-Петербург). В документах сборника отражены различные аспекты деятельности Казанского адмиралтейства – одного из ведущих центров отечественного кораблестроения. Предприятие играло важную роль в укреплении обороноспособности страны, обеспечивая помимо строительства военных кораблей в Казани заготовку корабельных лесов для других российских верфей. Кроме того, адмиралтейство участвовало в административном управлении народами Поволжья, выполнявшими лашманскую повинность, занималось учетом и охраной лесных угодий, реализацией других задач, поставленных государством. Материалы сборника расширяют круг источников по истории Волго-Камского региона в Петровскую и последующие эпохи, представляют интерес для историков, правоведов, филологов, всех интересующихся историей родного края.

Ключевые слова: российское судостроение, военно-морской флот, Поволжье, Казанское адмиралтейство, лашманы

Для цитирования: Ногманов А.И. Рецензия на книгу: История Казанского адмиралтейства в документах и материалах (сост., автор предисловия, примечаний, научно-справочного аппарата И.З. Файзрахманов; Казань, 2023) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №4. С.177–182. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.177-182>

Изучение развития российской судостроительной промышленности в XVIII – первой трети XIX в., как и роль в этом процессе Казанского адмиралтейства долгое время оставались на периферии внимания отечественных историков. Актуальность данной темы определяется колоссальной ролью Поволжского региона в становлении российского военно-морского флота, снабжении его корабельным лесом и другими материалами. Кроме того, в центральных и местных архивах, в первую очередь в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота (РГАВМФ), отложился большой пласт неопубликованных материалов, представляющих значительный интерес для ис-

следователей. Расширение круга источников по истории Казанского адмиралтейства позволит обогатить историческую науку новыми архивными сведениями о развитии государственного военно-морского судостроения в Волго-Камском регионе в XVIII – первой трети XIX в.

Сборник документов и материалов, подготовленный старшим научным сотрудником Института истории им. Ш.Марджани Академии наук РТ, кандидатом исторических наук И.З. Файзрахмановым, является серьезным вкладом в решение этой задачи [1]. До появления сборника основным источником информации об истории Казанского адмиралтейства являлся узкий круг документов, опубликованных в «Материалах для истории русского флота», «Сборнике Русского исторического общества», Полном собрании законов Российской империи, а также в ряде других малодоступных дореволюционных изданий. Содержащиеся в них сведения дают скудное и фрагментарное представление о деятельности этого важного для обороноспособности России предприятия. Отрадно, что данный пробел теперь в значительной степени устранен.

Заслугой автора-составителя является комплексный подход к отбору документов. Содержание сборника дает разноплановое представление об истории судостроительной промышленности в Казани: ее зарождении, комплектовании производственных кадров, правовом и материальном положении мастеровых и служащих, условиях их труда и быта. Показана роль Казанского адмиралтейства в административном управлении народами Поволжья, определенными к заготовкам корабельных лесов (лашманами), особенности реализации государственной лесной политики в регионе, в том числе в области учета и охраны лесов.

Сборник вобрал в себя 180 документов из фондов РГАВМФ (г. Санкт-Петербург). В зависимости от содержания документы собраны в отдельных параграфах, а параграфы в разделах (всего 4 раздела, по 3 параграфа в каждом). Материалы, не соответствующие проблематике разделов и параграфов, включены в приложение. Документы в каждой части основного текста и приложении представлены в хронологическом порядке. При этом диспропорции в объемах параграфов и разделов не наблюдается. Археографическая работа с источниками проведена грамотно, примечания к документам приведены в постраничных ссылках. К значительной части источников даны отсылки на опубликованные или неопубликованные материалы одинакового или схожего содержания, в том числе на законодательные акты из Полного собрания законов Российской империи. Издание текстов документов автор-составитель сопровождает предисловием, именным и географическим указателями, словарем устаревших и малоупотребительных слов и выражений, перечнем источников и литературы, списком документов, включенных в сборник. В целом, введение в научный оборот этих материалов следует расценивать как весомый вклад в фундаментальную науку.

В сборнике большое внимание уделено документам, раскрывающим технологию строительства судов, историю формирования материальной базы предприятия. Ценные сведения содержит раздел о Казанской адмиралтейской слободе, в которой проживали плотники, кузнецы и другие работники. Среди наиболее примечательных источников – документы по комплектованию штатов Казанского адмиралтейства, включающие в себя данные из формулярных списков и иных документов о руководителях, мастеровых и служащих. Следует отметить, что И.З. Файзрахмановым в 2018 г. был издан сборник документов, посвященный лашманам и их трудовой повинности [2]. Документы, представленные в 4-м разделе настоящего сборника, дополняют указанное издание, раскрывая детали процесса организации лесозаготовок, выполнения лашманами других повинностей, контроля государства над их занятиями во внерабочее время.

Необходимо особо подчеркнуть, что И.З. Файзрахманов проделал большую и трудоемкую работу по поиску и отбору материалов для публикации, которые могут лечь в основу обобщенных исследований по истории местного края, истории Военно-морского флота России. В необходимых случаях в сборник включены фрагменты ранее опубликованных документов. Однако они немногочисленны и сопровождаются авторскими комментариями и ссылками.

Большая часть документов сборника – делопроизводственные материалы, в основном протоколы Казанской адмиралтейской конторы, которые составлялись практически ежедневно по рабочим дням. Они сохранились почти за весь период существования Казанского адмиралтейства и репрезентативны для разных хронологических отрезков. Так, для показа динамики развития предприятия И.З. Файзрахманов привлек документы за 1741,

1755, 1757, 1767, 1774, 1775, 1782, 1783, 1784, 1787, 1790, 1793, 1794, 1795 и 1799 гг. Стремление автора-составителя отобрать материалы, дающие комплексное представление о казанском судостроении, видно и на других примерах. В частности, в сборник включены 4 документа 1805–1806 гг., в которых представлены предложения капитана 1-го ранга Я.Е. Подколызина по преобразованию Казанского адмиралтейства и улучшению его деятельности.

Отобранные И.З. Файзрахмановым документы подверглись взыскательной научно-археографической обработке. Автор максимально вдумчиво подошел к составлению заголовков, в каждом конкретном случае обозначая вид, содержание источника, его авторство и дату. Столь же скрупулезно в предисловии к сборнику обоснована его структура, изложены принципы передачи текстов документов.

Особого внимания заслуживает научно-справочный аппарат издания. И.З. Файзрахманов проделал большую работу по составлению комментариев, которые насыщены разнообразной информацией, помогающей читателю глубже понять контекст описываемых событий. Географический и именной указатели, словарь устаревших и малоупотребительных слов и выражений, насчитывающий 698 терминологических единиц, тщательно отработаны и выверены, удобны для использования. Поскольку книга адресована не только специалистам, но и всем интересующимся историей, это особенно важно.

В качестве пожелания следует указать на отсутствие в публикации отдельной статьи, раскрывающей информационный потенциал документов, включенных в издание. Это помогло бы читателю лучше понять авторский замысел, задало ориентиры для будущих научных изысканий. Впрочем, информативные возможности воспроизведенных текстов столь велики, что их детальная характеристика возможна лишь в рамках специального монографического исследования. Частные замечания в отношении целесообразности включения в сборник отдельных документов, формулировок заголовков разделов, параграфов и самих источников не носят принципиального характера.

Подготовленный И.З. Файзрахмановым сборник документов и материалов открывает новые возможности в изучении истории Казанского адмиралтейства и лашманской повинности, в целом истории татарского народа, Среднего Поволжья и России. Без сомнения, это издание будет востребованным среди историков, филологов, правоведов, широкого круга читателей, интересующихся историей родного края, включая потомков лиц, стоявших у истоков российского военно-морского судостроения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Казанского адмиралтейства в документах и материалах / сост., автор предисловия, примечаний, научно-справочного аппарата И.З. Файзрахманов; Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ; РГАВМФ. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2023. 608 с.

2. Лашманы в строительстве российского флота: сборник документов и материалов / сост., автор предисловия, примечаний, научно-справочного аппарата И.З. Файзрахманов. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2018. 584 с.

Информация об авторе:

Ногманов Айдар Ильсурович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий отделом новой истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0000-2013-8339; e-mail: nogmanov_a@mail.ru

Поступила 24.10.2024

Принята к публикации 22.11.2024

Book review: History of the Kazan Admiralty in documents and materials
(Compiler, Author of the preface, notes, scientific reference
apparatus I.Z. Faizrakhmanov; Kazan, 2023)

A.I. Nogmanov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

This review is devoted to a recently published collection of documents and materials related to the development of naval shipbuilding in Russia in the 18th – first third of the 19th century. The author and compiler of the collection, I.Z. Faizrakhmanov, has been successfully developing this issue for a long time. In the reviewed publication, he introduces into scientific circulation a large corpus of sources found in the funds of the Russian State Archive of the Navy (St. Petersburg). The documents in the collection reflect various aspects of the activities of the Kazan Admiralty, one of the leading centers of domestic shipbuilding. The enterprise played an important role in strengthening the country's defense capability, ensuring, in addition to the construction of warships in Kazan, the procurement of ship timber for other Russian shipyards. In addition, the Admiralty participated in the administrative management of the peoples of the Volga region who performed the lashman duty, was engaged in the registration and protection of forest lands, and the implementation of other tasks set by the state. The materials of the collection expand the range of sources on the history of the Volga-Kama region in the Petrine and subsequent eras, are of interest to historians, lawyers, philologists, and all those interested in the history of their native land.

Keywords: Russian shipbuilding, navy, Volga region, Kazan Admiralty, lashmans

For citation: Nogmanov A.I. Book review: History of the Kazan Admiralty in documents and materials (Compiler, Author of the preface, notes, scientific reference apparatus I.Z. Faizrakhmanov; Kazan, 2023). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.4, pp.177–182. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.177-182> (In Russian)

REFERENCES

1. *History of the Kazan Admiralty in documents and materials*. Compiler, Author of the preface, notes, scientific reference apparatus I.Z. Faizrakhmanov. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2023. 608 p. (In Russian)
2. *Lashmans in the construction of the Russian fleet: collection of documents and materials*. Compiler, Author of the preface, notes, scientific reference apparatus I.Z. Faizrakhmanov. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2018. 584 p. (In Russian)

About the author:

Nogmanov Aidar Iksurovich – Cand. Sci. (history), Senior Researcher, Head of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0000-2013-8339; e-mail: nogmanov_a@mail.ru

Received October 24, 2024 Accepted for publication November 22, 2024

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(47).072.5

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-4.183-190

Счастливый историк с музейным прошлым: к 65-летию Михаила Игоревича Роднова

М.В. Гаухман

*Национальный музей Республики Башкортостан
Уфа, Российская Федерация*

В эссе кратко рассмотрена научная биография доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук М.И. Роднова. В нем показана музейная, общественная, публикационная, редакторская деятельность М.И. Роднова, сформулированы основные черты его стиля историописания.

Ключевые слова: история Башкортостана, историография Башкортостана, музейное дело, Национальный музей Республики Башкортостан

Для цитирования: Гаухман М.В. Счастливый историк с музейным прошлым: к 65-летию Михаила Игоревича Роднова // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №4. С. 183–190. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.183-190>

Благодарности: Автор благодарит Михаила Роднова и заведующего отделом истории края Национального музея Республики Башкортостан Веру Макарову за консультации по истории музея в 1990-е гг.

14 января 2024 г. исполнилось 65 лет историку и краеведу, организатору исторической науки, доктору исторических наук, ведущему научному сотруднику отдела истории и истории культуры Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук – Михаилу Игоревичу Роднову. Ученый известен своими работами по различным направлениям социально-экономической истории Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Кроме того, он выступает инициатором и редактором серийных изданий по истории Башкортостана. А одной из страниц биографии М. Роднова стала работа в Национальном музее Республики Башкортостан (до 1993 г. – Башкирский государственный объединенный музей), в должности заместителя директора по научной работе, в переломное время – с 1990 по 1995 г.

Начало научного пути. Михаил Роднов родился в Ярославле в 1959 г. Вскоре семья Родновых переехала в Уфу. Выбор столицы Башкортостана был связан с тем, что мать историка была эвакуирована сюда в период Великой Отечественной войны.

В школе Михаил Роднов заинтересовался историей – и в 1976 г. поступил на исторический факультет Башкирского государственного университета. Темой его научных интересов в студенческие годы стала Партия социалистов-револю-

ционеров («эсеров»). Отработав после университета три года в сельской школе, молодой ученый в 1984 г. был принят соискателем (вскоре – аспирантом) в академический Институт истории, языка и литературы. В советское время сложно было серьезно исследовать историю противников большевиков – «буржуазных партий». Поэтому М. Роднов обратился к земельному вопросу в Уфимской губернии начала XX в. – и в 1988 г. в Казанском государственном университете защитил кандидатскую диссертацию «Аграрные отношения в Уфимской губернии накануне Великой Октябрьской социалистической революции. 1912–1917 гг.»¹.

Михаил Роднов был принят в Институт истории, языка и литературы младшим научным сотрудником, а вскоре повышен до научного сотрудника. В те же годы М. Роднов присоединился к экологическому движению. Напомним: экологические вопросы обострились в Советском Союзе после Чернобыльской катастрофы, а в Республике Башкортостан – экологические активисты выступали против строительства АЭС в городе Агидель и требовали соблюдения экологических норм после фенольной катастрофы 1989 г. Тогда выброс фенола в речные воды привел к тому, что содержание фенола в воде превысило предельно допустимую концентрацию более чем в 100 раз, а в водопроводной воде оказалось большое количество токсичных хлорпроизводных веществ, в том числе опасных диоксинов².

Музейный период. Общественная активность молодого ученого вызвала напряженность в отношении с руководством научного центра. Тогда он совершил крутой жизненный поворот – и избрал для дальнейшей работы тот социальный институт, без которого невозможно представить себе «инфраструктуру» исторического знания. Ученый стал музейщиком: пе-

¹ Научная биография [М.И. Роднова] // Роднов и его друзья. URL: <http://www.mrodnov.ru/index.php?Page=1&id=0> (дата обращения: 15.07.2024).

² См., напр.: 33 года назад в Уфе началась фенольная катастрофа // Телеканал «UTV». URL: <https://dzen.ru/a/Y3x0j5arqVzSDPuq> (дата обращения: 15.07.2024).

решил в Башкирский государственный объединенный музей (с 1993 г. Национальный музей Республики Башкортостан).

Для центрального музея республики конец 1980 – начало 1990-х гг. стали поистине бурным временем: в 1989 г. музей обрел новый «дом» – историческое здание Уфимского отделения Крестьянского поземельного банка постройки начала XX в., в котором ранее размещались Башкирские областные комитеты КПСС и ВЛКСМ. Получение нового здания означало приобретение новых хлопот по перевозу и размещению музейных фондов и созданию новой экспозиции. Из-за отсутствия финансирования новая постоянная экспозиция была открыта только после реконструкции 2001–2004 гг., инициированной первым Президентом Республики Башкортостан М.Г. Рахимовым [2; 5].

Перед тридцатидюлетним Михаилом Родновым, ставшим заместителем директора по научной работе большого регионального музея, развернулось широкое поле применения творческих идей и организационных усилий, несравнимое с относительно узкими задачами научных сотрудников академических институтов. Он выполнял самые разнообразные обязанности:

1. Возглавлял музей при постоянных командировках в создаваемые музеи-филиалы директора Ильдара Акбулатова и заместителя директора по работе с филиалами Любови Чишковой. В тот период активно разрасталась региональная музейная сеть, а новые музеи становились филиалами Национального музея Республики Башкортостан, число которых увеличилось за десять лет ровно в три раза: с 18 в 1988 г. до 54 в 1998 г. [3, с.118–123; 9].

2. Руководил подготовкой к открытию филиала в Уфе – Мемориального дома-музея С. Т. Аксакова, что было приурочено к 200-летию со дня рождения известного писателя Сергея Аксакова (1791–1859) [4]. Это событие стало повторной презентацией дома-музея – с новой экспозицией, состоящей из литературной и мемориальной части. Впервые же дом-музей был открыт в 1978 г., с мемориальной экспозицией.

3. М. Роднов сделался редактором нового историко-краеведческого сборника «Башкирский край», который пользовался значительным спросом у краеведов и музейщиков. Под его руководством были выпущены первые пять из семи номеров сборника, издание которого прекратилось в конце 1990-х гг. Добавим, что выпуск «Башкирского края» музей возобновил в 2023 г. – в новом формате ежеквартального музейно-краеведческого журнала.

4. Историк участвовал во внедрении нормированной системы оплаты труда, которую в наше время именуют «эффективным контрактом» [1]. Однако новая система продержалась недолго: во-первых, руководству музея было трудно объективно оценивать деятельность специалистов разных подразделений и направлений, например, недостаточным оказался «вес» в оплате труда экскурсионной работы; во-вторых, перед музеем постоянно

ставились задачи, которые носили для сотрудников внеплановый характер, а потому дополнительные усилия не могли быть оценены «в рублях».

Возвращение в академию. В 1995 г. Михаил Роднов покинул Национальный музей Республики Башкортостан и вернулся в Институт истории, языка и литературы. Конечно, только он может ответить на вопрос о причине этого поворота. Все же догадаться несложно: музейщик – это всегда многостаночник, которому приходится выполнять разнородные задания отнюдь не только в соответствии с утвержденным планом. Подтверждением этому является не только личный опыт автора этих строк, но и серия интервью 2023 г. с молодыми музейными профессионалами в рамках интернет-проекта «Музей & молодость» от АНО «Идеи для музеев»³. Многолетний режим работы музейщика – путь если не к эмоциональному выгоранию, то к утрате энтузиазма, если не найдены различные «опоры» своей профессии-призвания.

Вместе с тем, в начале 1990-х гг. из академических институтов происходил отток кадров: кто-то уходил в бизнес, а кто-то эмигрировал. В результате освобождались места для других энтузиастов научного познания. Так что в 1995 г. М. Роднов вновь стал научным сотрудником отдела истории Института истории, языка и литературы, в 1997 г. был повышен до старшего научного сотрудника, с 1999 до 2011 г. заведовал отделом истории (с 2006 г. – отделом истории и истории культуры), а с 2011 г. и по сей день – занимает должность ведущего научного сотрудника этого же отдела. В 2002 г. у него вышла первая «полновесная» монография, а через два года – он защитил докторскую диссертацию [7; 8].

Авторский стиль историописания. Михаил Роднов является автором не менее двадцати индивидуальных книг и брошюр, десятков статей и очерков: по аграрной истории, исторической статистике, истории хлебного рынка, банков, биржи, социальной истории дворянства и купечества, истории транспорта, прессы и краеведения⁴.

В настоящем эссе, посвященном юбилею М. Роднова, ограничимся рефлексией над его стилем историописания⁵, который охарактеризуем следующими чертами:

³ Музей & молодость (серия интервью с молодыми музейщиками). URL: https://disk.yandex.ru/d/C7cGXQ_Mx3ZYNA (дата обращения: 15.07.2024).

⁴ Публикации [М.И. Роднова] // Роднов и его друзья. URL: <http://www.mrodnov.ru/index.php?Page=3&id=0> (дата обращения: 15.07.2024).

⁵ Под «историописанием» в российской историографии понимаются научные труды и любые другие тексты на историческую тематику, как фрагменты исторических нарративов, а также процесс создания таких текстов. Распространение этого понятия, как показывает Владимир Менщиков, стало результатом осмысления учеными-историками наличия принципиально множественных нарративов о прошлом, отражающих общественные запросы и специфику эпох, в которые создаются тексты по истории [См.: 6].

Позитивистское направление. Михаил Роднов – историк-позитивист, как и большинство коллег. Он занимается приращением исторического знания, не вдаваясь на страницах своих работ в теоретические дискуссии о том, что представляет собой то или иное направление науки, тот или иной термин.

Комплексный подход. Условной «концепцией», которой следует М. Роднов, предлагаем считать его стремление охватить различные взаимосвязанные стороны общества «позднеимперской» Уфимской губернии. От изучения аграрных отношений, с чего начался его научный путь, ученый переходит к социальной истории крестьянства, хлебному рынку, помещичьему хозяйству, торговле, купечеству, даже краеведению того времени, поскольку тогдашние ученые – главные «открыватели прошлого» для историков рубежа XX–XXI вв.

Региональный выбор. М. Роднов берется за разработку тех тем, которые изучаются в общероссийской перспективе и разрезе отдельных регионов страны, но не всегда в рамках Башкортостана. Существуют работы по аграрной и крестьянской истории, истории промышленности и банковского дела, но как не хватает работ по этим направлениям, относящимся именно к Башкортостану или Урало-Поволжью.

Краеведческая ориентация. Историк выступает краеведом только в своих статьях, а не в монографиях. Но его пристрастие к описаниям деталей в исторических процессах, судеб людей и семей, показывает, что «в душе» он является краеведом, стремящимся детально реконструировать прошлое малой родины.

Обращение к просопографии. В монографиях по социальной истории дворянства и купечества историк стремится реконструировать прошлое, изучая биографии личностей и семей как представителей дворянства или купечества. В современной историографии изучение социальных групп сквозь призму биографий их представителей называется просопографией [10, с.26].

Отношение к источникам. Историк не только сам работает с источниками, но и стремится «открыть» их своим коллегам и читателям. Поэтому он пространно цитирует исторические источники, вплетая их в авторское изложение, печатает их в приложениях к монографиям или отдельно – в сборниках.

Внимание к статистике. Продолжением авторского отношения М. Роднова к источникам является его пристальное внимание к статистике. В его работах по аграрной, социальной и экономической истории статистические данные становятся важной частью изложения, образуют объемные табличные приложения и даже могут становиться целыми книгами – по исторической статистике.

Склонность к изящной словесности. М. Роднов ценит своего читателя и как будто беседует с ним – на хорошем литературном языке. Эту

доверительность мы наблюдаем, когда автор создает портреты людей и семей из прошлого, делает описания и выводы.

Публикационная активность. Для историков, в целом для создателей социально-гуманитарного знания, наиболее ценными считаются монографии, которые «рождаются» редко и трудно. Конечно, книги М. Роднова преимущественно небольшого объема (редко превышают триста страниц), но регулярность их выхода – поражает.

* * *

Перед тем как поставить точку – объясним, почему в заглавии эссе Михаил Роднов назван «счастливым историком». Потому что он состоялся как ученый, признан коллегами и ценим краеведами. В завершение пожелаем ему долгих, плодотворных и счастливых лет жизни и творчества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акбулатов И.М. Музейная экономика // Музееведение: сб. ст. Вып. 1. Уфа, 1995. С.16–26.
2. Валиуллин Г. Культурные ворота в Башкортостан: первому Президенту Республике Башкортостан Муртазе Рахимову посвящается... // Башкирский край. 2023. №4. С.16–17.
3. Валиуллин Г.Ф. Национальный музей Республики Башкортостан: история создания и развития. 2-е изд., изм. и доп. Уфа: Информреклама, 2014. 159 с.
4. Иванова Г.О. Новая жизнь дома-музея С.Т. Аксакова // Музееведение: сб. ст. Вып. 1. Уфа, 1995. С.154–158.
5. Макарова В. Вехи истории Национального музея Республики Башкортостан. Ч.II: Музей на рубеже эпох // Башкирский край. 2024. №1. С.6–21.
6. Менищikov В.В. «Историописание» и отечественная историческая традиция // Вестник КГУ. 2009. №2. Серия «Гуманитарные науки». Вып. 5. С.27–32.
7. Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа: ДизайнПолиграф-Сервис, 2002. 312 с.
8. Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения: дис. ... докт. ист. наук. Уфа, 2004. 444 с.
9. Чишкова Л.А. Музейное объединение: за и против // Национальный музей Республики Башкортостан. Люди. События. Факты. 1994–1998: сб. ст., посвященных 135-летию музея. Уфа, 1999. С.7–10.
10. Юмашева Ю.Ю. Просопография: к вопросу о периодизации применения метода в исторических исследованиях // Историческая информатика. 2022. №1. С.1–51. <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2022.1.37566>

Поступила 15.08.2024

Принята к публикации 03.10.2024

Информация об авторе:

Гаухман Михаил Владимирович – кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе, Национальный музей Республики Башкортостан (Уфа, Российская Федерация); ORCID: 0009-0005-4527-4472; e-mail: mix-mix-mix@mail.ru

**A happy historian with a museum past:
on the 65th anniversary of Mikhail Igorevich Rodnov**

M.V. Gaukhman

*National Museum of the Republic of Bashkortostan
Ufa, Russian Federation*

The essay briefly examines the scientific biography of Doctor of Historical Sciences, leading researcher at the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences M.I. Rodnov. It shows the museum, social, publishing, editorial activities of M.I. Rodnov, and formulates the main features of his style of historical writing.

Keywords: history of Bashkortostan, historiography of Bashkortostan, museum work, National Museum of the Republic of Bashkortostan

For citation: Gaukhman M.V. A happy historian with a museum past: on the 65th anniversary of Mikhail Igorevich Rodnov. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.4, pp.183–190. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.183-190> (In Russian)

Acknowledgments: The author thanks Mikhail Rodnov and the head of the regional history department of the National Museum of the Republic of Bashkortostan Vera Makarova for consultations on the museum history in the 1990s.

REFERENCES

1. Akbulatov I.M. Museum economics. *Museum Studies: collection of articles*. Vol.1. Ufa, 1995. pp.16–26. (In Russian)
2. Valiullin G. Cultural gates to Bashkortostan: dedicated to the first President of the Republic of Bashkortostan Murtaza Rakhimov. *Bashkir region*. 2023, no.4, pp.16–17. (In Russian)
3. Valiullin G.F. *National Museum of the Republic of Bashkortostan: history of foundation and development*. 2nd edition. Ufa: Informreklama Publ., 2014. 159 p. (In Russian)
4. Ivanova G.O. New life of the house-museum of S.T. Aksakov. *Museum Studies: collection of articles*. Vol.1. Ufa, 1995. pp.154–158. (In Russian)
5. Makarova V. Milestones in the History of the National Museum of the Republic of Bashkortostan. Part 2. Museum at the turn of epochs. *Bashkir Region*. 2024, no.1, pp.6–21. (In Russian)

6. Menschikov V.V. "Historian writing" and domestic historical tradition. *Herald of KSU. Series: Humanities*. 2009, no.2, pp.27–32. (In Russian)

7. Rodnov M.I. *Peasantry of Ufa province in the early 20th century (1900–1917): social structure, social relations*. Ufa: DesignPolygraphService Publ., 2002. 312 p. (In Russian)

8. Rodnov M.I. *Peasantry of Ufa province in the early 20th century (1900–1917): social structure, social relations*. Dissertation for the Doctor of Historical Sciences degree. Ufa, 2004. 444 p. (In Russian)

9. Chishkova L.A. Museum association: pros and cons. *National Museum of the Republic of Bashkortostan. Persons. Events. Facts. 1994–1998*. Collection of articles dedicated to the 135th anniversary of the museum. Ufa, 1999. Pp.7–10. (In Russian)

10. Yumasheva Yu.Yu. Prosopography: on the issue of periodization of application of the method in historical research. *Historical informatics*, 2022, no.1, pp.1–51. <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2022.1.37566> (In Russian)

About the author:

Gaukhman Mikhail Vladimirovich – Cand. Sci. (history), Deputy Director for Research, National Museum of the Republic of Bashkortostan (Ufa, Russian Federation); ORCID: 0009-0005-4527-4472; e-mail: mix-mix-mix@mail.ru

Received August 15, 2024

Accepted for publication October 3, 2024

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках
Государственной программы Республики Татарстан
«Реализация государственной национальной политики
в Республике Татарстан»

The preparation and publication of the journal were carried out within
the framework of the State program of the Republic of Tatarstan
“Realization of the State National Policy in the Republic of Tatarstan”

Академия наук Республики Татарстан является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение
в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или
частично, без разрешения правообладателя запрещается

The Tatarstan Academy of Sciences is a holder of exclusive property
rights of its own publications. Any use of the material
of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole
or in part, without permission of the rights holder is prohibited

Из истории и культуры народов Среднего Поволжья.
2024. Том 14, № 4

From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region.
2024, vol. 14, no. 4

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева*

Оригинал-макет подготовлен
в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ
420111, ул. Батурина, 7, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

Подписано в печать 06.12.2024 г. Дата выхода в свет 19.12.2024 г.
Формат 70×100 ¹/₁₆ Печ. л. 12,0 Тираж 200 экз.
Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Академии наук Республики Татарстан
420111, ул. Баумана, 20, Казань,
Республика Татарстан, Российская Федерация
E-mail: izdat.anrt@yandex.ru

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф